

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ
РАН**

1999-2000

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

**ТРУДЫ ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
1999-2000**

Выпуск 3

Москва 2002

042(02)1

Редколлегия:

член-корреспондент РАН *А.Н.Сахаров* (отв. редактор),
Г.Б.Куликова, Е.Н.Рудая

Редакторы:

Е.Н.Балашова, И.А.Головань

ISBN 5-8055-0088-4

© Институт российской
истории РАН, 2002 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт российской истории РАН выпускает уже третий выпуск своих трудов, который включает, как и предыдущие, доклады научных сотрудников, сделанные на заседаниях Ученого совета института и его секций, а также отредактированные стенограммы обсуждения докладов. Как и ранее, в сборник входят доклады, связанные с разными периодами истории России и различной проблематикой.

В настоящем выпуске следует выделить доклады двух основных направлений. Первое из них относится к сфере национальных проблем в их исторической перспективе. Доклады В.В.Трепавлова «Ногайская орда в истории России» и В.И.Котова «Межнациональные отношения на Северном Кавказе в 20-30-е гг. XX в.», далеко отстоящие друг от друга хронологически, раскрывают истоки многих последующих сложных процессов в области национальных отношений и национальной политики Российской империи и Советского Союза.

Наиболее широко звучит в настоящем выпуске проблема «Человек в истории». Известный французский историк Марк Блок очень образно определил, что «история — это человек во времени». Именно с этих позиций в докладе И.М.Пушкаревой рассматриваются решенные и главным образом не решенные, основательно подзабытые в последние годы проблемы изучения рабочего движения в России. Автор привлекает к анализу не только наработки российских историков, но и самые последние достижения в изучении истории рабочего класса за рубежом. Доклад Ю.И.Кирьянова «Правые партии в России в 1905-1917 гг.» посвящен связи правых партий и их идеологий с определенными кругами российского общества.

Другие доклады в рамках этого направления связаны уже с более поздним периодом XX в., с историей совет-

ского общества. Ситуация в армии в послеоктябрьский период как части российского общества рассмотрена в докладе С.Н.Базанова. Ранее не становившаяся предметом научного исследования тема доклада С.В.Журавлева «Иностранцы в Советском обществе 1920-30-х гг.» основана на новых массовых источниках, связанных с работой в Советском Союзе иностранных рабочих и специалистов, стремившихся помочь нашей стране в строительстве социализма.

С проблемой человека тесно связан доклад В.Б.Жиромской, в котором анализируются демографические проблемы Российской Федерации в 1930-е гг.

Особое место в исследованиях института в последние годы занимает социальная история, поэтому столь значимым, открывающим новые перспективы, представляется доклад академика Ю.А.Полякова, посвященный историческим аспектам сложной, но столь необходимой для понимания противоречивых процессов XX в. темы «Человек в повседневности».

Доклад Л.Н.Нежинского также не выпадает из обозначенного выше направления, т.к. касается высших эшелонов партийной власти, той узкой группы функционеров, которые определяли и направляли внешнюю политику советского государства в 1920-1930-е гг.

Несколько особняком стоят доклады Н.А.Соболевой, посвященный одной из спорных проблем средневековой российской геральдики и А.А.Иголкина, дающий картину отечественной нефтяной промышленности в первой трети XX в.

Издание трудов института будет продолжено.

НОГАЙСКАЯ ОРДА В ИСТОРИИ РОССИИ*

Научный интерес к истории ногайцев возник в конце XVIII в., когда эти бывшие крымские и османские подданные вошли в состав Российской империи. Своеобразная их организация (деление на Орды), поиск способов управления множеством кочевых общин-улусов вызвали необходимость изучения исторических корней ногайцев и обстоятельств их появления в Причерноморье и на Северном Кавказе. Этому способствовала и любознательность Екатерины II. Императрица желала иметь полное представление о новоприсоединенных народах. Ни у кого не возникало сомнений, что ногайцы XVIII в. являются потомками жителей Ногайской Орды — восточной соседки России в прошлом. Об этом государстве знали российские интеллектуалы, которые к тому времени уже начали осваивать огромный корпус источников по русской истории.

Однако долгое время исследование этого народа находилось на периферии внимания историков. В 1774 г. И.Э.Фишер имел полное основание констатировать, что «о ногах не имеем мы порядочной истории»¹. Это утверждение во многом истинно и сегодня.

Мировой приоритет в монографическом изучении Ногайской Орды принадлежит, очевидно, М.Г.Сафаргалиеву. Во введении к своей неопубликованной диссертации 1938 г. он верно отразил значение темы для российской историографии: «Будем ли мы изучать распад Золотой Орды, образование Московского государства, борьбу русского народа с «татарским игом», историю крымских и поволжских татар, башкиров, узбеков, казахов и каракалпаков — мы всегда будем сталкиваться с историей

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 3 февраля 2000 г.

Ногайской Орды, без изучения которой многие вопросы для историка будут непонятны»². Труды В.М.Жирмунского, А.А.Новосельского, Г.И.Перетятковича, М.Г.Сафаргалиева, многих других авторов позволили в целом представить историю Ногайской Орды. Но в целом можно сказать, что на сегодняшний день эта история в самых общих чертах известна, но не написана. Как правило, эта степная держава служит для исследователей своеобразным фоном при освещении средневековых международных отношений в Восточной Европе и Центральной Азии XV-XVII вв. Слабая изученность породила довольно распространенное впечатление о ногаях как о некоей кочевой стихии, диких степняках, хаотичной совокупности улусов... В настоящем докладе сделана попытка дать обобщенную картину развития Ногайской Орды и ее отношений с Россией на основе русских архивных материалов и восточных источников.

Ногайская держава располагалась на территории Западного и Центрального Казахстана, Южного Урала и Нижнего Поволжья. По своему пространственному положению, составу населения, административному устройству, внешней политике она выступала непосредственной наследницей прежних кочевых империй Евразии.

Слава основателя Ногайской Орды часто необоснованно приписывается Едигею – беклярибеку (т.е. верховному военачальнику) и фактическому правителю Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. Он являлся лишь родоначальником правящего клана будущей Ногайской Орды. Едигей принадлежал к кочевому тюркскому племени мангытов.

Служившие ему опорой мангыты и их юрт (район кочеваний) на реке Урал (Яик) в то время приобрели определенный приоритет перед соседними племенами и юртами. Связь с всемогущим «делателем королей» вызвала тенденцию к автономии мангытских кочевий в системе позднезолотоордынских улусов. Однако формальный ранг Едигея и особенно его ближайших преемников, сы-

новой и внуков, не позволял правителям Мангытского юрта претендовать на сколько-нибудь значительную самостоятельность и тем более независимость. По меньшей мере до начала XVI в. Мангытский юрт находился в структуре реликтового ханства так называемого левого крыла Золотой Орды. В силу ряда социальных и политических факторов аристократия мангытов заняла ведущие позиции в этом ханстве, но лишь на рубеже XV-XVI вв. (а номинально, очевидно, позднее — с 1530-х гг.) смогла избавиться от сюзеренитета вышестоящих ханов.

Вторая половина XV в. отмечена двумя процессами, отразившими формирование нового очага государственности. Во-первых, происходило образование самостоятельной, суверенной системы управления, присущей независимым державам кочевников. Во-вторых, наблюдалась первичная этническая консолидация населения в рамках относительно замкнутых границ. Появилось надэтническое (первоначально) имя «ногай» — его происхождение пока однозначно не выяснено. Оно служило обозначением населения Мангытского юрта, или, что тоже самое, Ногайской Орды, вне зависимости от племенной принадлежности. Лишь обитатели северной периферии Орды — башкиры — к тому времени уже сформировали устойчивую этническую общность, и на них «государственное имя» не распространялось³.

Окончательное складывание Ногайской Орды можно связывать с именами ее правителей — биев Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая в 30-40-х гг. XVI в. Проведенные ими административные реформы позволили Орде встать в один ряд с ведущими восточноевропейскими державами того времени. Государственный строй развивался на основе золотоордынских и более ранних традиций. Но при этом традиция той же Золотой Орды не позволила ногайским биям — потомкам Едигея — обрести ханский ранг, поскольку они, даже при отсутствии теперь над собой старших ханов, все-таки продолжали считаться беками,

или беклярибеками, т.е. главными военачальниками (бий – вариант произношения слова «бек»). Ханом мог стать только потомок Чингисхана. Это формальное обстоятельство не позволило лидерам ногаев уравнивать себя с главами большинства соседних государств; крымский хан, например, воспринимал ногайского бия как своего сановника-карачи⁴. Однако реальный военный и экономический потенциал Ногайской Орды в XVI в. превратил ее во влиятельного партнера международных отношений, заставил считаться с ней всех окрестных сюзеренов.

Социальные процессы в ногайском обществе подрывали могущество, созданное при Саид-Ахмеде и Шейх-Мамае. Особенности кочевой экономики и политического устройства привели к обособлению отдельных улусов. В течение XVI в. сформировалось сильное сословие мирз – ногайской знати. Под влиянием меняющейся политической конъюнктуры, опираясь на замкнутое хозяйство собственных кочевий, мирзы оказывались подверженными сепаратистским настроениям. На раскол знати повлияли и династические распри. Во второй половине XVI в. ногайская государственность вступила в тяжелый и необратимый кризис. Обособление улусов сопровождалось активными миграционными процессами. Потоки переселенцев направлялись тогда, главным образом, в крымское Причерноморье и на Северо-Западный Кавказ.

Обстоятельства сложились так, что в последней четверти XVI – начале XVII в. на внутренние дезинтеграционные процессы наложилось сразу несколько неблагоприятных внешних факторов.

Во-первых, калмыцкое нашествие. По пути из Западной Сибири на Волгу калмыки прошли сквозь основную территорию ногаев и частью вытеснили, частью подчинили их себе.

Во-вторых, набеги казаков. В 1581 г. волжские казаки разрушили ногайскую столицу Сарайчук, а затем стали обосновываться в центре ногайских кочевий – по берегам Яика.

В-третьих, экспансия казахов. По мере ослабления верховной власти биев некоторые племена Ногайской

Орды переходили в подданство казахским ханам, которые, таким образом, расширяли подвластную им территорию на запад. В течение XVII в. бывший район главных ногайских кочевий оказался поделенным между яицкими казаками, калмыками и новообразованным Младшим жузом казахов.

В-четвертых, в результате падения Казанского и Астраханского ханств и резкого усиления Российского государства нарушился баланс сил, сложившийся в Восточной Европе в течение XV – первой половины XVI в. после распада Золотой Орды. Ногаи столкнулись с необходимостью выбора ориентации на одного из двух противостоящих гегемонов региона – Крым или Россию. Знать Ногайской Орды раскололась на прокрымскую и пророссийскую партии. Этому расколу способствовали также интриги Москвы и Бахчисарая, их борьба друг с другом. Данное обстоятельство тоже мешало правительству Орды контролировать всю территорию распадавшегося государства. Были неоднократные попытки реванша (об этом свидетельствовали перекочевки обратно на левобережье Волги, переговоры с властями Бухары о восстановлении Сарайчука). Но в результате внешних ударов ногаи в конце концов утратили прежние кочевья и превратились в кочующих скитальцев. В середине – второй половине XVII в. они постепенно закреплялись в пределах нового Калмыцкого ханства, княжеств Северного Кавказа, а также во владениях Гиреев – по всей огромной степной полосе между Крымом и Россией.

В истории некоторых народов Евразии существовал так называемый ногайский период. В качестве научного термина это понятие фигурирует в историографии башкир и каракалпаков; фольклорные памятники казахов и киргизов связывают легендарный «героический век» с эпохой господства ногаев. С Ногайской Ордой и выходцами из нее соприкасались и отчасти ассимилировались

предки казахов и киргизов, татар казанских и крымских, сибирских и астраханских, башкир и каракалпаков, туркмен и калмыков, донских и уральских казаков, а также многих народов Северного Кавказа. Влияние ногаев на соседей можно свести к трем аспектам — политическому, этническому и культурному.

Ногайская держава доминировала в степях сравнительно недолго — в конце XV и первой половине XVI в. Однако ее политическое воздействие на соседей началось раньше и продолжалось после этого периода. Влияние ощущалось прежде всего в татарских ханствах — таких же, как и Ногайская Орда, наследниках и «осколках» Золотой Орды. Семья беклярибека Едигея — будущий правящий клан ногаев — занимала ведущее положение среди золотоордынской знати в XV в. Поэтому когда Золотая Орда развалилась, потомки Едигея тоже заняли посты беклярибеков в наследных Юртах. Правда, в Крыму и Казани эта должность существовала лишь формально, но в Большой Орде и иногда в Астрахани мангытский беклярибек являлся действительным соправителем монарха.

После разгрома крымцами Большой Орды в начале XVI в. значительная часть живших там мангытов переселилась в крымские владения, заняв кочевья между Перекопом и Днепром. Основная же масса мангытов и ассоциированных с ними племен (т.е. ногаи) сконцентрировалась в междуречье Волги-Яика-Эмбы и образовала Ногайскую Орду. Отношения новой державы с крымскими ханами-Гиреями складывались непростые, часто враждебные. Тем не менее нередкими были переходы ногайских улусов из-за Волги на так называемую Крымскую сторону реки. Эти миграции увеличивали число ногаев в государстве Гиреев. К середине XVI в. клан Мангыт стал одним из четырех знатнейших и наиболее влиятельных в Крыму; в конце того же столетия конница ханства состояла уже в основном из ногаев. В 1570-х гг. там была учреждена заимствованная из Ногайской Орды должность нурадина — второго наследника престола.

Близкое соседство позволяло ногаем влиять на внутреннее положение в Казанском, Астраханском и Сибирском юртах, сажать на троны своих ставленников. По данным некоторых источников, эти государства были обязаны отчислять определенные платежи правителям Ногайской Орды. Еще более непосредственному и интенсивному воздействию южных кочевников подвергались башкирские племена — подданные ногайских биев.

Восточными соседями Ногайской Орды были казахи и ханства Средней Азии. Отношения ногаев с казахскими династиями тоже развивались сложно, между ними случались жестокие войны. В первой четверти XVI в. хан Касим завоевал все степи за Волгой, но во второй четверти произошла ногайская «реконкиста», и Казахское ханство превратилось в вассала ногаев. Узбекские же государства служили, главным образом, приютом для беженцев из ногайской державы — биев и мирз, потерпевших неудачу в междоусобной борьбе.

Политическое влияние ногаев на Россию практически не просматривается, а если и было то очень ограниченным из-за религиозного (ислам) и экономического (кочевое скотоводство) барьеров и по причине отдаленности. Лишь со второй половины XVI в. в Московское царство стали переселяться мирзы; некоторые из них положили начало княжеским фамилиям (Кутумовы, Урусовы, Юсуповы и др.). Ногайские отряды нередко действовали в составе русских армий в Ливонской войне и позже, в кампаниях против поляков, немцев и шведов.

В фольклоре каракалпаков — народа, некогда вышедшего из Ногайской Орды, сохранились многочисленные воспоминания о пребывании их в составе страны Ногайлы; о ногайско-каракалпакской этноисторической общности свидетельствуют и близкие соответствия в названиях родоплеменных подразделений. Народ «ногой» фигурирует в героическом эпосе киргизов «Манас» как дружественный киргизам, составляющий с ними единое

владение, улус; именно из ногоев происходил сам главный герой, богатырь Манас. В результате двух больших волн переселений XVI в. ногайский элемент закрепился и в составе казахского этноса. Несомненным стимулом для ассимиляции послужило и то, что казахский Младший жуз целиком расположился на бывшей территории Ногайской Орды. Среди башкир, особенно юго-восточных, распространены группы с названием «ногай». Есть свидетельства о проживании ногаев на землях Сибирского юрта⁵.

Таким образом, выходцы из Ногайской Орды проникли в состав почти всех окрестных народов. Инфильтрация ногаев повсеместно влекла за собой увеличение монголоидности в облике населения, количества кипчакских элементов в языке, кочевых черт в культуре.

Существенным оказалось воздействие ногаев на материальную и духовную культуру сопредельных стран. В XVI в. жители Ногайской Орды стали для земледельческих народов своеобразным эталоном степных кочевников, скотоводов и конных воинов. Именно оттуда получала пополнение для своей конницы, в частности, Россия: почти ежегодно огромные табуны пригонялись с юго-востока в Москву и Казань. В литературе высказано предположение, что русская дворянская кавалерия в XVI – начале XVII в. в большинстве своем формировалась из ногайских лошадей⁶. Соответственно и амуниция всадника (седло, стремяна, аркан, саадак, плеть-нагайка, боевой нож) заимствовалась из того же источника. Ногаи прививали навыки обращения не только с лошадьми, но и с другим скотом, а также разведения его в Ставрополье и Дагестане (волы ногайской породы), Осетии и Черкесии (верблюды), на Ярославщине (овцы)⁷. Ногайские традиции сказывались и на повседневном быте. Например, в России и Турции славились ногайские тулупы; астраханские татары при выпекании хлеба пользовались ногайской печью (нугай пиче), а на праздниках боролись «по-ногайски»

(нугайга) — когда соперники охватывали друг друга за поясицы полотенцами; барабинские татары имели обыкновение кочевать «по-ногайски в телегах» и т.д.⁸

В ходе своих миграций ногаи несли и некоторые элементы духовной культуры. Литературный язык-тюрки воспринимался османами как ногайский; калмыки использовали арабское («ногайское», как формулировали в Посольском приказе) письмо в сношениях с Москвой, пока здесь не обзавелись переводчиками, способными читать «мунгальские» грамоты⁹. У тюркских народов Евразии (ногайцев, татар, башкир, казахов, каракалпаков и прочих) сложился общий пласт героического эпоса, так называемый ногайский цикл, повествующий о Едигее и его потомках. Сама фигура родоначальника ногайских биев Едигея была сакрализована казахами и каракалпаками. Они почитали его как покровителя лошадей¹⁰.

Рассмотрение различных форм и видов влияния ногаев на народы Евразии показывает, что самым ранним было политическое воздействие. Оно достигло кульминации в XV-XVI вв., в эпоху существования Ногайской Орды. Вторым по значимости в тот период было влияние культурное. После распада ногайской державы в первой трети XVII в., когда ногаи расселились по всем направлениям от своего изначального Мангытского юрта, их политическая роль резко снизилась. Но появление их диаспоры привело к значительному усилению ее этнического влияния и влияния ногайской культуры на соседей. Можно утверждать, что на протяжении последних пяти столетий ногайский народ внес значительный и долговечный вклад в историю и цивилизацию Евразии.

Одна из основных проблем в ногаеведении — выяснение вхождения ногаев в состав России и формального соотношения Ногайской Орды и Московского царства. В историографии наблюдается большой разброс мнений по поводу того, как трактовать русско-ногайские отношения со второй половины XVI в. Большинство исследователей

полагает, что зависимость от России наступила, начиная с заключения шертного договора 1557 г. между Иваном IV и бием Исмаилом. Некоторые считают рубежной датой 1600 г., когда Борис Годунов впервые утвердил в должности нового ногайского бия. В литературе встречаются различные формулировки: говорят о подчиненном положении, вассальной зависимости, даннической зависимости, политическом союзе, протекторате, подданстве; наконец, прямо о вхождении Ногайской Орды в состав России во второй половине XVI в.

Многообразие суждений происходит, во-первых, от нечеткости критериев: каким образом определять различные формы отношений; во-вторых, от заданного руссоцентристского взгляда на проблему. Историки рассматривают ее, как правило, лишь с точки зрения русской стороны и русских официальных источников. Пожалуй, только Р. Хелли в 1990 г. впервые поставил (но не решил) задачу определения категорий старшинства и подчинения в интерпретации ногаев¹¹.

Шерть в XV–XVII вв. не расценивалась как межгосударственное соглашение, она являлась персональным договором между правителями. Ногайские бии шертовали от своего лица и от лица ближайших родственников и лояльных мирз (которых становилось все меньше). Со сменой одного из договаривающихся правителей действие шерти прекращалось, и требовалось ее перезаключение. Поэтому и московское правительство, и ногайские власти при каждом очередном налаживании отношений чаще ссылались не на тексты шертей и не на международную практику, а на личный пример отцов и дедов как образец для подражания. Сказывались здесь и особенности патриархального менталитета кочевников. Некоторые мирзы следовали примеру Исмаила и признавали себя «холопами» царя. Но это вовсе не вытекало из шерти 1557 г., так как она утратила силу со смертью Исмаила в 1563 г. При этом категория подданства (по-ногайски

«куллук»¹²) оказывалась довольно абстрактной и означала тогда в глазах степных аристократов лишь признание иерархического старшинства русского государя. Кстати, еще за десятки лет до этого ногайский «куллук» применялся по отношению к крымским ханам¹³. Настоящее же подчинение — «холопство», подобно русским подданным, начинает прослеживаться с начала 1630-х гг., когда ногайские грамоты на государево имя начинают обозначаться как челобитные, и в них появляются характерные уменьшительные формы («мурзишка», «князь Канайка» — это последний ногайский бий и т.п.)¹⁴.

В системе кочевой государственности правитель являлся верховным военачальником, распределителем кочевий, улусов и административных постов в Орде. Бии и мирзы неоднократно предлагали царям взять на себя определение маршрута кочеваний, раздачу улусов и даже настаивали на введении российского законодательства в Ногайской Орде¹⁵. И каждый раз правительство им отказывало, что ясно показывало фактический, а не номинальный характер связей, демонстрировало то, что в Москве ногаев все же не считали российскими подданными.

Столь же противоречиво и положение с взаимным статусом русских и ногайских правителей, в частности с определением старшинства. В самом начале их контактов, до конца XV в., предводители мангытов расценивали себя как старших государей — «отцов» великих князей московских. Затем в грамотах надолго утвердились взаимное обращение «брат» как показатель равноправия. В 1558 г. Исмаил согласился адресоваться к Ивану IV как к «государю», но вскоре передумал и до конца правления все-таки продолжал аттестовать себя как «брата» (хотя царь стал настаивать на категории «друг», указывая, что «братом» ему может доводиться разве что турецкий султан — и не ниже)¹⁶. Выражение «холоп твой» утвердилось в грамотах ногайских биев только с начала XVII в.

Неразрешенность вопроса о характере русско-ногайских отношений во многом объясняется неясностью критериев определения подданства. Выделенные в литературе критерии¹⁷ неприменимы к ногаям. Их Орда никогда не включалась в большой царский титул; никогда не облагалась ясаком (наоборот, бии и мирзы получали поминки, затем «жалованье» из Москвы); никогда не включалась в административные подразделения Московского царства, а астраханские воеводы осуществляли не управление кочевниками, а общий надзор над ними. Наконец, отношения с ногаями осуществлялись через внешнеполитическое ведомство.

Вассальная зависимость, несомненно, просматривается со времени инвеституры бия Иштерека Годуновым в 1600 г., но не раньше. И, конечно, все равно не следует расценивать связи обеих стран как «подчинение» и тем более «вхождение в состав России».

Так же непросто вопрос о протекторате. Обычная схема протектората предусматривает ограничение внешнеполитических сношений и присутствие в протектируемом государстве резидента-советника по внутренним делам¹⁸. В ногайско-русских отношениях второй признак не заметен совершенно, а вот первый то и дело проявлялся, особенно в первых десятилетиях XVII в., и российского монарха в этом смысле, видимо, можно расценивать как протектора ногаев.

Вопрос о степени зависимости Ногайской Орды от Московского царства решается, видимо, следующим образом. До конца XVI в. обе стороны являлись союзницами, хотя начиная с середины 50-х гг. ногайская сторона начала фактически расцениваться как младший партнер. С 1600 г. наступает вассальная зависимость бия от царя, поскольку глава Орды становился таковым по царскому указу и по разработанному русскими властями церемониалу. Более того, Иштерек и мирзы шертовали в том числе на том, что и «вперед князьям нагайским садитись на княженье ... по государеву ... жалованью и повеленью

в царского величества отчине Асторохани. А мимо царского величества жалования и повеленья самим нам по своей воле на княженъе ... не выбирать и не сажати»¹⁹. Но даже присутствие в подобных соглашениях явных признаков вассалитета и протектората (ограничение внешних сношений) не позволяет считать ногаев жителями Российского государства: с собственными воеводами и наместниками цари договоров не заключали.

Следовательно, нарастание признаков зависимости на протяжении первой трети XVII в. и приближение смысла понятия «холопством к общерусскому стандарту подданства позволяют заключить, что в конце истории Ногайской Орды между нею и Москвой установились *отношения вассалитета с элементами протектората*. В целом же в течение второй половины XVI – первых десятилетий XVII в. намечалась тенденция к усилению зависимости и постепенному вхождению Орды в состав России. Но крах ногайской державы не позволил завершиться этому процессу.

---

¹ Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 90.

² Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда в середине XVI в. Канд. дисс. М., 1938 (Научная библиотека МГУ, рукопись). С. 8.

³ См.: Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии XV-XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997.

⁴ См., например: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. Д. 9. Л. 95; 1586 г. Д. 5. Л. 5, 8.

⁵ Об этих проблемах см., например: Айтмуратов Д. Тюркские этнонимы: каракалпак, черные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет, скиф. Нукус, 1986. С. 13; Валева Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. С. 25, 30; Валиханов Ч.Ч. Указ. соч. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 388; Давкараев Н. Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. Ташкент, 1959. С. 68; Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири // Ученые записки Казанского университета. Вып. 12. 1903. С. 136, 143, 150; Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 180; Очерки истории Каракалпакской АССР. Т. 1.

- Ташкент, 1964. С. 124; *Толстова Л. С.* Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 159, 161; *Толстова Л. С., Утемисов А.* Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. 1963. Вып. 4(14). С. 43; *Томилов Н. А.* Сибирские татары – кто они? // От Урала до Енисея: (Народы Западной и Средней Сибири). Кн. 1. Томск, 1995. С. 31, 32, 34.
- ⁶ *Денисова М. М.* Поместная конница и ее вооружение в XVI-XVII вв. // Труды Государственного исторического музея. Вып. 20. М., 1948. С. 40; *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.-Л., 1951. С. 48; *Kappeler A.* A Voskau und die Steppe: das Verhdalthis zu den Nogai-Tataren im. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropdaischen Geschichte. 1992. B. 46. S. 95; The Caucasus barrier The Russian advance toward the Muslim world. L., 1992. P. 22.
- ⁷ *Калоев Б. А.* Скотоводство народов Северного Кавказа: (С древнейших времен до начала XX в.). М., 1993. С. 60, 87; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 47; *Трепавлов В. В.* Конь боевой и романовский полшубок // Родина. 1997. 3/4. С. 112.
- ⁸ *Мухаметшин Ю. Г.* Этнографический обзор поселений, усадеб и построек татар Астраханской области // Астраханские татары. Казань, 1992. С. 68, 160; *Новосельский А. А.* Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. Т. 26. 1948. С. 214; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX-XV вв. Ч. 2: XIV-XV вв. М., 1953. С. 463; *Уразманова Р. К.* Праздники и обряды астраханских татар // Астраханские татары. С. 91.
- ⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1642 г. Д. 1. Л. 112; *Эвлия Челеби.* Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. М., 1961. С. 101.
- ¹⁰ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 3. Алма-Ата, 1964. С. 36; Т. 4. Алма-Ата, 1968. С. 491, 492.
- ¹¹ *Hellie R., Kochekaev B.-A.* Nogaisko-russkie otnoshenia v XV-XVIII vv. Alma-Ata; Nauka, 1988// Russian History. 1990. Vol. 17. 1. P. 103.
- ¹² «Куллукумуз» арабописьменного оригинала грамоты казыевского мирзы Али б. Хорошая Уракова 1629 г. переведено в Польском приказе как «наше холопство» (РГАДА. Ф. 1629 г. Д. 1. Л. 311, 312).
- ¹³ См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. 1. СПб., 1884. С. 207, 208.
- ¹⁴ См., например: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1630 г. Д. 3. Л. 42; 1631 г. Д. 1. Л. 69.
- ¹⁵ См.: Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 207, 207 об.; 1586 г. Д. 3. Л. 4; 1629 г. Д. 1. Л. 137, 138, 142.

- ¹⁶ См., например: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489 -1549 гг. Махачкала, 1995. С. 94, 159, 193, 194, 205, 214.
- ¹⁷ См., например: *Кочкаев Б.-А.Б.* К вопросу присоединения Ногайской Орды к России // Изв. АН Казахской ССР. Сер. обществ. наук. 1969. 6. С. 58, 59; *он же.* Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 97, 98; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 45; *Трепавлов В.В.* Формирование системы отношений между Центром и национальными окраинами в России (XVI-XX века) // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 116, 117.
- ¹⁸ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1998. С. 375 и след.
- ¹⁹ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. – 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 108; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1604 г. Д. 1. Л. 11.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.Л.Хорошкевич:

Имеется ли археологический материал, который характеризовал бы культуру ногаев в XV-XVI вв. или о ней свидетельствуют только лингвистические изыскания?

В.В.Трепавлов:

Своеобразие материальной культуры ногаев в том, что на их территории был единственный город. Это унаследованный от Золотой Орды Сарайчук на реке Урал. В нем время от времени археологами-краеведами проводились разведки и сбор подъемного материала. Причем шурфы, которые закладывались в разных местах городища, давали совершенно разные результаты. По одним шурфам получалось, что большой домонгольский слой, по другим – только слой XIII и XIV вв. Широкие раскопки начаты с 1997 г. Западно-Казахстанской экспедицией при сотрудничестве астраханских археологов.

Результаты раскопок развалин Сарайчука говорят о том, что это был прежде всего колоссальный некрополь,

который действовал на протяжении по крайней мере XIII-XVI вв. Там в течение 400 лет хоронили представителей джучидской династии и ногайских правителей. Все здания, которые на сегодняшний день открыты в Сарайчуке, — это мавзолеи, так называемые кешеен, или мазары. По письменным источникам известно, что в городе была мечеть и тюрьма, но ничего похожего пока не обнаружено.

Четыре года назад вышла книга молодого американского исследователя Дэвида Дэвиза об исламизации Золотой Орды. Еще до начала раскопок Сарайчука он сформулировал идею о том, что этот город на протяжении столетий был сакральным, может быть еще языческим, домусульманским центром в этой части Евразии. Сосредоточение здесь ханских усыпальниц показывает, что такое особое духовное, идеологическое значение у Сарайчука действительно было.

А что касается других материальных остатков, то пути кочевания и зимние стоянки очень трудно уловимы археологически, и мне о них ничего не известно.

А.Л.Хорошкевич:

Не могло быть так, что ногаи просто унаследовали ордынскую культуру, и усвоение русскими материального быта происходило в основном в XVI в., когда были ногаи, а представления перенесены с ордынцев на ногайцев?

В.В.Трепавлов:

Нет сомнения, что ногаи унаследовали кочевую цивилизацию Золотой Орды и еще доордынских кипчаков, но, видимо, широкое внедрение этих явлений в русский быт произошло уже в ногайскую эпоху. Поэтому, думаю, и появились эти термины — «ногайская плеть» и «ногайский нож».

А.Л.Хорошкевич:

Но ведь нет таких аналогичных ордынских названий?

В.В.Трепавлов:

Я думаю, что когда пошел многотысячный конский импорт в Россию от ногаев, антураж степного всадника и был привнесен. Это, видимо, началось в первой половине XVI в. и в языке утвердилось к концу столетия.

Ю.А.Тихонов:

Но у ордынцев был другой конский антураж?

В.В.Трепавлов:

Нет, тот же самый, но в русской терминологии эти заимствования связаны с ногаями.

В.Я.Гросул:

Занимаетесь ли Вы Эдисанской Ордой, и если да, то по каким источникам? И следите ли вы за турецкими публикациями?

В.В.Трепавлов:

Эдисанская Орда — это одно из поздних образований ногаев в Юго-Восточной Европе. Я заканчиваю исследование на первой трети XVII в. и эдисанами занимаюсь только в то время, когда они были еще на Волге, до переселения в Молдавию. Источники у меня в основном русские — астраханские воеводские отписки.

Что касается турецких историков, то их ногаи практически не интересуют, есть лишь какие-то общие упоминания. Если они и обращают внимание на север, то, конечно, в основном на Крым, на бывшего османского вассала.

Н.М.Рогожин:

В докладе неоднократно упоминалось о государственности Ногайской Орды. С какого периода, по Вашему мнению, можно говорить о существовании этой государственности? Что вы вкладываете в этот термин «государственность» по отношению к Ногайской Орде?

И еще один вопрос. Известно, что в Посольском приказе наиболее ранние материалы по Ногайской Орде (это вообще самые ранние из дипломатических документов) относятся к концу XV в., к 1489 г., а какими источниками вы пользовались до этого периода?

В.В.Трепавлов:

Вопрос о государственности — один из самых сложных. Ногайская Орда вызревала в недрах Золотой Орды, и кое-что в управлении она, конечно, унаследовала. Но долгое время ногаи имели зависимый статус: они формально подчинялись то узбекским, то казахским ханам. В начале XVI в. они избавились от сюзеренитета вышестоящих ханов и усилились настолько, что сумели я бы даже сказал, осмелились придать своей Орде некоторые формальные признаки кочевого государства, то есть разделили территорию на «крылья» (а это в кочевом мире обязательный признак независимой державы); назначили наместников, то есть ввели провинциальное давление, особую администрацию для провинций; при правителе Ногайской Орды появился двор. Вот такие были первоначальные признаки государственности. Мною написана книга, в которой этому вопросу посвящена отдельная глава. Я воспользовался терминологией концепции раннего государства и применил к государственному строю Ногайской Орды понятие «зачаточное государство». То есть некоторые признаки государственности появились, но, конечно, Ногайскую Орду считать полноценным государством, подобным татарским ханствам и уж тем более России, нельзя. Когда там была стабильность, политическое спокойствие, тогда признаки административного управления четко просматриваются по источникам; как только начинается смута или очередные распри — опять становятся независимыми улусы, опять они сражаются между собой, и эта система распадается. Когда наступает стабилизация — устанавливается администрация, провинциальное деление и т.п.

Что касается источников до 1489 г., то, действительно, до этой даты русских источников и не могло появиться, потому что в самой первой грамоте, которую ногаи прислали в Москву, они так и пишут: до этого времени «юрт наш далече отшел», т.е. был далеко от московских рубежей. В XV в. их история в основном была связана с мусульманским миром, и источники в основном идут из Средней Азии и из Ирана. Сложился так называемый тимуридский круг источников и шейбанидский круг – вот на основах этих хроник я и постарался реконструировать раннюю историю Ногайской Орды.

В.А.Кучкин:

А русские ранние летописи периода до 1489 г. дают какую-либо информацию о ногаях?

В.В.Трепавлов:

Нет, почти ничего не дают.

Ш.Ф.Мухамедьяров:

В том комплексе документов, который вы просмотрели, встречается иногда понятие Номоганский Юрт. На какую территорию оно распространялось?

В.В.Трепавлов:

Номоганский Юрт, по моему мнению, это синоним Большой Орды. По тем контекстам, которые мне встречались, это действительно Большая Орда, т.е. формальная наследница Золотой Орды в низовьях Волги и южно-русских степях.

Ш.Ф.Мухамедьяров:

Не Астраханское ханство?

В.В.Трепавлов:

Нет.

В.А.Кучкин:

Когда было самое позднее употребление этнонима «мангыт» в русских источниках?

В.В.Трепавлов:

«Мангыт» — это общеупотребительный синоним слова «ногай» в среднеазиатских источниках. Самое позднее употребление в русских источниках, по-моему, — 1552 г.

В.А.Кучкин:

А в XVII в. такого нет?

В.В.Трепавлов:

Нет. Я не помню.

В.А.Кучкин:

Когда заключалось соглашение с Россией, которое ограничивало внешнеполитическую деятельность ногаев, они, тем не менее, начинали войны с кем-нибудь?

В.В.Трепавлов:

Обычно оговаривалось условие не сноситься с такими-то правителями и не воевать без ведома великого государя.

А.А.Горский:

Вы говорили о признании ногаями ханов узбекских и казахских в XVI в. Не фиксируете ли вы какие-то периоды, когда признавались другие ханы?

Какие факты вы имели в виду, когда сказали, что на раннем этапе правители Ногайской Орды в обращении к московским государям называли себя «отцами»?

В.В.Трепавлов:

Говоря о категориях «сын» и «отец», я имел в виду, во-первых, летописные известия об отношениях между Едигеем и Василием Дмитриевичем, и, во-вторых, переписку большеордынского беклярибеке Тимура (это правнук Едигея) с московским государем. Сама переписка

сохранилась очень фрагментарно, но позднее ногайская знать регулярно считала нужным напоминать великим князьям и царям, что ее предок Тимур считался «отцом» по отношению к московскому государю.

Что касается подчинения другим монархам, помимо московских, казахских и узбекских, то в конце XV в. своим формальным государем ногаи признали основателя Тюменского ханства Ибака, и именно под его командованием они и разгромили хана Ахмеда в 1481 г., когда тот отступил от Угры. Но в основном они все же подчинились узбекским и казахским ханам, а подчинение Сибири было кратковременным эпизодом.

А.Л.Хорошкевич:

Вы не предлагаете продолжить начатую Николаем Михайловичем Рогожиным и его коллегами публикацию Ногайских книг?

В.В.Трепавлов:

Не думал об этом. Иштван Вашари, известный венгерский тюрколог, собрал все арабописьменные оригиналы ногайских грамот и предложил мне сотрудничать при их издании и комментировании. Интересный проект. Но он был назначен послом Венгрии в Тегеране, и пока эта работа остановилась.

Ш.Ф.Мухамедьяров:

Тема, которой посвятил свой доклад В.В.Трепавлов, имеет очень важное, принципиальное значение для истории Российского государства. В связи с этим мне хочется напомнить, что ровно 175 лет тому назад Российская Академия наук объявила конкурс о написании труда, посвященного влиянию татар на историю России. Конкурс 1826 г., где по условиям была гарантирована большая сумма золотом, не состоялся, поданные сочинения не были утверждены, и он был повторен через несколько лет. На этот раз было представлено сочинение венского

профессора И.Хаммер-Пургшталя «История Золотой Орды». Комиссия Академии наук в составе Х.Френа и еще двух членов Академии не признала его работу достойной поощрений, тем не менее автор издал свой труд. Это более 1200 листов на немецком языке. Его книга до сих пор остается самым полным сочинением по Золотой Орде, а конкурс так и закончился безрезультатно.

До сих пор в русской исторической науке проблемы, связанные с татарским игом, с Золотой Ордой, вызывают массу противоречивых суждений, хотя за эти 175 лет сделано немало. Еще в прошлом веке были выпущены В.Г.Тизенгаузенем материалы по истории Золотой Орды – извлечения из арабских сочинений. Второй том переводов Тизенгаузена уже после его смерти советские востоковеды опубликовали буквально за несколько дней до войны. Это были персидские сочинения. Сводная работа была задумана в 30-х годах Александром Юрьевичем Якубовским. После войны, в очень трудное время, вместе с Борисом Дмитриевичем Грековым он опубликовал книгу по Золотой Орде. Но в ней изложение почему-то заканчивается 1480-м г. – датой, в русской истории довольно известной. Но, с другой стороны, дальше исследования почти не развивались, в том числе и тот сюжет, который сегодня представил нашему вниманию докладчик.

История Золотой Орды была страшно политизирована. Это объясняется, в частности, тем, что в 1944 г. произошло выселение крымских татар, были приняты специальные постановления ЦК партии об идеологических ошибках татарской, башкирской парторганизаций, против идеализации Золотой орды и другие. Т.е. на данной теме долгие годы практически лежало табу. И удивительно, что в то время появились такие работы, как книга А.А.Новосельского. Фактически Вадим Винцерович продолжает исследовать именно эти темы. И в этом смысле то, что он поднял весь комплекс ногайских дел (а ногайские дела – один из наиболее сохранившихся комплексов в Архиве

древних актов) и попытался их обобщить, безусловно заслуживает одобрения. Обилие вопросов при обсуждении говорит об исключительно большом интересе аудитории.

Можно было бы пожелать докладчику продолжить исследование по позднейшим ногайским государствам, которых было пять: Кубанская Орда, Буджакская Орда, Едисанская, Едишкульская, т.е. целое «ожерелье» ногайских государств. Этими сюжетами кое-где занимаются за границей. Несколько работ упоминалось и докладчиком.

Если взять такой общеизвестный факт, что Золотая Орда будто бы окончательно прекратила свое существование и была разгромлена в 1502 г. Менгли-Гиреем – даже об этом событии у нас пока нет полного представления. И дай бог, чтобы с помощью большой работы, которая подготовлена Вадимом Винцеровичем, у нас появилась возможность лучше представить очень интересные проблемы взаимоотношений России именно с восточными народами, с татарами, с Золотой Ордой и наследниками Золотой Орды, потому, что без изучения связи России с Востоком, с татарами, с ногайцами очень трудно вообще понять многие интересные факты из истории России. И поэтому я целиком и полностью поддерживаю основные положения, принципиальные моменты доклада Вадима Винцеровича. Хочется пожелать ему, чтобы он продолжил эту работу.

Н.Е. Бекмаханова:

Я очень рада, что эта тема прозвучала сегодня в виде доклада. Наш Центр ознакомился с рукописью монографии «История Ногайской Орды». Надо отдать должное данной работе. Вадим Винцерович, наверное, единственный исследователь, который сгруппировал все, что было возможно и по восточным, и по русским источникам, для того, чтобы осветить эту проблему. Кроме того он изучил большой хронологический отрезок, огромную территорию. Его заслуга состоит и в том, что он рассматривает собственную историю Мангытского Юрта, а не применительно

к казахским жузам, к средневековым ханствам, к Сибири, к Нижнему Поволжью, как было до этого.

Конечно, многие вещи очень спорны. Территориальные вопросы, проблемы исторической географии, принадлежность земель — это та тема, которая, надо признать, сегодня является очень болезненной, потому что пересматривается средневековая история государств СНГ, в частности, Казахстана, Узбекистана и Туркмении. Поэтому я думаю, что выводы докладчика будут сложно восприниматься историками этих стран. Наверное, его книга будет ответом на очень многие вопросы и, может быть, поставит под сомнение идеи «тысячелетней» истории, которая все удревляется и удревляется, причем новые книги и многотомники, готовящиеся во всех этих государствах, к сожалению, имеют тенденцию начинать историю национальной государственности за пять тысяч лет, хотя ранее считалось, что время формирования, например, казахского, узбекского, туркменского народов — это XV и начало XVI в. Однако теперь все это пересматривается и, я даже считаю, что фальсифицируется. Поэтому в данном отношении книга будет очень нужна и ценна.

Я хотела бы обратить внимание и на картографический материал, который присутствует в работе, заставляет подумать, например, о том, что сейчас идут споры по сибирской и западной границам Казахстана, и в связи с этим приведенные докладчиком данные, хотя они недостаточны, — в отношении размежевания яицких казаков, Мангытского юрта, младшего казахского жуза, — ставят вопрос о западной казахской границе. Это очень интересно, нужно и важно. Хотя и здесь тоже очень много проблем, еще не совсем ясных в связи с тем, что сведения очень скудны. Тем не менее эти вопросы нужно решать, рассматривать, потому что за ними может стоять территориальный конфликт, и это является как бы исторической подоплекой будущих конфликтов, если объединительные процессы в СНГ не изменят ту политическую ситуацию, которая складывается сегодня.

Поэтому я очень высоко оцениваю данную работу и считаю, что она должна быть опубликована и привлечет внимание исследователей к этой проблеме.

С.М.Каишанов:

Мне понравилось, что автор применяет дипломатические методы анализа документов. Это вполне естественно, но не всегда исследователи обращают на них внимание. Формулы, которые есть в письмах, всегда очень ярко характеризуют характер взаимоотношений. Поэтому я приветствую это направление вашего источниковедческого анализа.

В.В.Трепавлов:

Благодарю всех, кто выступил по поводу доклада. Хочу высказаться лишь относительно территориальных проблем.

Действительно, в современной историографии восточных государств СНГ, особенно Казахстана, это очень болезненный вопрос, и поэтому я посвятил в книге особый очерк о территории и границах, где постарался максимально учесть доступный источниковый материал, и там, где было возможно, буквально по десяткам километров показать разграничение кочевий.

Если у казахстанских коллег будут возражения, то пусть они едут в московские архивы, занимаются со средневековыми документами и опровергают. Это единственный способ доказательно оспорить выводы, которые построены мною на обширном материале.

Я благодарю Ученый совет за благожелательное отношение и буду работать дальше.

Ю.А.Тихонов:

Мы прослушали очень интересный доклад. Многие страницы отечественной истории раскрылись перед нами по-новому, для многих впервые и с неожиданных сторон.

Доклад вызвал большое количество вопросов, существенных для автора. Вопросы и выступления помогут ему еще раз обдумать целый ряд проблем изучаемой им темы.

ПЕЧАТЬ 1497 Г. – ИСТОРИКО- ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИК МОСКОВСКОЙ РУСИ*

В 1997 г. в России отмечался 500-летний юбилей государственного герба России – двуглавого орла. По этому поводу даже вышла в свет богато иллюстрированная книга Г.В.Вилинбахова «Государственный герб России. 500 лет»¹. Научные юбилейные конференции не были столь категоричны в определении памятной даты: они посвящались пятисотлетию первой общегосударственной печати единого Русского государства, наиболее раннему известному памятнику, дающему сведения о русских государственных эмблемах². Речь идет о двусторонней красновосковой печати, скрепляющей грамоту московского великого князя Ивана III Васильевича. Грамота сохранилась до нашего времени; по своему характеру она является жалованной меновой и отводной племянникам великого князя – князьям волоцким, датирована июлем 1497 г. («лет(а) семь тысящъ пятаг(о), июл(я)»). К грамоте привешены еще три печати из черного воска: князей волоцких Федора и Ивана Борисовичей и митрополита всея Руси Симона³.

На лицевой стороне красновосковой печати изображен всадник в коротком военном доспехе и развевающимся за спиной плаще, поражающий копьем крылатого змея (дракона) в шею. Круговая легенда содержит титул великого московского князя: «ІОУАНЪ Б(О)ЖІЕЮ МІЛОСТІЮ ГОСПДАРЬ ВСЕЯ РУСІІ ВЕЛІКІІ КН(Я)ЗЬ». На оборотной стороне – двуглавый орел с

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 10 июня 1999 г. Переработанный и дополненный текст доклада представлен автором для публикации в журнал «Отечественная история» под названием «Происхождение печати 1497 г.: новые подходы к исследованию».

распростертыми крыльями и коронами на головах. В легенде — продолжение титула: «І ВЕЛІКЫІ КН(Я)С., ВЛАД. І МОС . І НОВ. І ПСК . І ТВЕ . І УГО . І ВЯТ. І ПЕР . І БОЛ .».

Первым обратил внимание на эту печать Н.М.Карамзин, увидев в эмблемах печати государственный герб и написав в начале XIX в.: «Великий князь начал употреблять сей герб с 1497 г.»⁴.

Она привлекла к себе внимание и других историков XIX в. прежде всего как носительница гербовых эмблем, в основном всадника, поражающего дракона, который с XVIII в. именовался Георгием Победоносцем, — московского герба⁵.

В концептуальном плане историографические пассажи по поводу эмблем, которые несла на себе печать 1497 г., сводились к рассмотрению их в контексте общих тенденций, присутствующих в исторических трудах почти всего XIX в. и соответствующих официальной доктрине. В числе их были не только возвеличение самобытности и исконности существующих в России государственных институтов, прежде всего самодержавия, великодержавные идеи, но и абсолютизирование исключительного влияния Византии на русское общественное развитие, в частности, на идеологию и формы русской государственности. Отсюда — утверждение версии, ставшей к концу XIX в. традиционной, о принятии Иваном III герба из Византии, что послужило одним из оснований для организации в 1897 г. широкой кампании по празднованию 400-летия русского государственного герба. Версия в виде своеобразного слогана: «Иван III, женившись на Софье (Зое) Палеолог, наследнице последнего византийского императора, заимствовал и византийский герб — двуглавого орла, поместив его на своей печати», вошла в отечественную и отчасти зарубежную историческую литературу, во многие справочники и словари, которыми в нашем обществе пользуются до сих пор. До настоящего времени

эта версия бытует на различных информационных уровнях вплоть до государственных.

Одним из первых, кто в начале XX в. предложил научно обоснованную альтернативу общепринятому «византийскому следу», был Н.П.Лихачев, крупный специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, впоследствии известный советский ученый, академик. Ему казалось неприемлемым существующее в литературе мнение о заимствовании великим московским князем государственной печати, а вместе с нею и двуглавого орла из Византии. Лихачев считал, что таковой в Византийской империи не существовало, поэтому «московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, что та не имела»⁶. Основную причину появления новой печати ученый видел в установлении контактов Ивана III с императорами Священной Римской империи, которые к этому времени обладали печатью с изображением двуглавого орла, а великий московский князь «хотел во всем равняться — в титулах, и в формулах грамот, и во внешности булл — цесарю и королю римскому»⁷.

Размышления Н.П.Лихачева о российской печати и эмблемах государственного герба в отечественной историографии долгое время оставались не востребованными. Авторы немногочисленных сфрагистических работ советского времени не делали попыток разобраться в российской государственной символике, повторяя тезис об усвоении Москвой византийского герба⁸. Не поколебали этот тезис и исторические труды, в которых критически оценивались многие «провизантийские» деяния Ивана III⁹.

До середины нашего столетия знаменитая печать и ее символика ушли из поля зрения историков русского средневековья. Ее историческая значимость не была определена, однако, эмблемы печати 1497 г. набирали историографический «вес», привлекая историков византийского, западноевропейского и русского искусства.

Особенное внимание западноевропейские исследователи уделили фигуре двуглавого орла. Эти работы в значительной степени позволяют воссоздать ее эволюцию как специфического знака, в конце концов превратившегося в гербовую фигуру двух крупнейших европейских монархий, рухнувших одновременно: Российской и Австро-Венгерской.

Со времен Ренессанса в европейской литературе прослеживалась версия о наличии в Византии герба — двуглавого орла, принятого еще якобы Константином Великим¹⁰. В определенной степени эта эмблема интересовала и апологетов русской государственности. Так, Юрий Крижанич, писатель, богослов XVII в., проповедовавший идею «славянского единства», горячо ратовавший за приоритет России в сплочении славян, категорически отвергал даже намек на то, чтобы Русское государство считать Третьим Римом. При таком пиетете к России Крижанич тем не менее упрекал русских правителей в некотором пристрастии к иностранной символике в оформлении власти, в том числе и к заимствованию двуглавого орла. Характерно, что он относил двуглавого орла не к римским (византийским) эмблемам, а к немецким: царь Иван принял в печать орла двуглавого, знак немецкий, как будто бы не было знака равноценного по значению немецкому¹¹.

Начиная с середины XIX в. вплоть до середины XX в. дискуссия о двуглавом орле занимала прочное место на страницах различных изданий. В этой дискуссии выделялись ряд аспектов: время появления данной эмблемы в Византии, статус ее в качестве государственного византийского знака, изменение художественной формы, роль в становлении гербовой фигуры у славянских народов и т.д.

В контексте изучаемого материала наши соотечественники также обращались к ее истории: Б.В.Кёне, управляющий Гербовым отделением Департамента герольдии Сената, не выходя, впрочем, за рамки официальной доктрины¹², а также Н.П.Кондаков, считавший,

что вопрос о двуголовой птице в гербах некоторых государств «можно было бы назвать историческим анекдотом и даже не более того», если бы не выяснилось, «что двуглавый орел имеет свою иконографию религиозного происхождения, идущую из глубокой древности переднеазиатских государств»¹³.

Итог дискуссии казалось бы подвела внушительная статья югославского историка А.В.Соловьева¹⁴, который проанализировал практически все вышедшие на данную тему работы греческих, немецких, сербских, болгарских, русских историков и искусствоведов. Последней в этом ряду оказалась почти одновременная труду Соловьева статья итальянского исследователя Д.Геролы «Византийский орел и императорский двуглавый орел»¹⁵.

Оба автора вслед за Кондаковым уделяют много внимания иконографическим истокам эмблемы, объясняя момент «двуглавости» в изображении этой птицы религиозными верованиями народов Передней Азии, в частности шумерийцев. В этом же качестве ее использовали хетты, во всяком случае, на рельефах, обнаруженных в Малой Азии, двуглавый орел изображался вместе с богами Хеттского царства. Как мифологическое существо и художественный образ двуглавый орел, в отличие от одноглавого, встречается в древности в основном у народов Передней Азии. Соловьев категорически отрицал связь этой эмблемы с одноглавым орлом, широко использованным римлянами в качестве военного знака, который не был гербом Рима так же, как не был двуглавый орел гербом, возникшим при Константине Великом. Как элемент культурного наследия, перешедшего от древних народов Передней Азии, он был известен в государствах Сасанидов и Сельджуков, где украшал печати, росписи стен, ткани, а также в XII-XIII вв. монеты, таким образом став хорошо известным исламскому миру средневековья. В XI в., по мнению Соловьева, двуглавый орел уже известен в Византии. Он писал о широком использо-

вании здесь с эпохи Комнинов тканей с рисунком двуглавой птицы, воспринимавшейся как восточный орнамент. Соловьев особо подчеркивал, что подобное изображение ни в коем случае не следует считать гербом, ибо Византия в это время гербов не знала¹⁶. Однако он утверждал, что морейские деспоты Палеологи, которым удалось объединить всю Морею, ставшую накануне падения Византии ее оплотом, продлившим на какое-то время существование государства, использовали двуглавого орла в качестве герба¹⁷. Этот факт, по мнению Соловьева, может служить отправным пунктом мифа о гербе Византийской империи в виде двуглавого орла и объяснению превращения его в некий символ национальной греческой идеи, ее бессмертия и надежды на возрождение.

В значительной степени заполнил лакуну в вопросе об использовании двуглавого орла средневековыми европейскими монархами и превращении ее в главный знак Священной Римской империи немецкий исследователь Э.Корнеманн¹⁸. Его наблюдения основывались на использовании новейшей археологической и ориенталистской литературы. Предложив более четкую периодизацию бытования двуглавого монстра в культуре шумеров и хеттов, он предпринял исследование и художественного воплощения эмблемы на протяжении столетий, подчеркнув, что в противоположность одноглавому орлу двуглавый орел – это продукт фантазии и мифологии и что удвоение человека, животного, их частей, является характерной особенностью древнешумерской мифологии и ее изобразительных образов. Корнеманн поддержал мнение тех исследователей, которые полагали, что художественный орнамент на восточных шелковых тканях и коврах, а затем и на византийских дорогих тканях, родился из символа. Однако значение этого символа на Востоке не несло в себе геральдический смысл в том плане, как понимали впоследствии герб в Западной Европе и как в настоящее время его понимает геральдическая наука.

В символ же он превратился снова, войдя в герб многих западноевропейских родов, прежде всего фландрских, а затем став знаком имперской власти в Священной Римской империи, Австро-Венгерской и Российской империях. Главный вывод, который сделал Корнеманн, основываясь на работах немецких исследователей Византии, прежде всего крупнейшего знатока византийской дипломатики Ф.Дэльгера, это категорическое отрицание роли Византии как посредника между Востоком и Западом в передаче в Европу двуглавого орла. По его мнению, двуглавый орел появился в Европе в результате крестовых походов, возникновения Латинской империи, соседствовал с одноглавым римским орлом, был известен европейцам как символ великих восточных империй, возникших путем объединения земель, брачных союзов и т.д.

В качестве герба империи, как считает Корнеманн, двуглавый орел утвердился в правление Сигизмунда I, короля венгерского и чешского, в результате политической деятельности этого монарха, избранного в 1410 г. императором Священной Римской империи. В своей объединительной деятельности и осуществлении главной жизненной задачи — спасении Европы от турок — он обратился к известному символу восточных империй двуглавному орлу, которого ранее уже Фридрих II Штауфен собирался сделать государственным гербом, а Людвиг Баварский, герцог Фламандский, привнес в Германию.

Гипотеза Корнеманна была принята научной общественностью на Западе как наиболее разумная концепция истории мировой эмблемы, становления двуглавого орла в качестве гербового символа императорской власти. От нее, в частности, отталкивались известные ученые, обращавшиеся к истории средневековой Руси: М.Хеллманн¹⁹, солидаризировавшийся с Корнеманном в том, что двуглавый орел никогда не был знаком власти Византийских императоров, Г.Шткль²⁰, для которого не возникает сомнений, что двуглавый орел пришел в Московию не из

Византии, а с Запада, и другие. По мнению П.Э.Шрамма, одного из знатоков государственных эмблем и символов, Палеологи лишь приспособлялись к западноевропейскому обычаю пользоваться гербами. Они ввели герб в виде крестообразно расположенных букв «В», оттиснутых зеркально, что ассоциировалось для них с ранее используемыми монограммами Иисуса Христа²¹.

За 50 с лишним лет, прошедших со времени публикации труда Корнеманна, появились мелкие и крупные работы западноевропейских авторов, в которых с различных позиций рассматривается вопрос о двуглавом орле: с точки зрения его символики, формирования имперского герба, использования этой эмблемы в странах Европы — Австрии, Румынии, Чехии, в гербах балканских стран²².

В наиболее фундированных работах досконально изучено превращение древневосточного символа в западноевропейскую гербовую эмблему. Возможности, предоставленные прежде всего нумизматикой, достигшей в Европе исключительного расцвета в текущее пятидесятилетие, использование печатей различных европейских государств, материал по которым также значительно «наработан» в последнее время, бесспорные успехи геральдики — весь этот комплекс источников в значительной степени способствовал разрешению проблемы двуглавого орла. Домыслам противопоставлены научные факты, позволившие выстроить в систему как прежние разрозненные сведения, так и вновь полученные благодаря тщательному анализу письменных и вещественных источников: личный знак императора Фридриха I в виде одноглавого орла складывается в X в.; в XIII в. источники упоминают о гербе империи, однако он также обозначен фигурой одноглавого орла; с XIII до конца XIV в. двуглавый орел получает широкое распространение как гербовая фигура в дворянских, городских и земельных гербах; в начале XV в. гербом императоров Священной Римской империи становится двуглавый орел, а королей — одногла-

вый; в начале XVI в. двуглавый орел утверждается в качестве герба государства — Священной Римской империи.

Столь подробный историографический обзор исследования «мировой эмблемы» — двуглавого орла предпринят не случайно: идея «византийского следа» в становлении российского государственного герба не уходит из отечественной литературы, вызывая удивление многих исследователей. В свое время на этот факт обратил внимание, в частности, Хеллманн, цитируя учебное пособие Е.И.Каменцовой и Н.В.Устюгова²³.

Научное представление о другой фигуре печати 1497 г. — всаднике, поражающем дракона, который, как показано ниже, воплощал св.Георгия, а не светского воина, также начало складываться со второй половины XIX — начала XX в. Она не вызывала столь противоречивых толкований, как фигура двуглавого орла, однако были попытки искать ее истоки в дохристианских изображениях скачущего всадника или приписывать Георгию все изображения святых воинов (как пеших, так и конных). Разрешил многие спорные вопросы, подытожив результаты предшествующих исследований, чешский ученый Й.Мысливец, который в середине 30-х гг. нашего столетия опубликовал большую работу об изображении святого Георгия в восточнохристианском искусстве²⁴.

Изучив огромное число рельефных, иконописных, фресковых изображений этого святого воина по восточным (коптским), византийским, русским, сербским, румынским, армянским, грузинским источникам, сделал приоритетным конное изображение Георгия, он категорически отверг связь его художественного облика с изображениями этого же типа дохристианского времени, а также с «конными портретами восточноримских и византийских императоров»²⁵.

Он приходит к выводу, что сохранившиеся памятники позволяют отнести художественное воплощение образа св.Георгия лишь к началу второго тысячелетия. В Визан-

тии — это эпоха Комнинов; к XI столетию принадлежат изображения Георгия на Руси и в Грузии.

Мысливец подчеркивает, что с возрастанием почитания св. Георгия и расширением его культа возникли и изобразительные циклы его жития. Естественно, что основой для них явились письменные памятники — канонические и неканонические сборники легенд.

Наибольший интерес в разных странах, как считает Мысливец, опираясь на выводы своих предшественников-филологов, вызывал подвиг Георгия-воина, убивающего дракона. Уже в X в. складывается образ Георгия, который Мысливец называет «простым»: св. Георгий-всадник в воинском одеянии, под ногами его коня — дракон, на которого направлено копье святого воина. Кроме св. Георгия в композиции нет других человеческих фигур. Мысливец приводит пример того как в XI в. изменяется композиция: вместе с конным св. Георгием появляется стоящая перед конем женская фигура, которая ведет на поводке дракона. В следующем столетии (ссылка на фреску Старой Ладуги XII в.) композиция усложняется — в поле зрения появляется башня замка, из окон которой смотрят царь с царицей и придворные. Так складывается другой, «сложный», тип Чуда Георгия о змие.

И «простой» и «сложный» иконографические типы Чуда св. Георгия о змие находят отражение в многочисленных текстах легенд, исследованных Рыстенко²⁶.

Аналитически подойдя к изобразительному материалу и сопоставив его с текстологическими характеристиками, почерпнутыми из трудов специалистов, Мысливец сделал ряд интересных выводов: в наиболее ранних изобразительных памятниках представлен «простой» тип Георгия-воина, не имеющий ничего общего с легендой Чуда о змие, а его образ символизирует победу христианства над дьяволом; «сложный» тип борьбы с драконом появляется в связи с возникновением легенды об освобождении царевны, когда легенда обрела литературную форму. На ее

основе создалась новая композиция, существовавшая с некоторыми изменениями и в дальнейшем.

Возникновение легенд о жизни св. Георгия, относящихся ко времени расцвета византийской агиографии (VIII-IX вв.), по мнению Мысливца, способствовало появлению «простого» иконографического типа Георгия-драконоборца, символизирующего в подобной форме победу христианства.

Столь подробное изложение основных выводов Мысливца предпринято здесь не случайно. Во-первых, этот многостраничный труд включил в себя практически всю предшествующую историографию по данной проблеме²⁷. Проанализированы высказывания ученых разных стран и специальностей не только по поводу возникновения того или иного иконографического воплощения св.Георгия, но и сделаны вполне убедительные наблюдения над взаимодействием литературных и изобразительных памятников, воссоздающих житие и подвиги святого воина. Во-вторых, концепция Мысливца не опровергнута никем из ученых, разрабатывающих аналогичный сюжет, ибо используемые им иконографические материалы настолько всеобъемлющи, что могут быть дополнены лишь фрагментарно.

По-видимому, четко обозначенные тематические рамки исследования не дали возможности Й.Мысливцу привлечь для сравнения западноевропейский иконографический материал, хотя к моменту публикации его исследования в историографии, посвященной художественному образу св. Георгия, значился ряд весьма интересных и фундированных работ, в частности, работа Таубе об изображении св. Георгия в итальянском искусстве²⁸.

В этом плане более показательны работы советских искусствоведов В.Н.Лазарева и М.В.Алпатов, вышедшие из печати в послевоенный период и затем переиздававшиеся.

В.Н.Лазарев²⁹, признавая, что иконография св. Георгия является разработанной областью, тем не менее посчитал возможным внести определенные коррективы в трактовку образа Георгия-воина.

В контексте общих представлений о развитии иконографических типов св. Георгия В.Н.Лазарев рассматривает судьбы образа этого святого на Руси. Он считает, что на русской почве «иконография Георгия прошла через три четко выраженных этапа развития»: 1) период использования образа святого великокняжескими кругами, когда в его иконографии присутствовал «византийский образец» — воин как покровитель князей, их ратных подвигов (XI в.); 2) проникновение образа Георгия в народную среду, о чем свидетельствовали многочисленные сказания о Егории Храбром, бытующие в различных слоях русского общества, и как результат, превращение его в эпический образ, в покровителя земледельцев и скотоводов (XII-XV вв.); 3) с к. XV в. — «изъятие» образа из народной среды, придание ему исключительности, утонченности, усиление в его иконографии церковно-дидактических черт, а в XVI в. возврат к ранней иконографии воина. Изменение иконографии св. Георгия на протяжении столетий: стоящий воин с копьем и мечом (щитом), всадник с копьем, являющимся не разящим оружием, а атрибутом святого в Чуде о змие, которого ангелы увенчивают короной, или стоящий воин с многочисленными атрибутами, — по мнению В.Н.Лазарева, свидетельствуют, «сколь чутко иконография откликнулась на изменение общественных вкусов», которые в свою очередь «объясняются вполне реальными историческими причинами»³⁰.

Казалось бы такое обстоятельное исследование В.Н.Лазарева не оставляет места дальнейшим разработкам указанного сюжета. Тем не менее через несколько лет выходит работа с аналогичной тематикой другого известного искусствоведа — М.В.Алпатова³¹. Автор демонстрирует несколько отличный от предшественников подход к иконографии св.Георгия. Алпатов, не исключая иконографической классификации как традиционного метода в изучении образа св. Георгия, делает акцент на его изобразительном воплощении, которое зависит в

первую очередь от художественного стиля эпохи, а также от индивидуальности художника, от своеобразия его «региональной» школы и т.д.

Оба историка искусства, анализируя воплощение образа св. Георгия в русской живописи, признают его типические традиционные черты: молодой человек с прямым носом, тонкими изящными бровями, выразительными глазами; характерная черта — вьющиеся волосы, образующие на голове буклевидную шапку. Отмечают они и своеобразие в изображении св. Георгия древнерусскими живописцами, выделяя новгородскую школу, особенно в Чуде о змие («новгородские иконописцы создавали свою легенду, свой неповторимо своеобразный образительный миф»³²). В то же время имеется некоторое расхождение по поводу трактовки этого образа на московской земле. В.Н.Лазарев считает, что «в московском искусстве XV в. образ Георгия-змееборца сделался популярным ... под воздействием новгородского культа этого святого» и в истолковании образа Георгия-драконоубийцы представители других школ, в том числе и московской, ничего нового не внесли³³. М.В.Алпатов акцентирует внимание на возникновении в Москве в XV в. нового образа Георгия-воина, близкого к иконостасному изображению, что свидетельствует о возросшем значении этого святого. «Из ранга защитника людей от темной силы он был возведен в ранг их заступника перед тронем всевышнего»³⁴. Отнесение Георгия к числу святых, помещенных в иконостас, свидетельствовало об его аристократизации и не могло не вызвать усиленного внимания к нему московских князей.

Констатацией данного факта заканчиваются практически обе работы отечественных историков искусства, посвященные образу св.Георгия. В основе их, по крайней мере той части, где речь идет о русском средневековом искусстве, лежат произведения живописи. Поэтому нет ничего удивительного, что вне поля зрения ученых оста-

лись аналогичные по времени произведения мелкой пластики, изображения на монетах и печатях, в частности, всадник, поражающий дракона, на печати 1497 г.

Как отмечалось выше, внимание историков печать привлекла только в середине нашего века. Американский исследователь Г.Эйлиф включил вопрос о появлении на Руси двуглавого орла в контекст своего труда, посвященного происхождению московского самодержавия³⁵. Опубликованный за 20 лет до выхода из печати его основного труда экскурс в историю претензий Ивана III на императорский титул содержал неординарное объяснение появления на печати московского великого князя двуглавого орла³⁶. Г.Эйлиф значительно по сравнению с другими иностранными исследователями расширил круг задействованных источников, включив в их число монеты и печати как Ивана III, так и предшественников. Печать 1497 г. в его интерпретации явилась существенным компонентом общей схемы претензий на титул императора. Негативно отнесясь к версии о заимствовании Иваном III двуглавого орла в качестве герба Византийской империи, который ему предоставила женитьба на Зое Палеолог, Эйлиф на основании анализа великокняжеских печатей XV в. пришел к выводу, что печать с двуглавым орлом появилась в Московии в период между 1486 и 1497 гг., а скорее всего в 1489-1497 гг. По его мнению, ни женитьба на Софье, ни осторожные попытки дипломатическим путем принять императорский титул, не вызвали использование в качестве государственных атрибутов двуглавого орла. Только в результате контактов с домом Габсбургов, которые посылали ему грамоты, скрепленные императорской печатью, Иван III принял аналогичный императорский знак в качестве своего отличительного знака. Речь вряд ли могла идти о простом копировании. Эйлиф подчеркивал, что изображение на печати русского государя двуглавого орла свидетельствует о желании «Москвы выразить равенство с западными странами, особенно с императорским домом Габсбургов»³⁷.

Автор данной статьи разделяет точку зрения Н.П.Лихачева, Г.Эйлифа, связывающих появление подобной печати с установлением дипломатических контактов Московской Руси и императоров Священной Римской империи. По сравнению с прежними княжескими печатями, существовавшими на Руси, например в XIV-XV вв., печать 1497 г. была абсолютно новой по виду (материал, размер, изображение двуглавого орла на одной из сторон, новая форма титула) и по идее.

На последнем моменте следует остановиться особо. Имеются многочисленные свидетельства о стремлении Ивана III поставить себя на один уровень с первым монархом Европы – императором Священной римской империи³⁸. Однако признавая факт подражания, вряд ли можно согласиться с подобной персонификацией объекта подражания или ставить акцент на знакомстве с западноевропейским делопроизводством. Выбор эмблем для нового атрибута власти, каковым являлась данная печать, не мог быть случайным, заимствованным, еще и потому, что ее появление соотносится с целой серией предпринятых Иваном III шагов, направленных на укрепление его политического престижа как правителя суверенного государства. Г.Эйлиф выстраивает убедительную систему доказательств борьбы Ивана III за признание его императором. Он показывает действия великого московского князя в этом направлении внутри страны и за ее пределами, причем эти действия начались еще до женитьбы на византийской принцессе (например, выпуск золотых монет в подражание венгерским дукатам). Сама женитьба, таким образом, вплетается в контекст притязаний на императорский титул, не являясь отправной точкой. Американский ученый пишет, что «с самого начала 1460-х гг. великие князья стремились к признанию их за границей наследниками византийских императоров и Иван III предпринял более решительный шаг после контакта с Габсбургами»³⁹.

В процессе притязаний на императорский титул должна была складываться концепция власти великого московского князя, которая и послужила обоснованием появления знаков власти. В этой связи представляется заслуживающей внимания точка зрения тех ученых, которые считают, что уже в конце XV в. существовало литературное произведение политического характера, обосновывающее родство русских князей с римскими императорами, начиная от Августа.

Теория происхождения русских государей от императора Августа, как известно, оформилась в XVI в. Применительно к знаку власти она выражена в словах Ивана IV, который возражал шведскому королю Юхану III в ответ на замечания последнего о печати русского государя: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся»⁴⁰.

Иван III может быть не так четко, как его внук, однако, публично заявил о своем знатном и высоком происхождении. Его послу к императору Священной Римской империи Юрию Траханиоту велено было следующим образом сообщить об этом: «... В всех землях то ведомо, а надеемся, что и вам ведомо, что государь наш, великий государь, уроженый изначала от своих прародителей; а и наперед того от давних лет прародители его по изначальству были в приятельстве и в любви с передними римскими цари, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии, да и отец его, государь наш, и до конца был с ними в братстве и в приятельстве, и в любви...»⁴¹. Русские послы должны были постоянно подчеркивать равенство по рождению Ивана III с императором Священной Римской империи: «И цесарь и сын его Максимиан государева великие, а наш государь великий ж государь»⁴².

Эти заявления вкупе с действиями Ивана III: чеканка престижных золотых монет по западноевропейскому образцу, стремление породниться с правящими европей-

скими домами, претензии на новый титул, коронация внука Дмитрия на великое княжение, при которой сам Иван III мог считаться императором (по типу Священной Римской империи, где существовали титулы короля и императора) и т.д., недвусмысленно свидетельствуют о желании московского великого князя занять высокое императорское место в ряду европейских монархов. Императорским знаком первого европейского монарха являлся двуглавый орел. Мог ли уступить ему в этом «равный с ним по рождению» великий московский князь?! В результате на новой печати Ивана III возникла аналогичная эмблема — своеобразный «знак претензий».

Эмблема лицевой стороны печати — всадник, поражающий копьём дракона, — также не может быть рассмотрена вне властной политики великого московского князя. Любой другой подход к ее «содержательной стороне», например, объяснение выбора эмблемы вкусами владельца печати либо умонастроениями русских людей, обуреваемых эсхатологическими ожиданиями⁴³, выглядит, по меньшей мере, умозрительно.

Иконографически всадник-драконоборец печати 1497 г. идентичен св. Георгию. Не случайно ведь исследователи, изучавшие образ св. Георгия, отмечали, что, встречая композицию с драконом, необходимо прежде всего иметь в виду «Георгиевскую легенду»⁴⁴.

Известно, что иностранцы, посещавшие Россию в XVI-XVII вв. бесспорно, по аналогии с западноевропейской геральдикой, где образ этого святого прочно утвердился в гербах и на печатях, видели в нем именно Георгия-драконоборца, а не другого святого воина⁴⁵.

В русских же источниках указанного времени воин на печати именуется «царем на коне», «государем на аргамеке», «человеком на коне». Традиция подобного восприятия возникла еще в XV в., когда на монетах Москвы и Твери с уделами при изображении конника по обеим сторонам его стояли буквы «К» или «К-Н» — князь. Обо-

значение князя буквами встречается и на тех монетах, где помещен всадник, поражающий копьём дракона. Использование змеборческого сюжета в русских княжествах заметно совпадает со временем, последовавшим за победой Дмитрия Донского на Куликовом поле. Сыновья Дмитрия Ивановича, племянники, внук, правнук считают его «своим», помещая на монетах и печатях, а также на бытовых предметах.

И буквы «К-Н», и отсутствие нимба над головой всадника как будто бы подчеркивали, что изображалось при этом не Чудо св. Георгия о змие, а светский воин-князь. Однако следует отметить, что отечественные литературные памятники не знают рассказов о князьях (светских воинах), уничтожающих змеев-драконов. Мог, конечно, как предполагает А.В.Чернецов, подобный сюжет — борющийся с драконом воин, князь — возникнуть в качестве своеобразного символа борьбы против основного врага русского народа — монголо-татарских завоевателей: «Традиционный образ дьявола, дракона прямо ассоциируется в XV в. с татарами⁴⁶. Причем подобное восприятие вряд ли принадлежало лишь княжескому окружению или было уделом монахов-публицистов. Духовный стих о Егории Храбром, в котором святой является устройтелем земли Русской, имеющий в основе древнюю повесть с легендарным сюжетом о жизни св.Георгия⁴⁷, был принят в народной среде.

Возможно, народное почитание св.Георгия как заступника и защитника, своеобразного народного героя, не осталось без внимания князя и княжеского окружения, где проводилась «работа над княжеским имиджем». Однако коль скоро речь идет о властном атрибуте, то выбор символики должен соотноситься с властной идеей.

Официальной идеей происхождения власти московских князей, сформировавшейся в конце XIV в. и на протяжении всего XV в. остававшейся одной из основных политических теорий Русского государства, была

теория преемственности власти московских князей — через владимирских — от киевских. Ее формирование сопровождалось ростом интереса к Киевской Руси — архитектуре, живописи, литературе, а также и к политике князей и к тем святым, которые покровительствовали им, прежде всего к Георгию-воину. Как отмечали исследователи (см. об этом выше), в XII-XV вв. иконографически св. Георгий чаще всего представлен в искусстве Руси в образе драконоборца.

К фактам, свидетельствующим о стремлении Ивана III подчеркнуть историческую преемственность власти великих московских князей (например, его требование взять за основу при строительстве Успенского собора в Кремле в качестве образца владимирский Успенский собор XII в.⁴⁸), следует отнести и пристрастие к св. Георгию. Так, он посылает архитектора и строителя В.Д.Ермолина в Юрьев Польской для восстановления обрушившегося храма — Георгиевского собора; призывает Георгия Победоносца помощником «во бранех», собираясь в поход на Новгород⁴⁹. Идея покровительства св. Георгия великому князю видится в установке скульптуры Георгия-Змеборца на Фроловской башне Кремля и введение этого святого (вместе с Дмитрием Солунским) в деисус московских церквей (возведение в ранг заступника перед троном всевышнего, как писал В.М.Алпатов).

Итак, как бы ни казался нам образ змеборца светским, вряд ли он был таковым в то время. Георгий-змеборец в качестве покровителя великого московского князя «устраивал» и церковь: не случайно ведь один из идеологов складывающегося русского государства, архиепископ Ростовский Вассиан Рыло указывал Ивану III на пример борьбы с монголо-татарами его прадеда, великого князя Дмитрия Ивановича, напоминая о его обещании «крепко стояти за благочестивую ... православную веру и оборонити свое отчъство от бесерменьства»⁵⁰. Образ защитника православия как нельзя лучше увязывался с подвигами Георгия Победоносца.

Все вышесказанное об эмблемах печати 1497 г. делает ее памятником, прокламирующим властные позиции Ивана III Васильевича. Печать московского великого князя благодаря новой форме титула, изображению двуглавого орла и материалу приравнивалась к западноевропейским образцам. Таким способом русский великий князь демонстрировал в общеевропейском масштабе свое политическое кредо. В то же время создание печати с символикой, соответствующей официальной концепции и выражавшей, с одной стороны, древность и законность принадлежащей Ивану III власти, а с другой — знатность русского государя, отвечало политическим потребностям эпохи. Официальное оформление идеи высокого происхождения русского государя, равенства его по рождению с западноевропейскими правителями и прежде всего с императорами Священной Римской империи, по-видимому, вызвало ассоциацию с определенной эмблемой, каковой являлся двуглавый орел.

Георгий Победоносец как защитник православия и символ великой победы над неверными скорее всего был рассчитан на «внутреннее употребление».

Итак, печать 1497 г. в плане выбора эмблем и их художественной и символической трактовки, как бы мы сейчас ее охарактеризовали, «соответствовала моменту».

---

¹ *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России. 500 лет. СПб., 1997.

² Например: Научная конференция в Российском государственном архиве древних актов, посвященная 500-летию первого использования изображения двуглавого орла как государственно-го символа России, состоявшаяся 3 ноября 1997 г.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950. 85. С. 341-344.

⁴ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VI. Гл. II. Примеч. 98.

⁵ Подробнее об этом см.: *Соболева Н.А.* Герб Москвы: к вопросу о происхождении // Отечественная история. 1997. 3.

⁶ *Лихачев Н.П.* Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911. С. I, 43.

- 7 Лихачев Н.П. История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. 15.V.1915.
- 8 Коробков Н., Иванов Б. Русские печати // Архивное дело. 1939. 3/51. С.39.
- 9 Успенский Ф. Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., 1887. С. 29-30; Пирлинг П. Россия и Восток. СПб., 1892. С. 73-80; Савва В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 87.
- 10 Об этом: Solovjev A.V. Les emblemes heraldiques de Byzance et les Slaves // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1935. VII. P. 119-164.
- 11 Русское государство в половине XVII в. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П.А.Безсонов. М., 1860. Ч. II. С. 184-185.
- 12 Kohne B. Ueber den Doppeladler // Berliner Blatter fur Munz-Siege-und Wappenkunde. Bd. VI. 1871.
- 13 Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 116.
- 14 Solovjev A.V. Op. cit.
- 15 Gerola G. L'aquila byzantina e l'aquila imperiale a due teste // Felix Ravenna, 1934. Fasc. I (XLIII). P. 7-36.
- 16 Solovjev A.V. Op. cit. P. 132.
- 17 Ibid. P. 135.
- 18 Kornemann E. Adler und Doppeladler im Wappen des alten Reiches // Das Reich. Idee und Gestalt. Festschrift fur J.Haller. Stuttgart, 1941. S. 45-69.
- 19 Hellmann M. Moskau und Byzanz // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. N.F. Wiesbaden, 1969. Bd. 17. H. 3. S. 332-338.
- 20 Stokl G. Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972. S. 44.
- 21 Schramm P.E. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Stuttgart, 1954. Bd. I. S. 897.
- 22 Schwarzenberg K. Adler und Drache // Der Weltherrschaftgedanke. Wien-Munchen, 1958; Korn J.E. Adler und Doppeladler. Ein Zeichen im Wandel der Geschichte // Herald. N.F. 1965-1968. Bd. 5/6; Hye F.-H. Der Doppeladler als Symbol fur Kaiser und Reich // Mitteilungen des Instituts fur osterreichische Geschichtsforschung. Wien-Graz, 1973. Bd. 81. H. 1; Nastase D. L'aigle bicephale dissimulbee dans les armoiris des pays roumains // Da Roma alla Terza Roma. Documenti e studi – I. Seminnario 21 Aprile 1981. Roma – Konstantinopoli – Mosca et cet.
- 23 Hellmann M. Op. cit. S. 337.
- 24 Myslivec J. Svaty Jiri ve vychodokrestianskem umeni // Byzantinoslavica. Praha, 1933/34. T. V. S. 304-371.
- 25 Ibid.
- 26 Рыстенко А.В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909.

- 27 В списке анализируемых им исследований имеются не только «знаковые» труды западноевропейских ученых начала века (К. Krumbacher, J. Strzygovski, J. Aufhauser), но и практически все русские работы, вышедшие к этому времени, где так или иначе затрагивался вопрос об изображении св. Георгия (Н.П. Кондаков, Н.П. Лихачев, И. Грабарь, Ф. Успенский, Я. Смирнов и др.).
- 28 *Taube O.F.*, von. Die Darstellung des heiligen Georg in der italienischen Kunst. Halle, 1910.
- 29 *Лазарев В.Н.* Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский Временник. М., 1953; Т. VI. То же. Допол. и исправл. // Русская средневековая живопись. Статьи и исследования. М., 1970. Цитир. по посл. изданию.
- 30 Там же. С. 97, 100.
- 31 *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1956. Т. XII; То же // *Алпатов М.В.* Этюды по истории русского искусства. М., 1967. Цит. по посл. изд.
- 32 Там же. С. 164.
- 33 *Лазарев В.Н.* Указ. соч. С. 98.
- 34 *Алпатов М.В.* Указ. соч. С. 167.
- 35 *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. B. 39. Berlin. 1986.
- 36 Idem. The Adoption of the Muscovite. Two-Headed Eagle: A Discordant View // Speculum. 1966. V. 41. 1.
- 37 Ibid. S. 12.
- 38 Подробнее об этом см.: *Соболева Н.А.* Символы русской государственности // Вопросы истории. 1979. 6.
- 39 *Alef G.* The Origins of Muscovite. P. 89.
- 40 Сборник Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. С. 213, 238.
- 41 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. С. 17.
- 42 Там же. С. 18.
- 43 См. рассуждения на эту тему: *Юрганов А.Л.* Символ Русского государства и средневековое сознание // Вопросы истории. 1997. 8. С. 118-132.
- 44 *Рыстенко А.В.* Указ. соч. С. 471.
- 45 Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Сын отечества. СПб., 1842, июль. С. 24; Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принтца из Бухова // ЧОИДР. М., 1873. Кн. IV. Разд. IV. С. 61; Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса // ЧОИДР. М., 1846. Т. 1. С. 17.
- 46 *Chernetsov A.V.* Types of Russian Coins of the XIV and XV Centuries: An iconographic Study. Oxford. 1983. P. 50, 102-103.
- 47 Чудо Георгия о змии // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 521-527, 616.
- 48 *Мнева Н.Е.* Искусство Московской Руси. Вторая половина XV-XVII в. М., 1965. С. 16.

⁴⁹ Об этом: *Вагнер Г.К.* От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV-XV в. М., 1980. С. 223.

⁵⁰ Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 522-537.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.Я.Гросул:

Недавно в архиве я наткнулся на письма Антиохийского патриарха начала XX в., и там печать с изображением двуглавого орла. Как это можно прокомментировать?

Н.А.Соболева:

На XVIII семинаре «От Рима к третьему Риму» в Риме (1998 г.) представитель Афинского университета очень педантично изложил идею о том, что двуглавый орел принадлежит только Византии и только церкви, но если посмотреть, например, румынские материалы, то там двуглавого орла изображали на самых различных печатях. Хотя румыны утверждают, что они потомки римлян, но тут же вместе с одноглавым орлом (римской эмблемой) использовали и двуглавого орла. Морейские деспоты Палеологи могли использовать эмблему двуглавого орла в качестве родового герба. Этот факт и служит отправным пунктом мифа о гербе Византийской империи в виде двуглавого орла и объяснению превращения его в некий символ национальной греческой идеи, надежды на возрождение. Как символ подобной идеи — двуглавый орел — на печати Антиохийского патриарха. Эта идея держится, поколебать ее очень трудно, несмотря на все научные разработки.

В.А.Кучкин:

У меня несколько вопросов. Откуда берется утверждение, что всадник имеет русскую княжескую шапку?

Как это определяется? Второе. Как вы определяете святого? Разбираемый сюжет в докладе присущ не только для изображения Георгия Победоносца, но и Федора Стратилата. Как вы определяете, что это Георгий, если нет нимба в изображении фигуры. Тогда как во всех иных случаях и, кстати говоря, на русских печатях до этого времени Георгий постоянно изображался с нимбом. По каким критериям определяется, что это именно Георгий? Как прокомментировать тогда прямые вопросы, которые задавали на протяжении XVI и XVII вв. русским послам в Италии, не святой ли Георгий изображен на печати царя и великого князя. На это русские послы давали совершенно определенный ответ: «Нет, это не святой Георгий, это государь».

Как изображено стремя на той печати, которую вы показываете? И последний вопрос. Сколько подпруг имеет седло, на котором сидит всадник? Как изображается седло в этих изображениях святого Георгия?

Н.А.Соболева:

Княжеская шапка. В этой шапке изображались все князья; тулья и околыш даже вышиты на ткани. И здесь хорошо просматривается эта шапка, она ясна. Впоследствии при более тщательном рассмотрении всех сохранившихся экземпляров печати (1497 г. и 1504 г.), автор пришла к заключению, что на голове всадника имеется широкая повязка. Лицо его тоже прекрасно видно. Почему нет нимба? Потому что печать резал не русский мастер. Русские мастера вплоть до XVII в. изображали святого Георгия так, как им предписывала прежде всего иконопись. Прикладное искусство тоже следовало этим правилам — изображать святых так, как на иконах. В итальянском искусстве Возрождения в это время святой Георгий изображался не только без нимба, но и без шапки.

В.А.Кучкин:

Но почему это святой Георгий, а не святой Федор Стратилат?

Н.А.Соболева:

В русской иконописи существовала четкая иконография святых. Св.Георгий (пеший или конный) изображался в виде юноши с кудрявыми волосами (буклевидная шапка волос), с тонким носом и большими глазами. Этот образ св. Георгия сохранен на печати. Детали стремени, подпруга и т.д. не вносились в канон изображения святого воина, зависели только от мастера.

А.П.Черных:

Как вы оцениваете иконографическую традицию тех русских монет, которые изображали всадника очень часто. На них нет возможности усмотреть святого. Это скорее всего светские изображения и по атрибуту, и по оружию, потому между этими изображениями и изображением, трактуемым как Георгий, есть известная цензура.

Н.А.Соболева:

На русских монетах никогда не изображались святые. Буквы – «к» и «кн» около изображения всадника писались не случайно: они свидетельствовали, что на монете изображен князь, а не св. Георгий, ибо всадник изображался без нимба. Эти всадники светские, начиная с Александра Невского, имеют корону. Георгий Победоносец также увенчивался короной, но на более поздних изображениях – в XVI-XVII вв. На монетах всадники самые различные: и с соколом, то есть так называемые «сокольники», с мечом и даже с копьем. Это монеты мельчайшие. На них невозможно рассмотреть все детали, но на новгородских свинцовых печатях, опубликованных В.Л.Яниным в т. III «Актовых печатей Древней Руси» (М., 1999) все-таки видно, что изображен действительно рыцарь. Для XIV-XV вв. это характерно для западных пе-

чатей — такой вооруженный рыцарь в шлеме, в забрале. Но итальянцы показывали лицо, на их печатях шлемов, закрывающих лицо, практически не бывает. Открытое лицо, как на печати 1497 г., характерно для антропоцентричного итальянского искусства Возрождения. На упомянутых новгородских буллах во всаднике нет такой силы и экспрессии. Там обычная статичная фигура воина, князя. В прекрасную композицию печати 1497 г. эта фигура не вписывается. Печать резалась специально. Это мое глубокое убеждение. Ее вполне мог сделать и русский мастер — например, Амвросий. Но Забелин и еще ряд исследователей серебряного дела говорят, что русские золотых дел мастера делали прекрасные вещи, но все-таки уступали итальянским и немецким мастерам в написании букв. На печати же 1497 г. абсолютно идеально вырезаны буквы.

Конечно, потом были разные мастера, и русские, и иностранцы. Но самое главное — орел с опущенными крыльями. Только с начала XVI в. крылья поднимались вверх. Однако изображение двуглавого орла в Абердинском соборе — Карл V, начало XVI в. — точно такое же; орел имеет опущенные крылья. Значит, в иконографии просто существовал такой стиль: до определенного времени изображать двуглавого орла с опущенными крыльями. А потом его стали изображать по-другому, с поднятыми крыльями.

Б.М. Кюсс:

Имеются местные толкования изображения двуглавого орла. Какое из них для вас более приемлемо и связывается с печатью Ивана III?

Н.А. Соболева:

Я не знаю. Я знаю толкование, которое есть в словаре Брокгауза, что одна голова орла повернута на Запад, другая — на Восток: это одна из версий.

Я верю научным изысканиям тех, кто в этой «двуглавости» видит удвоение, которое было характерно для

определенной культуры. Это третье тысячелетие до нашей эры, шумеро-аккадская культура. Удвоение человека, животного или их отдельных частей является ее характерной особенностью. Те, кто был в Турции, говорят, что там изображен на рельефе огромный двуглавый орел, идущий вместе с богами Хеттского царства. Значит, его можно воспринимать как сакральный символ, который потом уже, в Византии, использовался как орнамент. Затем он опять превратился в символ. Сначала — просто в геральдический знак, потому что в момент развития института герба в Западной Европе разные эмблемы могли поступать «на вооружение». Двуглавый орел также вошел в эту систему: королевский знак — одноглавый орел, а императорский — двуглавый.

Б.М.Клосс:

Этот двуглавый орел изображен с короной?

Н.А.Соболева:

Есть с короной, есть без короны. Я не могу это толковать подобно тому, как это делается сейчас. Например, три короны — три ветви власти. А какая из них выше? Что такое три короны? — «Вера, надежда, любовь»? Заниматься толкованием средневековой символики очень не просто.

А.Л.Хорошкевич:

Как вы относитесь к датировке этой печати В.А.Кучкиным?

Н.А.Соболева:

Эта датировка абсолютно не выпадает из моей общей концепции: печать была создана после 1489 г., в 1492, в 1493 гг. и т.д. вплоть до 1497 г. Я согласна с точной датой, приводимой В.А.Кучкиным, но для меня это не существенно, потому что я знаю, что эта печать, конечно, была создана раньше, чем появилась при грамоте 1497 г.

Н.П.Лихачев указывал, что несомненно это печать более ранняя. Я сама выписывала все акты, составляла огромные таблицы, где указывается характер грамоты и способ ее утверждения. В одном случае красновосковая печать упомянута в январе 1497 г., значит, к июлю 1497 г., когда ею скреплена наша грамота, печать уже существовала.

В.Б.Перхавко:

Не могли бы Вы указать наиболее известные аналогии всаднику печати в произведениях мелкой пластики? На печати всадник своеобразен — он держит копьё двумя руками, поражает не в пасть дракона, а в шею.

Н.А.Соболева:

Изображение этого всадника в западной иконографии — с копьём, разящим в шею. У нас же святой Георгий и в иконописи, и в предметах прикладного искусства однотипен: он всегда бьёт дракона в пасть, и всегда левая рука держит поводья. Просмотрев десятки и десятки изображений, я заметила эту закономерность. Конь отличается от тех, которых мы встречаем в древнерусской живописи. Почему-то искусствоведы на этом внимание заостряют: грива у него особая, рельефность, он не статичен, в отличие от деревянной русской скульптуры, и прочее.

В.А.Кучкин:

Печать, о которой шла речь, изготовлена 26 августа 1490 г. римским мастером Христофором. Определяется совершенно точная дата и мастер, который делал эту печать. Когда мы говорим о специальных исторических дисциплинах, мы все время обращаем внимание на слова специальные и очень мало говорим о том, что это исторические дисциплины. Дело заключается в том, что путь аналогий и сравнений изображений — путь совершенно правильный, но при материалах конца XV в. далеко не единственный. Мы имеем дело с вислой печатью, следовательно, надо было бы поставить вопрос: а к каким документам прикреплялась такая печать.

Выясняется, что самый ранний случай бытования печати — это не 3 января 1497 г., а август 1492 г. Такая печать скрепляет верительную грамоту, которая была отправлена московским правительством властям Таллина. Грамота эта даты не имеет, потому что она писалась в 7000 г., когда, по представлениям русских людей, ожидался конец света. Обычно в документах того времени писали: шесть тысяч девятьсот девяносто десятого года, но никак не 7000-го. Дата такой грамоты определяется совершенно точно. К этому времени печать уже существовала.

К каким документам прикреплялась эта печать? Мы можем говорить об идеологических задачах Русского государства, о росте власти и т.д., и т.п., но тогда надо ответить на один очень непростой вопрос. Иван III претендовал на титул императора (по-русски — царя), имел очень длинный объектный титул — Князь Московский, Владимирский, Новгородский, Псковский, Тверской, Вятский, Пермский и т.д. Но дело заключается в том, что как только мы обратимся к дипломатическим документам отношений России с Крымом, то увидим, что там имеется такое обращение: «От Великого князя Ивана царю Менгли-Гирею поклон». От Великого князя! Такой же титул Ивана III мы находим в его грамотах, которые адресованы хану казанскому и хану Ногайской орды. А в ответ можно получить такую, например, грамоту «Князю Ивану от царя ногайской или царя казанского» и т.д. Эти грамоты датируются 1493 г., когда печать уже существовала. Поэтому оказывается чрезвычайно важным исторически точно определить, кому такая печать адресовалась и кому адресовался тот титул, который вырезан на печати.

Ссылки на Н.П.Лихачева, который в свое время писал, что этот титул был принят в 1498 г., неправомерны, потому что в нем присутствует восьмиобъектный территориальный титул Ивана III, тогда как только 16 августа 1490 г. прибавляется еще одно определение к этому титулу «и болгарский». Именно это прибавление «и болгар-

ский» мы читаем на данной печати, которая является объектом рассмотрения в докладе.

Почему был принят такой титул? 16 августа 1490 г. был заключен первый договор между великим князем Всея Руси, как он титуловался во внутренних документах, Иваном III с императором Священной Римской империи. Там был Фридрих III, но дела вел его сын, римский король Максимилиан I. И договор был направлен против польского короля, предусматривал присоединение к императорским владениям Венгрии, а к русским владениям — правобережной Украины, Киева.

Вот тут изменяется титулатура Ивана III, вырабатывается эта самая печать, потому что в 1488 г. в обращениях к королю Венгрии Матиасу Хоргену, в 1489 г. в обращении к немецкому императору Иван III просил прислать в Москву серебряных мастеров, которые могли бы резать и чеканить. А в 1490 г., в 1492 г. в грамотах к императору таких просьб уже не было. Значит мастера уже появились. И действительно, в декабре 1489 г. в Москву приезжает брат Софьи Палеолог и привозит с собой целый ряд мастеров крепостного дела. Салари появляется в Москве впервые и привозит нескольких иностранных мастеров — мастера Христофора из Рима с двумя учениками, мастера Альберта из Любека, мастера из Милана, серебряного мастера из Венеции, но грека по национальности. Все эти мастера начинают работать при дворе Ивана II, и оказывается, что этот титул и эта печать адресовались только властям Нарвы, Кольвани, Любека, магистрам тевтонскому и ливонскому, императору, римскому папе, князьям Германии и герцогам Италии. Никакие другие грамоты такого титула не содержали.

Когда был оформлен первый русский императорский договор в 1490 г., оказалось, что печать к этому договору еще не была готова. Ее изготовили только 26 августа, и совершенно ясно, что там было изображено. Это та самая печать, о которой сегодня говорилось. Вам показы-

вались изображения этой печати, не грамоты 1497 г., а грамоты 1504 г. Можно заметить, что там фигура всадника развернута в три четверти, тогда как голова у него строго профильная. Все это не случайности, а закономерности. При рассмотрении этой печати можно увидеть, что стремя, которое совсем иначе изображается на русских печатях (кстати говоря, русские печати до этого не имели ни одного конного изображения Георгия Победоносца, — стремя у него плоское, то есть оно сделано так, чтобы туда вставлялась нога, обутая в железо), тогда как на русских иконах стремя обычное, тоненькое, потому что были мягкие кожаные сапоги и этого было достаточно, чтобы держаться. Это седло с двумя подпругами, чего никогда не изображалось на русских иконах и на русских вещах. Само изображение подсказывает, почему оно было сделано: потому что все эти грамоты с этим титулом, с этими печатями адресовались главным образом князьям, императору немецкому и государям Италии. Кстати говоря, когда писали в Ливонский орден, города Прибалтики и даже королю Датскому, Шведскому, Норвежскому и т.д., там был титул «царь»: «От государя царя Всея Руси». Слово «царь» не употреблялось в обращениях в Германии и в Италии, и вот это слово «царь», оно и переводилось как «императоре» в ответных датских грамотах Ивану III.

Почему принято было такое изображение? На лицевой стороне, конечно, изображен не святой. Там отсутствует нимб, тогда как на русских печатях всегда нимб при святом обязателен. Изображен действительно государь. Но дело заключается в том, что Иван III хотел стать королем, но получить королевские инсигнии от Папы Римского. Когда русские дипломаты выяснили, что Папа в конце XV в. уже не имеет права давать королевское достоинство, это право принадлежит императору, а Иван III заключает договор именно с императором и хочет быть в этом договоре «братом императора», отнюдь не «молод-

шим братом», тем более не «сыном», а именно «братом», то есть быть равноправным, тогда возникла проблема: кого же изображать на лицевой стороне. На все вопросы относительно того, кто изображен в XVI-XVII вв. — святой Георгий или государь, говорили всегда «государь» с совершенным основанием. Там изображен именно государь, причем он был представлен в обезличенном виде.

Дело заключается в том, что сравнение печатей, которые сохранились, показывает, что это совсем не княжеская шапка, как это утверждается, а боевой шлем; видны три волоска — остатки плюмажа, потому что голова вписывается в ободок надписи, и лицо, изображенное там, закрыто железной маской. Изображение лица на печати 1504 г. примерно апреля-мая отличается от печати 1504 г.

Значит, это воин в турнирных доспехах и именно так изображались все государи на печатях Западной Европы. Государь изображался там так: он обычно сидел, а на оборотной стороне он изображался в виде воина, но в турнирных доспехах. Очень сложно было показать на лицевой стороне русского государя, который действительно претендовал на то, чтобы быть царем, и этот термин употреблялся в его титулах. Тогда надо было снабдить голову русского государя какой-то короной. Какой? Если это королевская корона, то он по рангу ниже императора, потому что император может жаловать королевское достоинство. А если у него императорская корона, т.е. он царь, тогда это великий скандал в Европе. Его не принимает ни император, ни государи и цари.

Тогда что же делается на обороте? На обороте изображается императорский символ на самом деле. Это двуглавый орел, причем типологически этот орел сходен с двуглавым орлом Максимилиана I. Орел там показан так, как делали русские мастера: там каждое перо проработано, там показан остов пера и все горизонтальные ниточки, которые соединяются и образуют это перо. Все это прекрасно показано на печати, которая размером

всего 4 сантиметра в диаметре. По сути дела это небольшая печать.

Чтобы показать, что Иван III, по рангу своему равен императору, берется эта эмблема, но она все-таки изменится, потому что там хвост оказывается не раздвоенным, как у Габсбургов, а он один, но голова украшается короной. Это очень важно, потому что перед всяким государем, немецким или итальянским, ясно, что человек, который имеет эту печать, он король вдвойне: две головы украшены этими коронами.

Понятно, что символика этой печати становится ясной не путем сравнения с тем, что изображали на одеждах двуглавых орлов, не путем сравнения с тем, что было в Древней Шумере, или с тем, что изображали на плитках пола в Мистре (двуглавого орла), это все дипломатические тонкие вещи, которые вскрываются благодаря именно внешним, дипломатическим акциям и анализу дипломатических отношений Русского государства этого времени и только с Италией и Германией. Это очень важная сторона дела, на которую необходимо обратить внимание.

Следует сказать и о мастере. Можно было подозревать по изображению этого двуглавого орла, что мастер немец. Настолько точно там сделаны все детали. Но специалисты говорят относительно того, что в изображении на лицевой стороне всадника конь совсем другой, чем на русских иконах. У него все пропорции соблюдены, показаны загнутые копыта, чего на русских изображениях почти никогда не бывает. Это очень интересно, манера чисто итальянская. Немцы достигли этого где-то в самом начале XVI в. Дюрер, когда поучился в Италии, стал уже умело изображать коня: и гриву, и даже морду коня.

Дело заключается в том, что в докладах по специальным историческим дисциплинам необходимо обращать самое серьезное внимание именно на историю вопроса, на конкретную историю, и только тогда возможно получить действительно целостную научную картину.

А.П. Черных:

Тема интересна нам всем, и разница в подходах свидетельствует о том же. Выскажу три маленьких соображения, которые у меня возникли при слушании доклада. Какие проблемы стоят перед нами?

Первая — это необходимость понять границу между иконографической традицией, изображением и историей эмблемы, далее — историей герба, то есть разделить иконографический и смысловой контекст.

Во вторых, эта проблема имеет общеисторическое, а не сугубо геральдическое значение. Речь идет об общеисторических, общемировых проблемах социальной истории, исторической антропологии и подталкивает к необходимости ответить на вопросы о генезисе герба от изображения к эмблеме, о качестве и смысле этого перехода; выяснении в каком эмблематическом, в каком культурном пространстве он совершается.

Третье: должна ли включаться русская, отечественная эмблематика, в частности геральдика, в мировой контекст. Ответ абсолютно ясен: эта эмблематика полностью включена в мировой контекст. Но вот пути и специфика этого включения не всегда ясны. Это касается общеисторических и медиевистских проблем вариативности изображения, специфики средневековых (а речь все-таки идет о XV в.) способов и типов идентификации эмблематического изображения, и еще раз подчеркивает важность поставленной проблемы.

В.Б. Перхавко:

Н.А.Соболева на протяжении многих лет целенаправленно занималась этой проблемой и привлекла много источников. Но тема, действительно, очень сложна, и здесь недостаточно иконографических материалов, памятников сфрагистики, монет и т.д., и т.п. Огромную роль играет идеология.

Во времена Ивана III, первого государя Всея Руси, Русь не имела устоявшейся эмблемы. Был процесс поис-

ков. Он нашел отражение в нумизматике: известен золотой с венгерским щитом, корабельники и т.д. В процессе поисков гербового знака и сформировалась своеобразная печать с двумя изображениями – двуглавым орлом и святым Георгием.

Вовсе не обязательно отсутствие нимба, доказывающее, что это не святой Георгий, а правитель. Например деревянные статуи святого Георгия из Ростова Великого, из Юрьева Польского, из знаменитого собора, из Кириллова, никакого нимба там нет и не может быть, это вовсе не обязательно.

С начала XV в. в Московской Руси прослеживается процесс распространения культа святого Георгия. Мы знаем о Георгиевском монастыре, (не так давно В.Д.Назаров уточнил время его возникновения), о Юрии Дмитриевиче Галицком, возможно, во время кратковременного пребывания его на московском великокняжеском престоле. Не случайно Святой Георгий был позже. И не случайно изображение святого Георгия появилось на майоликовом рельефе именно в Дмитрове. В конце XV, и в начале XVI в. там правили удельные князья. Другое дело, что происходило совмещение образа святого Георгия с образом правителя.

Аналогии святому Георгию действительно нужно искать в памятниках западноевропейской мелкой пластики. Я внимательно посмотрел все имеющиеся материалы. И в древнерусском материале мы не найдем близких аналогий. Единственная – это известная чаша из Никулинского городища и, пожалуй, металлическая иконка «Чудо Георгия о змии» новгородского происхождения, которая хранится в музее Андрея Рублева. Но там единственный сходный мотив (там четко написано, что это Егорий, а не какой-нибудь правитель) святой Георгий держит копьё двумя руками. Но он поражает не в шею дракона, а в пасть.

Поэтому мне кажется, что поиск ближайших аналогий нужно искать на Западе. В качестве аналогии резчик

использовал какое-то изображение святого Георгия в квадратном поле. Обратите внимание, что в круглое поле печати не поместилась одна рука и конец копья. И, видимо, в произведениях мелкой пластики прежде всего, а не на иконах, изображенных по дереву, не на каменных рельефах нужно искать ближайшие аналогии.

А.А.Преображенский:

Многие положения доклада я считаю доказаны и это займет свое место в дальнейших обобщающих работах, в учебнике, которым я продолжаю заниматься.

Интересно проследить как все это могло получиться при дворе великого князя Ивана III, т.е. какие лица из его окружения могли выступить заказчиками этой работы? Мог ли сам резчик или исполнитель этого произведения выходить лично на государя и кто ему докладывал — был ли это казначей или кто-то другой? Вот этот сюжет, хотя он содержит много вопросов, вряд ли раскрываемых в источниках, привлекает внимание: как эта эмблема объявилась, как она была утверждена и почему она стала таковой.

А.И.Аксенов:

Я скажу несколько слов. Мне было интересно прослушать и сам доклад, и любопытна дискуссия. Уточняя, я бы сказал, содоклад, который сделал Владимир Андреевич.

По существу мы имеем дело с двумя не только взглядами и даже не столько взглядами, сколько с разными задачами в исследовании одного и того же дела. Докладчик попыталась выяснить истоки и характер эмблематического становления герба, а Владимир Андреевич сделал попытку актового бытования самого герба в государственной и межгосударственной деятельности. Поэтому здесь не следует искать особого противоречия и полемической заданности.

Относительно замечания В.А.Кучкина о некоей закономерности, связанной с появлением этого герба. Если

признать такую закономерность, то следует признать и то, что при дворе Ивана существовал некий орган, подобный тому, который существует и теперь в современных правительственных департаментах, — некие комиссии и департаменты, которые досконально прорабатывают характер составления гербов. Я не думаю, что в самом конце XV в. такой орган мог бы появиться и существовать.

В.А.Кучкин:

Почему же? При посольских делах это постоянная вещь.

А.И.Аксенов:

Это лишь домысел и предположения. По аналогии с тем, как они функционировали в XIX и в XX вв., и при нынешнем правительстве, совершенно ясно, что их задачи и функции никак не могут быть спроецированы на некий мифический орган при дворе Ивана III.

Идея о переложении квадратного изображения на восковую печать очень перспективна и здесь возможны интересные находки и открытия.

Н.А.Соболева:

Я благодарна всем присутствующим за то, что выслушали доклад. Иногда самые веские доказательства падают в пустоту, когда человек или не хочет понимать, или у него какое-то свое личное видение темы. Тут речи ни о какой дискуссии не может быть и просто нужно выслушивать обе стороны и выносить свое суждение.

Я хочу подчеркнуть, что фигуру лицевой стороны печати действительно называли великим князем, царем, человеком на коне, государем на аргамеке и прочее, это общеизвестный факт. Известно также, что Иван III пригласил различных серебряных дел мастеров. Об этом писала еще Николаева в своих работах. Я на нее ссылаюсь. И выдавать это за какое-то новшество не стоит. Вот мастер Христофор. Это был римлянин. Я считаю, что это другая школа, но я не буду ее называть.

То, что эта печать может быть датирована 1492 г., с этим можно согласиться, 1494 г. — с этим также можно согласиться. Здесь нет никакого противоречия с моими высказываниями, с моим докладом.

Все иностранцы называли этого всадника все-таки Георгием Победоносцем. Нет никого, кто бы его назвал на русский манер царем на коне и т.д.

Валерий Борисович правильно указал, на что я должна обратить внимание. Матрица печати металлическая и предмет особого искусства. Конечно, нужно сравнивать эту печать с итальянскими медалями. Я могу в русском искусстве сравнивать иконопись, предметы прикладного искусства, у них изображение святого Георгия одинаково. Об этом все искусствоведы говорят. Но в Италии, конечно, это разные области искусства. У меня не было возможности сравнить печать с медалями и монетами Италии XIV-XVI вв., потому что закрыт отдел нумизматики ГИМа. В Музее изобразительного искусства накрепко закрыта коллекция. Единственное — я договорилась с хранителями Отдела нумизматики Эрмитажа и там посмотрю. Конечно, если мне удастся найти работы этой школы и подобное изображение святого Георгия, это будет величайшее счастье. Но все это будет впереди.

Теперь далее. Конечно, это очень интересный момент: кто, как, кому заказывал, как заказывал, почему привлекались те или иные символы, кто советовал. Но пока я не нашла данных об этом в источниках.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В СВЕТЕ НОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ*

Источник особого типа

Проблема, о которой пойдет речь, давно не обсуждалась. Коллапс СССР повлек за собою не только «развал и шатания» в научных структурах когда-то единого государства, но и нечто подобное психологическому шоку в среде ученых-историков. В то «достопамятное время» — а именно в конце 80-х — начале 90-х гг. в секторе истории СССР периода капитализма Института истории СССР (ныне — Центр по изучению истории России XIX в. ИРИ РАН), в его отделении в Ленинграде (ныне — филиал ИРИ РАН) велась работа по созданию комплексного источника — «Рабочее движение в России. 1895-1917 г. Хроника», теме, десятилетиями востребованной советской исторической наукой и советской идеологией. Общим делом были охвачены все центральные архивы, и прежде всего — ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ), ЦГИА (ныне РГИА), а также — республиканские и, частично, областные хранилища документов (если нужна точность — 108 архивов), то есть вся Российская Федерация, 11 стран СНГ и три страны Балтии. В работе участвовали сотрудники научно-исследовательских институтов, университетов и педагогических учреждений, в том числе — зарубежные (польские).

К 90-м годам Редакционная комиссия издания постановила обнародовать собранный уникальный материал по периоду 1895-1904 гг. Рождение «Хроники» — источника особого типа, так называемого «вторичного источни-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 4 ноября 1999 г.

ка»¹ — отличного не только от публикаций документов, но и от обычных перечней и перечислений, от хроник-приложений к учебникам и другим трудам, в силу своего сводного, обобщающего характера должно было стать фактологической основой для синтеза материалов по истории рабочего движения в России после дискуссий 70-х гг. о гегемонии пролетариата. Идея получения интегративного, синтезирующего источника по истории массового рабочего движения в России показалась перспективной зарубежным коллегам. Создание «Хроники» стало в итоге частью международного проекта по сравнительному исследованию и созданию «банка данных» о рабочем движении в индустриальных странах Европы и США.

Но распад СССР спутал все планы. В странах Балтии и СНГ близкая к завершению работа по сбору материала для первого раздела «Хроники» сразу была прекращена; вскоре то же произошло во всех местных архивах Российской Федерации (кроме Москвы и Ленинграда). Изучение же истории пролетариата и рабочего движения буквально в момент превратились из традиционно-исследуемой, идеологически востребованной и поэтому хорошо финансируемой темы практически в маргинальную. Заметим, что первые удары по «рабочей теме» нанесли коллеги-гуманитарии, чья тематика долгое время была «не в фаворе» и кто первым поднял голос против дальнейшего разветвления исследований в данной области. Они живо пошли навстречу позиции «широкой общественности», которую отражали средства массовой информации. Последние «били» по российскому пролетариату, саркастически склоняя слово «гегемон», вменяли ему и одному ему вину за участие в «красной смуте» — революции. Подкорректированные на злобу дня научные программы, учебники и учебные пособия по истории немедленно лишались тем, связанных с положением рабочих, рабочим движением и революционной борьбой. В итоге жизнь и судьба 10 млн. рабочих (а с семьями это число

возрастает в конце XIX в. до 22 млн., т.е. примерно пятой части населения страны) оказалась как бы за пределами магистральных путей развития исторического знания в нашей стране. В нем стали расцвечиваться «белые пятна» других «историй», героями которых были «верхи» российского общества, в том числе заботившиеся о собственном обогащении и тематическом «научном» обосновании своего «права» на него.

Еще раз подтверждалось то, что еще давно было сформулировано то ли М.Н.Покровским, то ли Л.Д.Троцким, что «история есть политика, “опрокинутая” в прошлое». Именно по политическим мотивам истории российских рабочих буквально одновременно с августа 1991 г. оказалась «бесперспективной» и «неинтересной» научной проблемой. Вопросы, связанные с положением трудящихся, историей их борьбы за свои права, за повышение материального уровня жизни стали для власть предержащих ненужной и несколько лет спустя даже по своему опасной темой. Ведь, если мы обратимся к широко представленным в материалах «Хроники» требованиям рабочих сто лет назад, то увидим их сходство с теми социальными проблемами, которые занимают 75-80% (если не больше) населения современной России, живущей за чертой бедности. Среди этих требований — увеличение заработной платы и протесты против задержек ее выплаты, бесплатного медицинского обслуживания, доступного и хорошего образования, достойного пенсионного обеспечения, действительно защищающей отдельного человека системы страхования.

К чести Института истории РАН в создании условного «лепрозория» для исследователей рабочей истории он не участвовал и остракизму их не подвергал. Напротив, его дирекция проявила принципиальность, а по тем временам — и решительность, морально поддержав издание «Хроники» в Центре истории России XIX в., а директор Института А.Н.Сахаров лично вошел в Редакци-

онную коллегия по ее изданию. Тема сохранилась и в Научном совете «История революций в России», возглавляемой академиком П.В.Волобуевым. Продолжилось изучение рабочей истории и в Центре изучения новейшей истории и политологии, возглавляемой А.К.Соколовым. В настоящее время Институт истории РАН плодотворно сотрудничает по проблеме с соответствующими структурами Института всеобщей истории РАН, истфака МГУ, а также группами зарубежных историков. К концу 90-х гг. в мировой компьютерной Сети возник сайт, в котором сводятся воедино сведения о положении в сфере труда и профсоюзного движения в России и СНГ. В прошлом России преодолевается искусственно возникшая отделенность «досоветской» и «советской» рабочей истории, что в свою очередь, делает более значимыми материалы «Хроники» о положении рабочих в России в конце XIX — начале XX в. Единственное, в чем можно упрекнуть приверженцев рабочей истории (не исключая и автора данного доклада) — так это в ненужной «скромности», в неумении пропагандировать результаты своих научных штудий, объясняя их значимость и актуальность в решении проблем на современном этапе развития общества и в общем-то — в безвольном как бы признании факта «исчезновения» рабочей истории из учебных программ.

Важнейшая для понимания социальной истории вообще и «истории труда» в Европе в частности, проблема рабочей истории и истории рабочего движения сохранилась как направление не только благодаря самоотверженности и энтузиазму сторонников ее изучения в нашей стране. В момент, когда «история пролетарского революционного движения» была признана «перевернутой страницей» в истории державы, конституционно провозгласившей 70 лет назад хозяином страны рабочего человека, часть западной науки тоже от нее отказалась. Со времени развала СССР и по сей день выпуск в свет уникального источника — «Хроники рабочего движения в России» был

поддержан и финансируется фондом Г.Фельтринелли (Италия), Библиотекой современной документации (Франция) и Международным институтом социальной истории (Нидерланды). Сориентировавшись в ситуации, через два года после опубликования первых выпусков «Хроники», посильную финансовую помощь редколлегии в продолжении сбора материала стали оказывать РГНФ, затем — Федерация профсоюзов Петербурга и Ленинградской обл., а с 1997 г. — и Федерация Независимых профсоюзов РФ, которые обеспечивают распространение издания.

К настоящему времени общий объем изданных и подготовленных к опубликованию книг составил около 200 п.л. (издано 122 п.л., подготовлено 68 п.л.²). Это — квинт-эссенция, сгусток, самое главное и важное, что относится к количественным показателям рабочего движения в России за 1895-1901 гг.

Известно, что реализация источника зависит от полноты, глубины и разнородности содержащейся в нем информации, а в данном случае и от первичной обработки исторического материала. Ценность «Хроники» может быть рассмотрена по трем направлениям: во первых, — воссоздается общая событийная и наиболее полная картина массового рабочего движения (пока за период 1895-1902 гг., если ориентироваться на опубликованные материалы); во-вторых, — данные «Хроники» легко вводятся в состав компьютерной базы данных (ее составители всегда имели в виду тех, кто будет «пользователями» или, пользуясь компьютерным языком, — «юзерами» — собранной на ее страницах информации и потому стремились максимально облегчить последующую формализацию ее материалов нарративного типа, т.е. превращение их в таблично-статистическую форму; и, в третьих, — возникает возможность использования «Хроники» для решения задач, которые ставит перед исследователями мировая гуманитарная наука с ее новыми направлениями и подходами (так называемая «новая рабочая история»).

Вклад в отечественную историографию проблемы

Прежде всего, о «Хронике» как «историческом произведении», дающем возможность представить в хронологических рамках XIX — начала XX в. (притом, впервые в литературе!) историческую канву событий, как и было задумано, — «установить историческую последовательность развития событий и фактов», разобраться в том наследстве, которое нам в этом отношении оставила советская историография.

Значение «Хроники» усиливается тем, что, как это ни парадоксально, в огромной советской историографии по истории рабочего движения практически не синтезированы массовые выступления рабочих в целом по России в конце XIX — начале XX в. В коллективных трудах они представлены более чем скромно, иллюстративно, не говоря уже об аналитической стороне исследования проблемы. Фактически там, как и в другой литературе, самостоятельная проблема истории массового рабочего движения оказалась подменена историей социал-демократической партии. В отличие от «Хроники», составленной главным образом на материалах и документах учреждений дореволюционной России, а также на тщательно проверенной на репрезентативность печати, в основе всех работ от фундаментальных исследований до публикации источников, до появления «Хроники» лежали не подлежавшие критике ленинские труды, документы партийных организаций, воспоминания отдельных «проверенных временем» партийных лидеров. На основании именно этих источников и утверждались в соответствии с идеологическими установками — в отношении всех рабочих высокий уровень сознательности и руководящая роль рабочего класса в российском обществе. «Хроника» значительно корректирует общую оценку рабочего движения, восстанавливает значение делопроизводственной документации, которая недооценивалась в прошлом са-

мими же источниковедами, предлагавшими опасаться «фетишизации» официальных документов, исходивших из правительственных и буржуазных кругов³. Между тем, этот огромный пласт источников был создан образованным слоем российского чиновничества, совсем не обязательно проявлявшим «классовую тенденциозность», а напротив умевшим совсем непредвзято освещать события, в том числе и связанные с рабочим движением.

Перечислю лишь некоторые стороны проблемы, которые как бы заново «открываются» опубликованными материалами «Хроники», позволяя усомниться в бездоказательности ряда положений и выводов в советской литературе. Например, в ней завоевало прочные позиции необоснованное утверждение, что главными центрами рабочего движения на рубеже XIX-XX вв. были Петербург и Москва. «Хроника» доказывает, что это было не всегда так или совсем не так. «География» основных очагов рабочего движения менялась из года в год. Нельзя недооценивать, в частности, рабочее движение в Западном регионе, населенном евреями и поляками, где социальные проблемы переплетались с национальным бесправием (особенно сильно это проявлялось в отношении евреев) и жгучим стремлением освободиться от самодержавного деспотизма (поляки).

«Хроника» впервые (это слово может быть повторено многократно по многим вопросам, темам, проблемам!) восстанавливает значение агитационной литературы, изданной эсерами, бундовцами, членами ППС, СДКПиЛ, СДПЛ, а также указывает на такого рода издания других, не социалистических партий, обращенных к рабочим; она позволяет сравнить масштабы этой агитации в разных регионах и губерниях и в разные годы, представить сеть партийных организаций и групп, связь многих из них между собой. Теперь не требует особых доказательств тот факт, что именно социал-демократы, а не эсеры, а тем более какая-либо другая партия, распространили в

целом по стране наибольшее количество (даже по названиям) агитационных листов, обращенных к рабочим.

Известно, что в литературе влияние экономизма в среде рабочих замалчивалось и даже недооценивалось, упрощалось. Материалы «Хроники» указывают на необходимость иного подхода к сложной проблеме непростого, тернистого пути утверждения революционного марксизма в России, который столкнулся здесь с материально обездоленной огромной массой рабочих, готовой поставить на первый план и ограничиться экономическими требованиями.

Эти примеры, раскрывающие значение комплексного источника в корректировании событийной и фактической сторон рабочего движения можно умножить. Но нельзя не учитывать того, что в теоретико-методологическом и методическом отношении гуманитарная наука все время движется вперед. Агрегативный метод «сцепления» (от франц. «agrege» — «сцеплять») факторов с целью их последующего обобщения, «метод написания истории с помощью ножниц и клея» (как его афористично поименовал в одной из своих работ англичанин Р.Коллингвуд) все более уступает место другим подходам, распространившимся и среди зарубежных исследователей рабочей истории. Их, конечно, множество, но среди прочих просматриваются два, на которые мне бы хотелось обратить внимание. Это — количественный, квантитативный, с истолкованием процесса на макроуровне, и интерпретация событий и фактов на микроуровне с пристальным обращением к индивидууму — участнику события. При этом, во всех случаях возможно использовать материалы «Хроники», целью которой было изначально представить не только последовательность развития, но и случайную или взаимосвязанную одновременность событий и фактов.

Статистическая обработка, количественные обобщения

Сборники «Хроники», включающие сопоставимые сведения о масштабах и формах борьбы рабочих в хронологическом и географическом разрезах, готовились для статистической их обработки. Их созданию предшествовала огромная картотека, хранящаяся в металлических ящиках в Государственном архиве Российской Федерации. Вопрос о модели («формуляре») каждой карточки, ее — выражаясь социологическим языком — «фрейме» (рамке) и количестве «полей» (условно говоря, граф или отмеченных показателей) разрабатывался для различного уровня количественных обобщений.

Первый раздел каждого сборника отражает массовые выступления рабочих (по 16 позициям — «полям»), причем учитываются помимо забастовочной и нестачечные формы борьбы. Во втором разделе — содержится другого рода уникальный материал о деятельности среди рабочих партийных и других (например, зарождающихся профессиональных) организаций всех направлений (по 21 позиции или «полю»). В третьем представлены листовки за каждый год (в аннотациях по 17 позициям или «полям»).

Количественные подсчеты различных форм борьбы, организаций и листовок сделаны в предисловиях к каждому выпуску «Хроники» по каждой и 68 губерний и областей России отдельно, по каждому из 14 регионов, а также в целом по стране; то же — и об участниках экономических и политических стачек, а также — о нестачечных формах борьбы, о выступлениях демонстрационного типа. Говоря о полноте этих сведений по сравнению с официальными данными фабричной инспекции о стачках, обобщенными в свое время известным российским статистиком В.Е.Вапзаром, обратим внимание на то, что по количеству стачек «Хроника» превзошла данные фабрично-заводской инспекции в 3-4 раза, а по числу ста-

чечников в 2-3 раза. «Хроника» представляет общую картину роста из года в год числа коллективных выступлений и прежде всего стачек, указывая на то, что число их участников приближалось к половине всех забастовщиков в стране, причем значительная часть коллективных стачек приходилась на рабочих мелких заведений и ремесленных производств в западных губерниях. На отдельных предприятиях, охваченных забастовочной борьбой, стачки преимущественно были «частичными», когда в борьбе участвовали далеко не все рабочие (как представляла не редко советская историография!), а лишь отдельные их группы (мастерская, цех и т.д.).

В свое время в зарубежной историографии существовала тенденция представить стачечное движение в России как неорганизованное выступление рабочих в сельской местности. Это опровергается материалами «Хроники»: начиная с 1985 г. и в последующие годы выступления городских рабочих преобладали. С 1899 г. отличительной чертой массовых рабочих выступлений в России в ряде крупных городов становится общегородская стачка, выходящая за рамки производственной или профессиональной; в ней участвовали фабрично-заводские рабочие разных производств, рабочие, занятые в мелком и ремесленном производствах.

Стачки рабочих в России на рубеже веков отмечены во всех отраслях производства и среди рабочих всех профессий. Конечно, в силу численного преобладания в России рабочих, занятых в текстильной промышленности, число стачечников в этой отрасли во все годы было значительным. Нужно отметить и другое, на что не было ранее обращено внимание: по числу стачек выделялись в некоторые годы рабочие мелкой промышленности и ремесленники (например, в 1899 и 1900 гг. они вообще вышли на первое место). Металлисты составляли небольшой процент (10-13% от общего числа стачек), хотя здесь на рубеже веков наметилась тенденция к увеличе-

нию числа стачек и особенно числа бастующих; примерно такая же картина была у металлургов, а в некоторые годы — у рабочих-кожевников, а также у рабочих, занятых обработкой минеральных веществ.

На первом месте среди причин трудовых конфликтов были низкая заработная плата и продолжительный рабочий день. Большею частью рабочие обращались к хозяевам и администрации, много реже — к вышестоявшим властям (губернаторам, министрам). Составители «Хроники» ставили своей задачей выявить общее число участия фабричных инспекторов для разрешения производственных конфликтов, число вызовов полиции, казаков и войск. «Хроника» предоставляет возможность обобщить результаты борьбы, увидеть общую картину стихийных выступлений в стране, которые сопровождались в ряде случаев разгромом фабрично-заводских помещений, повреждением оборудования, станков, нападениями на администрацию. Это в свое время обходила литература о рабочем движении, стремясь подчеркнуть его организованность.

В каждом втором разделе «Хроники» прослеживается организационное оформление рабочего движения и, конечно, возникновение и рост численности партийных и рабочих организаций от Польши до Забайкалья, зарождение профессионального движения до 1905 г., о котором мало известно в литературе, равно как и о зубатовских организациях, отмеченных «Хроникой» в разных городах. Листовки третьего раздела наглядно демонстрируют изменение содержания призывов и лозунгов в революционном направлении, «внедрение» с помощью революционной агитации в сознание рабочих необходимости сплоченности в борьбе за свержение самодержавия и создание в России демократического общества на выборных началах.

Напомню, что работа над «Хроникой» разворачивалась в то время, когда в отечественной науке преодолевалось

отставание в области ее компьютеризации. В использовании компьютеров в 80-е гг. мы не могли еще тягаться с западной наукой, хотя шаги в этом направлении были сделаны и в Институте истории в работах некоторых исследователей, и на историческом факультете МГУ, где И.Д.Ковальченко была создана математическая лаборатория и впервые показаны перспективы корреляционного анализа некоторых параметров стачечного движения в России в 1895-1913 гг. в связи с развитием промышленности, изменения экономического положения пролетариата и характера его требований⁴. Сегодня в лаборатории МГУ под руководством профессора Л.И.Бородкина поставлена задача выхода на новый уровень количественных исследований, их детализации и спецификации на основе материалов «Хроники». Так, работа над этим источником с применением корреляционного анализа стала основой труда К.А.Алявдина о стачечном движении текстильщиков, результаты которого были доложены на международной встрече ученых. Ученики Л.И.Бородкина идут дальше, размышляя над материалами «Хроники» и возможностях применения теории самоорганизации нелинейных процессов в открытых динамических системах — синергетики. Это совсем новый подход, аналогов которому в исследовании рабочего движения пока еще не встречалось в практике зарубежных исследований.

Подводя итоги количественному подходу в использовании материалов «Хроники», обратим внимание на работы зарубежных авторов, которые внесли в свое время вклад в разработку проблемы под этим углом зрения. В той или иной степени ее касались многие ученые в Англии, Германии, Франции, Италии, США и др. странах. Среди них выделим исследование американского социолога и историка Чарльза Тилли за его преданность рабочей истории, начиная с 60-х гг. и до настоящего времени. По работам Ч.Тилли можно проследить этапы развития новой рабочей истории за рубежом. Держа, что называет-

ся «руку на пульсе» исследования проблемы, этот ученый оперирует в своих исторических трудах широкой источниковой базой, используя (и притом весьма успешно!) самые различные теории, подходы и методы в обработке исторического материала о трудовых конфликтах и стачечной борьбе. Так, например, книга Ч.Тилли о стачках во Франции⁵, несмотря на 25-летнюю давность, полезна как образец возможной формализации информации, ее кодирования и измерения. Она содержит анализ «волн забастовок», «вариабельности» стачечной активности по годам» с учетом «территориального» и многих других факторов. С помощью приемов предложенного в книге статистического анализа автор делает выводы о пролонгации стачечной активности в стране — весьма немаловажные для тех, кто решает вопросы рабочей политики сейчас в современных структурах власти.

Ч.Тилли и другие зарубежные ученые, например, англичанин Г.Ингма, книга которого вышла тоже в 1974 г. в Лондоне, пытались «опрокинуть» в историю схемы социологов о трудовых (индустриальных) конфликтах. Г.Ингма показал изменение форм протеста рабочих в зависимости от развития политической инфраструктуры (т.е. партий, профсоюзов и т.п.). Поставленная автором проблема звучит так: «рабочие — предприниматели — государство» или — возможна ли их конвергенция (convergence)⁶. Заметим, что для нашей российской современности такая постановка вопроса звучит в настоящее время более чем актуально.

Еще в начале 80-х гг. немецкие ученые К.Тенфельд и Х.Волкман писали, что «эпоха истории забастовочного движения как «линейного процесса», как процесса, постоянно сопровождавшего развитие индустрии, как явления, постоянно присутствующего в социальной жизни общества, как «линейно, то есть прямо и непосредственно зависящего от происходящих в экономике изменений», отходит в прошлое. Они подчеркнули, что «на-

ступило время концептов, гипотез и моделей, которые способны увязать историю забастовок с модернизацией и рационализацией конфликта интересов между рабочими и предпринимателями, осмысления по-новому рабочих организаций с учетом образованности представителей рабочего движения, что предстоит объяснить континуитет форм борьбы рабочих или дискретность движения» и то, когда происходит «смещение цели» и рабочие забастовки направляются уже против правительства, а не против хозяев предприятий, а стачки превращаются в политические⁷. Авторы поставили задачу обращать внимание на «зачинателей движения» с учетом их материального и социального положения.

Конечно, многие из задач, которые ставились при сборе материала «Хроники», показывают, что исследовательская мысль в России в 80-е гг. в общем и целом не отставала от западных работ и нашла отражение в той концепции, которая была разработана еще до работы с первоисточниками, а тем более составления банка данных. Поэтому не случайно материалы «Хроники» собирались так, чтобы через претензии рабочих к хозяевам показывать уровень их материального и социального положения, приоткрыть завесу в отношении массовой политической ангажированности рабочих в условиях неправового государства. «Хроника» показывает практически все модификации политической стачки, а также — энкультурацию, т.е. рост самосознания рабочих, ощущение группового и классового единения, сплоченности, солидарности рабочих коллективов вырабатывать единую политическую волю, умение манифестировать свои требования. Материалы «Хроники» сегодня, когда началась их публикация, позволяют интерпретировать рабочее движение, используя новые подходы и новые теории аналитической и синтетической программ, предложенные учеными в области гуманитарных исследований.

Проблемы «новой рабочей истории» и материалы «Хроники»

В науках о прошлом далеко не сегодня многие заговорили о неприемлемости старых методов написания истории. В зарубежной историографии в гуманитарных науках теперь окончательно утвердился поворот от социального конструктивизма к «новой социальной истории», и, соответственно, — к «новой рабочей истории», а в подходах и методах обозначился повышенный интерес к давно известной еще со времен работ французского ученого М.Блока, — к исторической антропологии. Но теперь она расширила свою «географию» и области гуманитарного знания. Ее приверженцы, особенно в 80-е гг. не прочь были покритиковать любителей квантитативной истории за увлечение слишком отвлеченными схемами, предлагая заняться «раскапыванием» индивидуальной идентичности», решать вопрос о том, как люди испытывают на себе и переживают «воздействие неведомых сил», «независимых от их воли процессов». Предлагалось истолковывать, разъяснять смысл событий и фактов рабочей истории прежде всего на «микроуровне».

Целью «микроисториков», как о том писал один из «отцов микроистории» Э.Гидденс, «является изучение людей, а не абстрактного общества». Он подчеркивал при этом, что «именно люди инициируют изменения и имеют действенную силу, а социальные структуры — только обуславливают их»⁸. Немецкий ученый К.Гирц так переформулировал данный тезис: «цель микроистории — изучение не истории малого, а «истории в малом»⁹. К этому можно добавить еще одно высказывание немецкого ученого В.Ульриха, который писал, что для приверженцев микроистории главное — решить вопрос, как люди испытывают на себе и переживают «воздействие невидимых сил» и независимых от их воли процессов, вернуть жизнь этим людям «с их желаниями и неудачами, страданиями и способностью к творчеству»¹⁰.

С этих позиций и велась критика социологизированной истории, социального и культурного детерминизма (обусловленности), социального конструктивизма, которые представляли индивидов полностью формируемыми «социальными и социо-культурными факторами. С ней в конечном итоге согласились многие зарубежные ученые, в поле зрения которых находилась «Labor History» («История труда»). Идя вслед за приверженцами культурной антропологии, они тоже попытались (и продолжают эти попытки!) «внести в глобальные конструкции структурного анализа проблемы свежую струю субъективного фактора», «вернуть жизнь отдельным людям, сделать их видимыми со всеми их заблуждениями, стремлениями, страданиями, способностью к самовыражению и т.д. Конечно, любой историк всегда имеет дело с процессами большого и малого масштаба. Но в данном случае речь, конечно, идет о другом: о логической и онтологической (от древнегреческого слова *on* (*ontos*) — сущее) связи между элементами хода истории.

Теперь можно выделить как бы два течения в «новой рабочей истории», ориентированной на микроисторию, хотя водораздел между ними невелик. Об одном из них писали в свое время С.Гинсбург и С.Пони, в известной степени нарочито противопоставляя свой метод исследованию «мощных структур», а именно — предлагая ученым создавать «разновидность паутины с очень узкими ячейками», дающими исследователю «изображение сетки социальных связей, в которых находится человек — связей не только групповых (классовых), но и дружественных, родственных и многих других»¹¹. Другое направление — пристальное внимание непосредственно к действующим лицам, людям, которые обычно находятся «за сценой» в количественных исследованиях.

Среди зарубежных исследователей, которые скоро поняли, что начавшаяся, особенно в 80-е гг. наступательная критика приверженцев «новой рабочей истории» увлече-

ния квантитативным анализом — это «камешки в их огороде», был немецкий ученый Р.-В.Хоффманн¹². В книге о повседневной борьбе рабочих Германии, анализируя постоянно присутствующие в рабочем движении скрытые формы протеста, он представил на основе материалов печати отношение к этим конфликтам самих рабочих, администрации, общества, наметив тем самым некоторые нити в той самой «сетке социальных связей», о которых писали та же Гинсбург и Пони. И через эту призму попытаться рассмотреть ряд интересных вопросов, связанных с рабочим движением, например, о «легитимности» (законности) стачек и др.

Что же нам могут дать материалы «Хроники», если идти в ногу с новой зарубежной рабочей историей, используя ее подходы и методы?

Думается, что в ряде случаев немало. Так, в «Хронике» в комплексе представлен нуждающийся в обобщении и интерпретации материал о «неуступчивости» предпринимателей к претензиям (требованиям рабочих), породившим сильнейшие формы протеста, а также — о «скрытых связях», лежавших в основе конфликтов, которые порождали стачки, о связи между формой оплаты труда и появлением той или иной формы конфликта и ряд других вопросов, над которыми работали и работают Р.В.Хоффманн и другие зарубежные ученые. Разрабатывая в дальнейшем проблемы движения в России, нельзя не обратить внимание на то, что ответы на эти и другие вопросы на примерах русской рабочей истории могут быть более обстоятельными, если обратиться к указаниям на первичные источники, лежащие в основе «Хроники».

Именно там можно найти материал, о котором пишут представители английской лестерской «школы локальной истории». Они заявляют, что любое выступление рабочих должно включать в себя «исторический ландшафт», говоря словами лестерцев, «физическую реальность локального мира», «социальную экологию человека» (нефор-

мальные и формальные группы общества, окружавшие рабочего с «его личной жизнью»). И это не просто реверанс в сторону освещения так называемой «конкретно-исторической обстановки», что традиционно предваряет наши исследования, а требование изучения «внутренней организации и функционирования социальной Среды в самом широком смысле слова» и «конструирования» таким образом «коллективных действующих лиц». Конкретизируя подходы этой школы, можно обратить внимание на давнюю, но не потерявшую актуальности статью Д.Линкольна, посвященную проблеме «локуса конфликта». В ней автор особо выделяет индустриализацию рабочих, принявших участие в стачке, принадлежность предприятия той или иной семье (клану) предпринимателей, общее число рабочих не только на данном предприятии, но и в данном городе, регионе и др. Цель – оценить степень охваченности выступлением, как лиц, работавших по найму, так и «наблюдавших за забастовкой»¹³.

Сразу скажем: некоторые ответы на эти мудро сформулированные вопросы были заложены в программе «Хроники» и теперь только ждут своего исследователя. Например, в «Хронике» даны общие цифры соотношения «участников» стачек и «наблюдателей» за происходившими на их глазах событиями на их родном предприятии из той же среды рабочих. В том же источнике численность рабочих в упомянутых нами выше «частичных стачках» всегда была меньше числа рабочих не участвовавших в выступлении. Объяснение этому можно найти лишь приблизившись к человеку с его мыслями-импульсами, рефлексам, претензиями к жизненному уровню и т.д. Подходы Лестерской школы при изучении рабочего движения в России наиболее полно можно реализовать на том же «локальном уровне», пользуясь местными архивохранилищами, и «Хроника» в этом отношении способна дать прекрасный ориентир исследователям. Здесь желательно расширить тип источников, привлекая

для скрупулезного анализа материалы рабочей прессы, воспоминания, особенно эго-документы, появившиеся по свежим следам событий.

В 80-е гг., когда обсуждалась программа «Хроники», она была рассчитана более на социологизированную, квантитативную, нежели на интропретирующую историю, тем более для исследований на микроуровне. Теперь, полтора десятилетия спустя, особенно виден этот недостаток, узость позиций. Карточки учета помимо воли составителей отразили традиции определенной, выработавшейся в течение не одного десятилетия концепции, согласно которой рабочий класс России должен в первую очередь предстать «гегемоном», ударной силой освободительного движения. Поэтому в материалах «Хроники» недостаточно отражена именно «физическая реальность локального мира»: представители других социальных слоев российского общества, схематично представлены и охарактеризованы действия предпринимателей и государства, отвечавших на стачки, как о том свидетельствуют материалы «Хроники», лишь увольнениями, локаутами, вызовами полиции и казаков. С позиций «новой рабочей истории», расширившей подходы и методы исследования эти промахи особенно видны.

Мне уже приходилось выступать по этому поводу в связи с упрощением понятия — «требование» в карточке учета¹⁴. В эту графу при сборе материала включались одинаково все претензии рабочих к предпринимателям. Между тем, внимательно вчитываясь в первоисточник, можно заметить, что куда чаще выступления рабочих начинались с просительного характера претензий — «жалоб», «прошений», что более соответствовало повседневным взаимоотношениям рабочих и хозяев, навязанному властью в одностороннем порядке «договору», согласно которому «простой» человек мог только просить, а не требовать, а наделенный властью, статусом и капиталом хозяин — только снисходить до рассмотрения прошения.

Построенный на формуле: «Мы ваши отцы — вы наши дети», патернализм в Российском государстве сохранился до наших дней и в реальной жизни всегда носил антигражданский характер. Что касается «предъявления требований», то эта формула больше пригодна к организованным выступлениям рабочих коллективов под влиянием революционной пропаганды. В формулировании «требований» принимали участие партийные лидеры, что было далеко не во всех стачках, о чем свидетельствуют те же материалы «Хроники».

И все же составители картотеки «Хроники», те, кто закладывал «золотой запас» фактического материала для будущих поколений историков, так или иначе отозвались, почувствовали общий настрой мировой науки, поворот ее, говоря словами приверженцев микроистории, — к человеку («эктору» — термин, который употребляется в зарубежных работах). В соответствии с замыслом редколлегии «Хроники», в карточки учета были занесены конкретные действующие лица участников стачки, упомянутые в том или ином источнике (даже когда их список ограничен, в «легендах» имеются указания о том, где можно ознакомиться с полным списком участников). Составители сборников старались по возможности дать подробное описание повода и указать на причину выступления и, хотя бы кратко, представить материал, освещающий взаимоотношения рабочих с администрацией предприятий. Они стремились уловить те важные побудительные мотивы, которые вызвали выступление, рефлексии, характеризующие образ мировидения русских рабочих, особенности их социального поведения и поведения предпринимателей, хотя, как говорится, «официально» эта задача перед ними не ставилась. Много сделано и при вторичном обращении к первоисточникам при окончательном редактировании материалов сборников.

Теперь ценность подобных «мелочей» возросла во сто крат. Даже весьма скудные сообщения однообразных по

характеру деталей, сведенные воедино в «Хронике», позволяют представить и социальный облик участников борьбы, уровень их психологической готовности добиваться выполнения своих требований. Эти сведения необходимы, чтобы приблизиться к индивиду на уровне референтных групп и социальных общностей, чтобы зафиксировать именно на том уровне (первичном!) изменчивость конкретно-исторических ситуаций, которыми изобилует рабочее движение. Причем, поскольку сведения второго и третьего раздела «Хроники» легко «стыкуются» с информацией первого раздела о массовом движении, благодаря этой информации можно глубже представить возможности целенаправленных «сознательных» выступлений, роль организующего начала со стороны профсоюзов и партий, дать важнейшую информацию для углубленного понимания спадов и подъемов стачечной активности, трансформации форм борьбы.

Сложный путь «новой рабочей истории» сопровождался тем, что в течение не одного десятка лет его яркие приверженцы, ставившие во главу угла Индивида и индивидуальный опыт, резко отмежевывались от «комода позитивистской историографии» (G.Noirril), по ящикам которого «разложены» факты разной природы – политические (им всегда доставалась «верхняя полка»), социальные и культурные. Но в начале 90-х гг. культурно-историческая антропология, с ее пристальным вниманием к частной сфере жизни людей, противопоставившая себя поначалу «социологизированной» истории, напичканной цифрами, графиками и схемами, спустя десятилетие, можно сказать, «протянула ей руку».

Это был правильный жест: реконструкцию человеческого опыта переживания крупных структурных изменений – невозможно реализовать, если не комбинировать оба подхода (назовем условно один из них «социологическим», количественным, «материалистическим», а другой – «историко-антропологическим», качественным,

«дискурсивным»). Но самое трудное — совместить эти подходы одному исследователю, исследуя ту или иную проблему или тему. О первом подходе было сказано выше и там все более или менее просто. Что касается второго подхода — историко-антропологического, — то здесь предложений, с какой стороны подойти к проблеме, у зарубежных ученых много: подходы лингвистический, дискурсивный, опыт «эмоциональных конфронтаций» и т.п.

Например, в 1994 г. американские историки Л.Зигельбан и Р.Сани поставили в ходе полемики риторический вопрос: «Стоит ли опять изучать рабочий класс?»¹⁵ и сами ответили на него положительно, предлагая изучать его по-новому, видя в классе часть социальной конструкции, которая — поскольку она есть именно «конструкция» — может быть разобрана на составляющие части. Однако в отличие от последователей социального конструктивизма наши коллеги предлагают изучать не классы, партии и группы, а именно детали «механизма», с помощью которого отдельные его «части» сформировались. Они обращают внимание на язык в этом «механизме». Другой американский ученый С.Смит в первом номере «Russian Review», например, на словосочетании «рабочий класс», утверждает, что прежде всего следует получить ответ: с какого времени это слово стало употребляться в обыденном языке, в каких социальных слоях, группах населения, в программах каких партий, кого причисляли к «рабочему классу» и как называли его представителей в тех слоях, где влияние его было ничтожно. Замечу, что никто не занимался этим вопросом среди наших исследователей, что и это заставляет сомневаться в том, достаточно ли глубоко мы представляем сам предмет исследования. Ответ же на него «заложен» в той же «Хронике»: именно листовки помогут выяснить, когда это слово появилось и стало употребительным в агитационной литературе до 1905 г., откуда оно пришло и как утверждалось в рабочей среде и обществе.

Вообще, лингвистический поворот с его особым вниманием к языку действующих лиц к прочитанному тексту источника — один из наиболее распространенных в социальной науке и «новой рабочей истории» за рубежом. Конечно, уже при обработке первичных источников для «Хроники», можно констатировать, что фабричный инспектор пишет о стачке одним языком, а лидер движения в листовке — другим, так как они адресуются разным аудиториям. Именно лингвистический поворот поставил во главу угла вопрос о практике речевого поведения индивидов или дискурсах (от латинского «рассуждение»), которые могут быть как речевыми (вербальными, от слова *verb* — глагол) так и внеречевыми (невербальными, например, драка, жестикуляция, вывоз управляющего на тачке или надевание 1 Мая на одежду красных бантов и т.п.). Материалы «Хроники» при всей краткости изложения событий, связанных со стачками, дают интересный материал на этот счет.

Дискурсивный подход в новой рабочей истории большей частью согласуется с углубленным исследованием опыта эмоциональных конфронтаций, человеческих переживаний в ходе тех или иных событий, при этом микроисследования (а это в основном работы такого рода) сближают историю с социальной психологией, откуда историки также уже давно заимствуют особые методы. В нашей историографии таких работ еще довольно мало. Из последних штудий приближается к этому подходу, пожалуй, лишь статья Б.Н.Миронова о трудовой этике российских рабочих. Ученый обратился к материалам фабричных инспекторов, напомнив нам, что один из них — И.И.Янжул еще в 1907 г. писал, что при обсуждении событий и дел, связанных с поведением рабочих следует больше обращать внимание на «качества самих людей», на их ум и нравственность¹⁶. (Не кажется ли, что это высказывание фабричного инспектора корреспондируется с некоторыми рассуждениями приверженцев исто-

рической антропологии за рубежом?). Приводя фактический материал, связанный с трудовой этикой, Б.Н.Миронов делает экстравагантный вывод о том, что в России «рабочие были больше удовлетворены своими предпринимателями, чем предприниматели своими рабочими» и ряд других, правда, не столь необычных для наших представлений о взаимоотношениях рабочих и хозяев. Он рисует, хотя и нетрадиционный, но опять же «коллективный» социальный портрет рабочего человека, фактически просто как бы стирая тот образ рабочего, который сложился в советской историографии. Но, к сожалению, этот образ создается без учета индивидуальных переживаний как отдельно взятого рабочего, так и предпринимателя. В связи с выводами автора возникает много вопросов. Вот один из них: «Хроника» зафиксировала, что малая часть рабочих в России боролась в самом начале столетия за восстановление праздничных дней, отнятых законом от 3 июня 1897 г., но всеми ли рабочими в этом случае двигало «потребительское отношение к труду», «этика праздности» на которой настаивает Б.Н.Миронов? Как согласуется эта «этика» с изнурительным рабочим днем в нетерпимых условиях труда, отмеченных медицинской? Конечно, из материалов «Хроники» очевидно, что рабочий человек в России вступал в борьбу за свои права, больше, как говориться «по понятиям», а не по закону, но, ведь, и хозяин часто действовал «по усмотрению», нарушая даже куцые законы российского рабочего законодательства. Вероятно, динамика эмоциональных конфронтаций менялась по мере появления нормативных актов, но пока это — постановка вопроса. Исследование проблемы важно для понимания стратегии поведения как рабочих, так и хозяев, для формирования облика тех и других, причем в каждом конкретном случае.

Именно о том же напоминает нам, хотя скорее в социологическом ракурсе, немецкий исследователь А.Людке, который долго работал как типичный позитивист, но

оказался едва ли не первым, кто отошел от «усредняющих» цифр к исследованию образа жизни и склада «рабочего человека»¹⁷. Его коллеги, составляющие группу ученых, работающих по проблемам социальной истории в институте им. Макса Планка в Геттингене, считает (судя по последним дискуссиям, которые разворачиваются в этом институте по проблеме) что задача историка сегодня — это выяснение стратегий (их много и они разные) поведения человека в различных обстоятельствах, тактик и практик действия индивида в рамках социальных структур. Немецкие ученые ставят задачу исследования личности конкретного рабочего со всеми «изломами и противоречиями», которые наложил на него социализация и жизнь в обществе. Их рассуждения интересны, так как помогают понять причинно-следственные связи, скрытые в глубинах исторических процессов.

Но здесь вряд ли, как и в случае с графой «требование», возможно ограничиться только тем, что уже отмечено в «Хронике». Информация в ней об участниках стачек может и должна быть дополнена документами личного происхождения. А поскольку воспоминания рабочих по проблеме в значительной степени создавались под воздействием идеологического прессинга, то здесь предстоит особая работа источниковедческого плана: найти материалы личного происхождения, которые могли бы корреспондироваться с информацией о стачках, отмеченных в «Хронике». Одно из направлений поиска — материалы рабочих корреспондентов в наших архивах редакций партийной печати, до которых уже добрались исследователи за рубежом.

Сегодня наших зарубежных коллег в истории трудовых конфликтов больше интересует не событийная сторона, а «анатомия» организации труда и одной из «вечных проблем», которая никогда не устареет, является вопрос о его мотивации. Вышеупомянутый Чарльз Тилли не случайно свою последнюю книгу, изданную вместе с сыном Крисом в 1998 г., назвал «Работа при капитализ-

ме»¹⁸. В ней говорится об исключительной значимости «внятной и достойной» мотивированности труда» как главном условии для его эффективности. (Любопытно, что эту книгу авторы посвятили «своим друзьям-рабочим нового поколения», подчеркивая, что «за ними будущее». Много ли мы знаем наших коллег, которые бы посвятили свои монографии своим родственникам или знакомым рабочим? Встает вопрос: для кого мы пишем наши книги? Авторы поставили в книге вопрос: какой подход для современного рабочего человека нам кажется более верным: «работать, чтобы жить» или же «жить, чтобы работать» и приводят данные мирового социологического опроса на эту тему, сделанным и обработанным по компьютерной сети. Один из выводов авторов монографии заключается в том, что чем богаче страна обитания, тем больше она требует самоотдачи в работе, тем более скрыты принуждающие к труду механизмы и именно там, в конечном счете, рабочие больше успевают сделать в отведенное труду время.

Конечно, последняя книга Тилли ориентирована на современное капиталистическое общество, но «дух капитализма» был присущ и российскому обществу на рубеже XIX – начала XX вв., который отражен в «Хронике». Хорошо известно, что особенно в годы экономических кризисов большая масса русских рабочих трудились, чтобы не умереть с голоду и прокормить свои семьи. Но «Хроника» выявила за весь период 1895-1901 гг. только 7,5% (от общей численности рабочих в 10 млн. чел., занятых во всех отраслях труда) активных участников стачек и выступлений рабочих России против эксплуатации труда. Что же представляли собой остальные 92,5% рабочих в стране, которые в этой борьбе открыто не участвовали? Кто они, эти молчаливые наблюдатели? Данный вопрос никогда не был предметом изучения в российской исторической науке, которая представляла эту «массу» одним темным аморфным пятном, называя ее политически неразвитой.

Между тем, среди тех, кто молчал, были те, кто мог открыто протестовать завтра, сменив прежних борцов. Были и такие, кто вообще «не участвовал, но кто «подпитывал» активные выступления скрытыми формами борьбы от саботажа до словоизлияния, которые, кстати сказать, фиксировались, хотя и далеко не всегда, даже в официальных документах. В зарубежной историографии к этим формам борьбы рабочих России в 1917 г. привлекалось внимание американских исследователей Д.Кенкер и У.Розенберг, которые ввели в нашу историографию определение «незначительные формы борьбы». Оно было принято и составителями «Хроники», но, к сожалению, выявление этих форм борьбы не было поставлено специальной задачей при сборе материала и в «Хронике» отмечены лишь немногие такого рода случаи.

Вместе с тем нельзя также сбрасывать со счетов, что и в дореволюционной России была часть рабочих, которая умела гордиться своим трудом и признанием своих заслуг хозяином предприятия, а на крупных предприятиях поддерживались трудовые традиции, которые могли влиять на вовлечение рабочих в открытые формы протеста. Сейчас об этом рассказывается в работах о социальной политике российской буржуазии, а соответствующие источники демонстрируются на выставках, например, в Музее фабриканта Д.Г.Бурылина в Иваново.

«Новая рабочая история», обращает особое внимание на проблемы «мотивации» и «мотивированности» труда. Установлено, что при высокой мотивированности труда минимально ощущается насилие, принуждение к его выполнению и, говоря старым языком, «возникает классовый мир». Протест же возбуждается в тех случаях, когда мотивированность продумана плохо или не продумана вовсе, именно тогда работающий по найму выражает протест, сопротивление и недовольство. Мотивированность труда обусловлена экономическими и социальными обязательствами. Это, конечно, трюизм. Но вопросы,

возникающие в связи с этим утверждением, не банальны. Например о зависимости труда от принятых обязательств, проблема социализации индивида в процессе труда или другое: как закладывается уважение к труду, как «рекрутируются» трудовые роли в зависимости от различных факторов и т.д.

Что же объединяло рабочих в стачки: индивидуализм или «стадное» чувство, как проходил сам процесс вовлечения рабочих в политическую борьбу? И что понимать под «стадностью», когда мы имеем дело с массами (равноценно ли это понятие «коллективизму»)? Конечно, ответы на эти вопросы граничат с социальной психологией, они связаны с реконструкцией облика рабочего — был ли этот человек, осознающим ценность личных интересов и сознательно подчиняющим их чему-то «общественному» или же в ряды самых активных смутьянов попадали как раз люди со слабой саморефлексией, не ощущавшие значимости собственных интересов, не имеющие семей, не волнующиеся за близких? Все эти вопросы требуют не только размышлений, но и кропотливой работы с источниками, начатой авторами «Хроники». В известной степени в ответах могут помочь методы, к которым прибегают молодые американские историки, считающие «горящими» темы об «идентичности» рабочих, сторонники решительного поворота «рабочей истории» от «материалистического» подхода к «дискурсивному». Некоторые из этих ученых обращаются к русской истории, как например, М.Д.Стейнберг¹⁹. Он отмечает на основе обработки источников, что индивидуальные ценности в сознании русских рабочих начала века превалировали, это было общей тенденцией в цивилизованных странах практически везде (и в России — тоже!) и неважно к какому сословию принадлежал человек. Причем растущий индивидуализм не обязательно устранял тенденцию к объединению; он мог и не противоречить развитию общего социального сознания, менталитету рабочего класса в целом, если речь

идет о нем. Всецело разделяя эту точку зрения, подчеркнем, что действительно, нельзя, очевидно, упрощать сложный стихийный процесс сплочения масс, отмеченный в той же «Хронике» ростом солидарности, коллективных выступлений.

Подводя итоги и определяя место «Хроники» в системе проблем новой рабочей истории, имея в виду перспективную интегральную программу изучения рабочего движения, обратимся снова к Ч.Тилли, в этом случае — к его статье «Микро, макро или мигрень»²⁰. Размышляя над поворотами и метаниями в современном гуманитарном знании, он отмечает, что увлечение микроисторией ведет к феноменологическому индивидуализму, — теории, которая основана на первичности индивидуального сознания и которая придает этому индивидуальному сознанию определяющее место в социальной жизни. В поле зрения таких ученых — программы, идеи, рефлексии, импульсы, поскольку они считают их «главными моторами» социальных акций. Что может дать микроистория исследователю массовых, в том числе рабочих движений? Во-первых, считает Тилли, необходимо изучать индивидуальные ответы на схожие ситуации. Как раз такие случаи зафиксированы в «Хронике»: например, в ответ на штрафование рабочих на одном заводе они требуют убрать мастера; на другом — лишь настаивают на том, чтобы вывесили наименование проступков, за которые положен штраф; на третьем — отвечают забастовкой и т.п.). Во-вторых, действующим лицом истории может быть не только индивид, но и группа индивидов («коллективных акторов»). Здесь — огромное поле деятельности для тех, кому чуждо «раскапывание» индивидуальных опытов и кто стремиться к широким обобщениям.

Приверженцев макроистории Тилли относит к холистам (от английского whole, «хоул» — целый). Ее сторонники полагают, что социальные структуры обладают самодоказательной внутренней логикой, потому и целост-

ны, что цивилизация, общество и культура определяют жизнь отдельного человека. Тилли считает, что холизм вырос на относительном реализме, к сторонникам которого им отнесены Макс Вебер и Карл Маркс. В их теориях ученый видит много необходимого и еще до конца не осмысленного в рамках сегодняшнего гуманитарного знания. В заключение Тилли пытается примирить противников — сторонников микро- и макроподходов, напоминая, что главный постулат постмодерна — «признание Другого», а также и толерантность.

-
- ¹ Желтова В.П., Пушкарева И.М. Хроники революции 1905-1907 гг. (Источниковедческий обзор) // Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977. С. 281-284.
  - ² Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. I. 1895 год. М., 1992. 195 с.; Вып. II. 1896 год. М.-СПб., 1993 г. 247 с.; Вып. III. 1897 год. М.-СПб., 1995. 325 с.; Вып. IV. 1898 год. М.-СПб., 1997. 352 с.; Вып. V. 1899 год. М., 1998. 391 с.; Вып. VI. 1900 год. М., 1999. 411 с.
  - ³ Стрельский В.И. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. — 1917 г. М., 1962. С. 189 и др.
  - ⁴ Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре общества. М., 1987; Бородин Л.И. Квантитативные исследования стачечного движения и факторов его развития в дореволюционной России // Россия на рубеже XIX-XX веков. Материалы научных чтений. М., 1999. С. 93-111.
  - ⁵ Tilly Ch., *Shorter Ed.* (eds). Stries in France. 1830-1968. Cambridgge, 1974. Работы Ч.Тилли в области рабочей истории чаще других упоминаются в библиографических списках и сводах, которые просмотрены моей дочерью Н.Л.Пушкаревой за последнюю четверть века. Выражаю ей глубокую признательность за этот ее труд, также как и за представленные ею мне аннотации работ зарубежных исследователей.
  - ⁶ Ingham G.K. Strikes and Industrial Conflict. Britain and Scandinavia. London, 1974. S.89.
  - ⁷ Tenfeld K., Volkman H. (eds) Streik. zur Gechichte des Arbeiterkampfes im Deutschland warend der Industrialisierung. Munchen, 1981.
  - ⁸ Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Berkly, 1984. S. 56-64.
  - ⁹ Geertz C. Dichte Beschreibung. Frankfurt am Main, 1983. S. 32. см. об этом подробнее: Одиссей. 1989. М., 1989. С. 17-20.

- ¹⁰ *Ulrich V.* Entdeckungsreise in den Historischen Alltag. Versuch eine Annäherung an die neue Geschichtsbewegung // geschichte in der Gesellschaft und Unterricht, 1985. Jg. 36. S. 403-414.
- ¹¹ *Ginsburg C. Poni C.* Was ist Mikrogeschichte? Geschichtswerkstatt. Jg. 6. 1995. S. 50.
- ¹² *Hoffmann R.W.* Arbeitskampf im Arbeitsalltag. Formen, Perspektiven und gewerkschaftspolitisches Problem des verdeckten industriellen. Frankfurt am Main-New York, 1981.
- ¹³ *American Historical Review.* 1978. V. 43. № 4. P. 199-220.
- ¹⁴ *Пушкарева И.М.* Новый подход к анализу источников по социальной истории: жалобы, прошения, требования рабочих на рубеже XIX-XX вв. в ракурсе дискурсивного метода исследования // Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения. Вторая половина XIX-XX веков. Ногинск (Богородск), 1996. С. 157-162.
- ¹⁵ *Sigeldaum L., Suny R.* Class Backwards? In Search of Soviet Working Class // Making Workers Soviet: Class and Identity. Itaca, 1994. P. 7-8.
- ¹⁶ *Мионов Б.Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 243-283.
- ¹⁷ *Ludtke A.* Protest – oder: Die Faszination des Spektakularen. Zur Analyse alltäglicher Widersetzlichkeit // *Volkman H.* (eds) Sozialer Protest. Opladen, 1984.
- ¹⁸ *Tilly Ch., Tilly K.* Work under Capitalism. Oxford, 1998. P. 17. Среди нового поколения американских историков есть те, что стремятся буквально переписать нашу историю под новым углом зрения, и идут при этом от анализа источников (Д.Хоффман. С.Шмидт и др.); см., например: *Smith S.* Russian Workers and the Politics of Social Identity // *Russin Review.* 1997. V. 56. 1. P. 1-7.
- ¹⁹ Имеется в виду статья М.Д.Стейнберга в сборнике 1994 г. «Культура в движении: ценности, практики и сопротивление представителей низших классов в позднеимпериалистической России» (перевод с англ. яз.).
- ²⁰ *Tilly Ch.* Micro, Macro, or Megrim? // Mikogeschichte-Makrogeschichte: kompletuar oder inkommensurabel? / mit Beitr. von Maurizio Gribaudi, Giovanni Levi und Charles Till. Hrsg. und eingeleitet von Jurgen Schlumbohm. Göttingen, 1998. P. 33-52.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.Я.Гросул:

Первый вопрос — о соотношении экономических и политических требований. Можно ли сказать, что с годами процент политических требований повышается?

Второй вопрос — что такое историческая антропология?

И. М. Пушкарева:

О соотношении политических требований с остальными. Число политических требований на рубеже 1895-1901 гг. — мы пока обобщили только этот небольшой период — безусловно повышается. Самое интересное состоит в том, что политические требования не возникают в повседневной жизни, они возникают только на базе политических событий, таких, как, например, 1 мая, или демонстрации в связи с похоронами деятелей рабочего движения. На этом этапе политические требования самих рабочих даже в тех случаях, если они в стачках участвовали и были организаторами, практически не просматриваются, кроме, может быть, появившихся в 1902 г., моментов, когда политические требования преподносятся непосредственно в листовках, когда листовки зачитываются теми, кто выступает. Но таких примеров пока еще мало.

В наших работах до последнего времени это до конца не учитывалось. Историки считали, что если политические требования выставлены в листовках, то можно сделать вывод о том, что весь рабочий класс выступал с такими политическими требованиями, хотя это далеко не так. Процент их даже Варзар признавал небольшим, у нас примерно такое же сочетание, как и у него.

Второй вопрос — по поводу исторической антропологии. Историческая антропология считает, что люди — единственный предмет истории. Родоначальником оформившейся в направлении в гуманитарных науках исторической антропологии считают француза М. Блока с его «Историей», появившейся в 1932 г. Тогда наметилось три подхода к исторической антропониимистике: статистический, (исследование массовых типичных явлений), генеалогический (традиции и их жизнь в поколениях), проспективный (когда одно и то же явление рассматривается в разных культурах, эпохах, социальных слоях,

конфессиях и т.п.). Значение исторической антропологии в том смысле, как она сейчас предстает в исследованиях, заставила почувствовать так называемая «школа Анналов», в том числе француз Л.Февр, который писал в своей книге «Combats pur Histoire» в 60-е гг., что «единственный предмет истории – люди, взятые в рамках общества». Эту сторону я особо хотела подчеркнуть в докладе, но вообще направление исторической антропологии требует особого разговора.

С.В.Тютюкин:

Есть ли конкретные примеры положительного влияния «Хроники» на исследования отечественных и зарубежных ученых за последние 5-7 лет?

И.М.Пушкарева:

Положительное влияние есть. Во-первых, сама эта проблема – темы, доклады о положении и движении рабочих – фактически исчезла, а поскольку она исчезла, то, естественно, у нас такого положительного влияния на крупные работы, которые бы выходили по этой проблематике, пока нет. Это прослеживается только в кандидатских диссертациях.

В советской историографии, как известно, центром рабочего движения объявлялся обычно Петербург. Но «Хроника» доказывает, что это было не всегда так на рубеже XIX – начала XX в. Постоянно менявшаяся география основных очагов рабочего движения показывает, насколько мы в этом отношении отстали от зарубежных исследователей. В 1996 г. в Штутгарте издана работа Физелера на немецком языке, который в своей вступительной статье прямо сказал, что советская историография недооценивала роль Западного региона, населенного евреями и поляками. В нашей «Хронике» показано, что там социальные проблемы переплетались с национальным бесправием (особенно это проявлялось в отношении евреев) и жгучим стремлением освободиться от самодер-

жавного деспотизма у поляков. Между тем этот регион не был забыт в середине 20-х гг. — со времени статей Бухвиндера в «Красной летописи» и работ Невского. Здесь мы многое потеряли, и «Хроника» может восстановить реальную картину.

Ю.А.Тихонов:

Можно ли примерно сказать, какая доля выступлений рабочих оканчивалась принятием их требований или жалоб?

И.М.Пушкарева:

Для каждого года это было по-разному. Мы занимаемся этими подсчетами. Обычно статистика нам предлагает те выступления, которые оканчивались компромиссом, делить пополам. Тех движений, тех выступлений (в период экономического кризиса прежде всего), которые оканчивались удовлетворением требований, было чуть меньше, а тех, которые оканчивались безрезультатно — больше.

Ю.А.Тихонов:

А компромиссные решения вы куда относите?

И.М.Пушкарева:

Компромиссные решения обычно у нас историки рабочего движения делят пополам. Компромиссные также колебались. В кризисные годы компромиссных решений было больше.

Ю.А.Тихонов:

Компромисс — это победа, хотя и частичная.

И.М.Пушкарева:

Эти требования рабочих носили еще экономический характер. Часто удовлетворялись самые незначительные их них — например, когда в цехе ставили бак с водой, а какое-то более важное требование не удовлетворялось. Но рабочие были рады и этому, они говорили: хорошо,

спасибо большое. Мы больше бастовать не будем... Все кончилось компромиссом. Компромиссные решения тоже надо исследовать очень подробно.

Ю.И. Кирьянов:

Между тем, не только наш институт, но и целый ряд видных исследователей приложили немало усилий и внесли существенный вклад в разработку этой тематики. Я имею в виду и А.М.Панкратову, Л.М.Иванова.

На фоне обвала, который постиг изучение и разработку этой проблемы, появление хроник рабочего движения бесспорно стало приятным исключением, которое как-то сглаживало абсолютное невнимание к этой тематике.

Хроники рабочего движения существеннейшим образом дополнили наши представления о развитии рабочего движения, его формах, его масштабах, влиянии партий различных политических направлений, конкретной агитации этих партий среди рабочих. Доклад И.М.Пушкаревой – это подведение определенного итога огромного уникального труда, ответственным редактором которого она была. Уже опубликовано 6 сборников и еще 2 ожидают выхода в свет. К каждому из них И.М.Пушкаревой написано обстоятельное предисловие, в котором даны результаты первоначального обобщения материала. Рекомендую И.М.Пушкаревой подготовить отдельную книгу на основании этих первичных обобщений. Материалы «Хроники» сейчас начали активно внедряться в изучение проблемы, в том числе они используются при написании дипломов и диссертаций под руководством Л.И.Бородкина.

С.В. Тютюкин:

Ученый совет старается более или менее равномерно обращаться к самым разным сюжетам отечественной истории, начиная с глубокой древности, и можно только приветствовать тот факт, что дошла очередь и до истории пролетариата, тем более что выход «Хроника рабочего движения» дал прекрасный повод для этого.

Положение с изучением рабочего класса и рабочего движения совершенно бедственное, я бы сказал, критическое. То, что делается в нашем институте, это, может быть, отрадное исключение.

Доклад И.М.Пушкаревой подводит определенные итоги работы в этом направлении.

Наш современный рабочий класс в 90-х гг. не сумел защитить себя, свои интересы, свое положение. Отсюда по цепочке пошло невнимание и иногда презрительно-наплевательское отношение к рабочему человеку, к рабочему классу и к рабочему движению в целом.

В этом году вышла двухтомная «Социальная история России XIX – начала XX века». Автор – Б.Н.Миронов. Там огромное количество сюжетов, рассмотрены все сословия российского общества. Но, как известно, рабочие не были особым сословием. И оказалось, что для рабочих вообще в этой истории места не нашлось.

Как бы мы ни относились к рабочим, но, говоря о нашей истории конца XIX-XX в., разве мы можем отвлечься от того, что это была внушительная, очень активная, очень динамичная социальная сила, которая влияла на весь ход политических событий в нашей стране. Тем не менее, на практике сплошь и рядом в новейшей историографии рабочий класс исчезает вообще.

Совершенно очевидно то, что наш прежний подход страдал идеализацией. Рабочий класс из живых людей превращался в некую бронзовую фигуру, которая уже весьма отдаленно напоминала только исторические реалии конца XIX – начала XX в.

Менять подходы обязательно нужно. Самое главное – этот подход должен быть элементарно более объективным, потому что то, что мы делали раньше в этой области от исторической правды было весьма и весьма далеко.

Но нельзя впадать и в другую крайность – начинать вообще вычеркивать сюжеты, действующие лица, героев, которые были у рабочего класса, вообще из истории. Если мы пойдем по этому пути, то вместо каких-то положи-

тельных результатов, которых нам хотелось бы добиться, мы сделаем несколько крупных принципиальных шагов назад и потом нам не раз придется опять начинать с нуля, начинать с каких-то прежних подходов и т.д., и т.п.

Поэтому я хочу всячески приветствовать тот факт, что в нашем институте эта работа не замирает, сохраняются энтузиасты, занимающиеся сейчас историей рабочего класса и рабочего движения.

Те зарубежные фонды, которые были здесь сегодня названы, в лучшем случае обеспечивают только публикацию хроник, но не дают никакой реальной поддержки тем, кто эти хроники представляет. Поэтому хотя бы в чисто моральном плане мы должны этих людей поддерживать и отметить, иначе все это направление, некогда такое мощное, такое престижное, такое поддерживаемое нашим государством, оно придет в полнейший упадок, что с точки зрения науки, совершенно недопустимо.

Не надо думать, что сейчас сотни и тысячи людей будут заниматься этой проблематикой. Такой взгляд нереален, да это и не нужно. Но давайте не будем впадать и в другую крайность. Пусть история рабочего человека займет достойное место в нашей истории, пусть этот рабочий человек будет уважаться, потому что сейчас с позиций, особенно нашей интеллектуальной элиты, рабочий человек превратился в некое «быдло», в некий третьесортный объект манипуляций, о котором вообще сказать даже доброе человеческое слово считается чуть ли не зазорным. Это очень далеко от науки, с этим надо бороться и этому надо противопоставлять реальную работу.

В.Я.Гросул:

Задача Ученого совета не только заслушивать, но и давать рекомендации. Возникает такая ситуация, когда мы можем погубить целое направление. Действительно, у нас давняя традиция в стране, мы шли на первом месте в области изучения истории рабочего класса. Традиции были заложены не только Панкратовой, но и Невским,

Мицкевичем, можно назвать еще ряд имен. Конечно, они писали в то время по-своему. Сейчас другое время, и доклад И.М.Пушкаревой свидетельствует о том, что применяются новейшие методики, что в этой области мы идем на уровне современных исследований. Но С.В.Тютюкин совершенно прав: мы забываем о простом человеке. И что же у нас получается? Мы перестали заниматься крестьянином, интеллигенцией. Единственное исключение, пожалуй, книга Л.В.Милова, у нас же в Институте крестьянином — не крестьянством, не сельским хозяйством, а именно крестьянином как человеком — никто не занимается. Т.е. мы перестали заниматься человеком как таковым.

А.Е.Иванов:

Меня очень заинтересовала аналитическая сторона информации И.М.Пушкаревой — новая методика изучения рабочего класса, которую можно применять именно к тому банку данных, который собран коллективом, занимающимся хроникой рабочего движения. Эти методики настолько универсальны, что могут применяться к любому массовому движению.

Поскольку я буду возвращаться к истории студенческого движения, доклад будет иметь не только чисто прикладное значение для изучения рабочего класса, но и сыграет важную роль в изучении массовых движений России в конце, во второй половине XIX — начале XX столетия.

А.Л.Хорошкевич:

Доклад И.М.Пушкаревой меня очень порадовал широким охватом зарубежной литературы. В связи с этим было бы очень полезно провести конференцию или круглый стол по современным методикам зарубежной историографии, потому что малая история и методы антропологии приложимы не только к затронутому периоду в докладе, но и к более ранним для наших источниковедческих и исторических исследований.

Ю.А.Тихонов:

В докладе И.М.Пушкаревой и в выступлениях дана всесторонняя научная оценка хронике рабочего движения и работе подготовителей, которые обеспечили издание хроники.

Нельзя не согласиться с опасениями, что из наших исследовательских работ ушли фигуры крестьянина, рабочего, интеллигента. Но благодаря изданию «Хроники» участь забвения российскому рабочему, по-моему, не грозит. В 90-е гг. мы не видим больших исследовательских работ по истории рабочего класса и рабочего движения, но сама хроника, этот объемный материал, теперь стал достоянием исследователей и российских, и зарубежных, — мне кажется, является показателем того, что внимание к этой тематике будет разворачиваться и в ближайшие годы оно, несомненно, возрастет. Тем более не будем забывать, что сейчас «Хроника» довела изложение материала только до 1904 г., а последующие годы дадут очень много.

Я бы подчеркнул следующее. Во-первых, в докладе показан более полный банк данных о рабочем движении. В 3-4 раза увеличилось число источников, описывающих эти события, причем события конфликтные получили в «Хронике» более всестороннее освещение. Ваше замечание, что 7-8% рабочих было втянуто в борьбу, а мне кажется, что для годов накануне революции 1905 г. это очень много. Во всяком случае, это немало, это показатель уже нарастающего рабочего движения. Наверное, последующие годы дадут несравненно более высокие показатели, а в предреволюционные годы 7-8% — это, повторяю, немало.

Доклад показал, что теперь без более полного и скрупулезного изучения содержания томов «Хроники» вообще двигаться по пути дальнейшего исследования темы уже просто невозможно.

Мне хочется подчеркнуть источниковедческое значение материалов, которые объективно наталкивают и даже заставляют исследователя продумывать новые методиче-

ские приемы анализа исторического материала. В этом важное значение томов «Хроники».

Я полагаю, что данный доклад прозвучал в нужное время и его цель — стимулировать изучение проблемы. Еще раз повторяю, что благодаря поддерживаемой руководством Института систематической работе над «Хроникой» продолжалось исследование истории рабочего класса в сложное для исторической науки время. В 90-е годы была заложена база для дальнейшего изучения проблемы в хронологических рамках периода, предшествовавшего первой русской революции. Один из немецких историков отметил, что в области истории рабочих Германия стоит на пути догоняющей модернизации, суть которой в том, чтобы сделать исследования прошлого культурно и антропологически ориентированными. Думается (сужу по библиографии), что в последние годы немецкие ученые ликвидировали этот теоретический пробел, чего нельзя еще сказать об историках в России. Увы, мы тоже вынуждены в теоретическом отношении чаще «догонять», что произошло в результате долгой заикленности нашей науки на марксистско-ленинской методологии. Но было бы неверно не видеть, что методы, используемые в рамках названной методологии в интересующей нас области на определенном этапе не принесли пользу разработке проблемы. Заметим, что некоторые из этих методов были не чужды зарубежным историкам.

Конечно, история массовых движений кажется неинтересной человеку, сосредоточенному более на личном, нежели на общественном. Можно по-разному толковать те глубокие внутренние трансформации, которые проявляются сейчас в смене интеллектуальных ориентаций и исследовательских парадигм в гуманитарных науках. Полагаю необходимым, однако, заметить, что развал социалистической системы и падение престижа России на мировой арене были ускорителями релятивизации результатов, достигнутых мировой интеллектуальной мыслью. Можно по-разному оценивать (или, как модно стало го-

ворить, эвалюировать, от evaluation — оценка) факт падения влияния прежних научных школ и роста индивидуализации исследования, в том числе исторических. Но мне, как специалисту по истории массовых движений в России начала XX в., видится в этом явлении объективный процесс развития буржуазной идентичности, которая характеризуется отвержением принципа «солидарности» («коллективности», «коллегиальности»), готовности подчинять личные интересы общественным и которая при этом возводит в фетиш понятия, свойственные философам-экзистенциалистам — Индивид, Свобода Личности, Свобода воли.

Выше было сказано о том, что материалы «Хроники» могут быть использованы для разработки проблем новой рабочей истории. Вместе с тем, издание «Хроники» не завершено, и нам — составителям, редакторам, генерализаторам (тем, кто сводит воедино данные карточек), публикаторам — конечно же, необходимо довести до сведения тех, для кого вышеназванные проблемы интересны, результаты своей нелегкой и, поверьте, очень утомительной работы по обработке источников. В дальнейшей публикации следует учесть методы и подходы «новой рабочей истории». Воссоздание полной и всеохватывающей истории рабочего движения в дореволюционной России — не самоцель. Российские ученые не случайно стремятся «догнать» зарубежных коллег в их исследованиях истории труда, использовать новейшие подходы к изучению темы, потому что она, несмотря на всю ее историчность, необычайно актуальна, я бы даже сказала — злободневна. Вопрос о рабочей политике, о механизмах избежания социальных конфликтов необычайно существен для нашего общества, измученного политическими катаклизмами, экономическими экспериментами и общей нестабильностью внутренней жизни.

Издание «Хроники» продолжается. Значит, создание комплексного источника, способного поднять изучение рабочей истории на новый уровень, не завершилось и,

будем надеяться, продолжиться. В дореволюционный период «Свод» фабричных инспекторов были лучшим, чем располагала мировая статистика по проблеме российского рабочего движения. В настоящий момент еще не утрачена возможность создать новый «Свод» и даже «Свод», которым не будет равных в мировой науке. В них могут быть подняты другие темы, кроме рабочего движения, которые полнее представят это движение как часть социальной истории. Как показал опыт, путь в залежи российских архивов, с содержащейся там обширнейшей информацией может быть сокращен «хрониками» особого типа, подобно той, о которой шла речь — в этом одно из ее важных, если не главных, их предназначений. Наша отечественная наука всегда была сильна особым вниманием к источнику, что позволяло выходить из самых сложных затруднений, которые ей предстояло переживать вместе с историей страны.

Говорят, что задача объединения «микро» и «макро-подходов», «истории маленького человека» и «истории огромных трансформаций» рождает «головную боль», и пока ни к какому единому мнению, ни к какому консенсусу прийти не удалось. Полагаю, что размышление над материалами «Хроники» вне зависимости от познавательных и теоретических ориентаций исследователей — существенный этап к решению вышестоящей задачи.

Как ни медленно идет процесс освобождения от груза устаревших теоретических постулатов, престиж российской науки будут поддерживать те ученые, которые будут — как и в «доброе, старое время» — идти не «от концепции», а «от источника». Думаю, что и «Хроника рабочего движения в России 1895-1917 гг.» тогда в полной мере оправдает свое предназначение.

ПРАВЫЕ ПАРТИИ В РОССИИ В 1905-1917 ГОДАХ*

К правым партиям обычно относят консервативно-монархические партии крайнего и умеренного толка, отстаивавшие традиционный уклад жизни и выступавшие за сохранение общественно-политических основ существующего строя. При этом понятие традиционного уклада распространяется на политическую, социальную и духовную жизнь общества, на экономику, а также на быт россиян. Правыми эти партии назывались потому, что в парламентах европейских стран (а с 1906 г. и в Государственной Думе России) они занимали правую от председателя сторону зала, в то время как сторонники радикальных взглядов занимали места с противоположной, левой, стороны.

Основными правомонархическими партиями в России в начале XX в. были возникший в ноябре 1905 г. «Союз русского народа» (во главе с А.И.Дубровиным, а с 1909-1910 гг. возглавлявшийся Э.И.Коновницким и Н.Е.Марковым), возникшая весной 1905 г. «Русская монархическая партия» (руководители — последовательно — В.А.Грингмут, отец И.И.Восторгов, полковник В.В.Томилин и С.А.Кельцев), образованный в марте 1908 г. «Русский народный союз имени Михаила Архангела» (во главе с В.М.Пуришкевичем), созданный в конце 1911 г. Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (во главе с А.И.Дубровиным, вышедшим из руководства прежнего Союза) и созданный в июне 1915 г. «Отечественный патриотический союз» (во главе с В.Г.Орловым). К этим основным партиям «примыкали» многочисленные имевшие различные названия правые партии и орга-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 1 апреля 1999 г.

низации. С определенными оговорками к ним относили «Всероссийский Национальный союз» и Объединенное дворянство. Но еще накануне и особенно в годы войны позиции «националистов», «объединенного дворянства» и некоторых других монархических консервативных партий и объединений стали меняться. Большая же часть крайне правых партий и организаций продолжала действовать в рамках своих прежних установок, образуя значительный, хотя и разноликий, сегмент партийного движения в стране.

Это были партии в полном смысле слова с соответствующей атрибутикой; у них были программа, устав, центральные органы, отделения на местах, они проводили съезды. Руководители же этих партий называли их союзами, стремясь подчеркнуть, тем самым, что они не часть (в дословном переводе «партия» — это часть), а все православное, верноподданное население страны. По их мнению, все православное население России и должно было составлять эти партии.

В литературе, которая выходила до 90-х гг. XX в., их называли ретроgrадами, реакционерами, мракобесами, погромщиками-черносотенцами, подонками и тому подобное. В последнее время эти характеристики, которыми крайне правых наделили их политические противники, практически не используются, а употребляются термины: правые монархисты или традиционалисты-монархисты, то есть монархисты, исповедовавшие определенные сложившиеся традиции — государственные, политические, религиозные, социальные, экономические и бытовые. Их идейно-политическая триада включала такие позиции, как первенство православной веры, неограниченное самодержавие и первенство русской народности. Их толкование в литературе было довольно свободное и обычно неправильное, неверное. Между тем первенство православной веры подразумевалось лишь на территории коренной России, без окраин: без Финляндии, Прибалтики, Польши, Кавказа и Средней Азии.

Все, исповедующие другую религию на территории коренной России, иноверцы, могли жить на коренной территории без какого-либо стеснения, но не заниматься пропагандой своей религии. Более того в программных документах СРН выражалось особое почтение тем, кто исповедовал Магометов закон, то есть ислам. На национальных окраинах же совершенно свободно исповедовался католицизм, буддизм и иные верования.

Что касается неограниченного самодержавия, имелось в виду сохранение традиционной для России формы государственного правления, причем это обосновывалось тем, что Россия – многонациональное, многоконфессиональное государство, государство, в котором имеются различные по своей структуре административные подразделения (включая Финляндию со своим парламентом и Хивинское ханство), что это громадная территория с протяженными границами. Самодержавный правитель являлся, по их мнению, связующим, сцепляющим началом в таком государстве.

Наконец, разъяснялось, что русская народность (под нею понимались великороссы, украинцы и белорусы) являлась «державной», так как именно она в основном создавала Российское государство. «Державное положение» выражалось в том, что русский язык должен был быть государственным, а при приеме на работу и получении образования какое-то преимущество должно было отдаваться представителям русской национальности. И более ничего. В комментариях же этого положения говорилось, что все народы любой национальности, населяющие коренную Россию, являются сородичами русского населения.

Правые партии стали возникать уже весной 1905 г. как своеобразная реакция на революционное, либеральное и рабочее движение. Первыми такими партиями был «Союз русских людей», затем весной возникла «Русская монархическая партия», возглавлявшая Грингмутом. Но основной вехой формирования этих партий явился но-

ябрь 1905 г., потому что волна их создания не только в центре — в Петербурге, Москве, но и в других городах, — явилась откликом на появление царского Манифеста 17 октября 1905 г., за которым последовали массовые митинги. Люди либерального толка открыто приветствовали этот Манифест. На этих же митингах, наряду с либералами, присутствовали и радикалы, которые, естественно, выражали недовольство и призывали к тому, чтобы добиваться большего. Как правило, все это проходило на соборных площадях, на людных местах, где были церкви, откуда выходил народ, который, естественно, еще сохранял твердые монархические устои. Начиналась перепалка, доходившая до стычек, столкновений, заканчивавшихся иногда ранениями и даже убийствами, а также арестами. Таких выступлений в период с 17 октября и до возникновения правых партий было около восьмисот. «Союз русского народа», возглавлявшийся Дубровиным, по воспоминаниям, возник 8 ноября 1905 г. В ноябре же произошла смена руководства «Союза русских людей», который стал возглавлять князь А.Г.Щербатов, занявший более жесткую позицию по сравнению с прежним руководством. Таким образом, движение правомонархических партий разворачивается с ноября месяца, а массовые уличные столкновения произошли ранее.

На первых порах царь высоко оценил движение правомонархических организаций, устраивал приемы на Рождественские дни, посылал телеграммы. Во всяком случае, правомонархисты чувствовали себя весьма комфортно, имели «вход» к великим князьям, через которых выражали свои пожелания, делали какие-то рекомендации, на что царь, видимо, обращал внимание. Так было примерно до лета 1907 г. Тогда была получена телеграмма, в которой царь благодарил «Союз русского народа» и выражал уверенность, что этот Союз будет образцом поведения, порядка и законности. Но после лета 1907 г., особенно с 1908 г., как это не покажется странным, судьба

главной правомонархической организации «Союза русского народа» резко изменилась (об этом специально будет сказано далее).

«Союз русского народа» возник как всесословная организация, в которую, как говорилось в уставе, могли записаться все православные русские коренные люди, женщины и мужчины, представители любых сословий. В состав организации, местной, в частности, могли войти и обрусевшие инородцы, то есть инородцы, принявшие православие. Единственным исключением из этого правила являлись представители еврейской национальности. Этому вопросу посвящена большая литература. Основная исходная позиция подобного отношения сводилась к тому, что евреи стремятся к мировому господству. Соответствующая оговорка была во всех уставах правых партий, за исключением «Отечественного патриотического союза».

Это были всесословные организации. В них входили дворяне, крестьяне, рабочие, мещане, представители духовенства и другие. На съездах и совещаниях присутствовали люди в мундирах и, вместе с тем, — в самой простой одежде, в армяках. Крестьянин, которому не хватало земли, уживался с дворянином-землевладельцем, помещиком благодаря приверженности триаде: первенству православия (большинство населения было православным), самодержавию и первенству русской народности. Со временем к этой триаде прибавилось четвертое положение, которое звучало так: Россия должна быть единой и неделимой. Это положение есть не что иное, как девиз деятелей Великой Французской революции 1789 г. Монархисты не посчитали зазорным использовать его, когда дело касалось государственных интересов. Формула, в конечном счете, могла принимать и иную форму. Хорошо известен девиз «За Веру, Царя и Отечество». Здесь о первенстве русской народности вообще не говорилось, что могло быть более понятным инородцу и особенно соответствовало обстановке Первой мировой войны.

Если иметь в виду состав правых партий, то, несмотря на сословный характер, это были партии простонародья, состоявшие в основном из крестьян и отчасти из рабочих. Со временем все сословия по разным причинам стали отходить от этих партий, но в большей мере это было заметно в тех секторах, которые заполнялись привилегированными слоями и интеллигенцией. Интеллигенция особенно болезненно чувствовала несоответствие своих устремлений с некоторыми программными положениями и действиями этих партий.

Евреи, как было отмечено, не могли быть членами этих правых партий. Но на практике были и исключения. Как отмечается в книге Уолтера Лакера, В.А.Грингмут, основатель одной из первых монархических партий, был крещеным евреем. Настоящая фамилия одного из видных публицистов правых — Г.В.Бутми (Бутми де Кацман). Б.А.Пеликан-одесский, В.А.Бернов тоже были крещеными евреями. Таких в составе руководящих деятелей было немного, но они были.

В настоящее время опубликованы материалы о составе некоторых партийных организаций в 1916 г. (в журнале «Вопросы истории» и в двухтомнике «Правые партии», вышедшем в 1998 г.). В публикациях приводятся пофамильные списки членов этих организаций с указанием сословия и некоторых других данных. Из них следует, что членами были и крымские татары, едва ли принявшие христианство (видимо, записывали, если не было возражений, и таких людей). Было более десяти человек греческих подданных. Они были, конечно, православными, но подданными другого государства. В Иркутске были записаны представители мусульманского вероисповедания.

Теперь рассмотрим вопрос о численности этих организаций. Несколько раз Департамент полиции МВД делал попытки выяснить реальную численность правых организаций для того, чтобы иметь реальное представление, можно ли их использовать и каким образом, если

вдруг возникнет необходимость? Две попытки оказались вполне успешными. Одна из них относится к первой половине 1908 г.: членов крайне правых партий в России оказалось более 400 тыс. чел. Это была, бесспорно, массовая организация. Напомню, что в 1907 г. социал-демократы, которые были, конечно, в другом положении (полулегальном), насчитывали 150 тыс. чел. В 1916 г. положение резко изменилось. По данным Департамента полиции, в лучшем случае членов правых партий оказалось всего 45 тыс. чел. Среди них было, видимо, довольно большое число всяких приписанных. Реально же насчитывалось не более 30-35 тыс. Правда, значительное падение численности этих партий (в 9 раз!) наблюдалось во всей партийной структуре России. Если социал-демократов в 1907 г. было 150 тыс., то членов большевистской партии в феврале 1917 г., по исчислению С.Г.Струмилина, было 24 тыс. По данным же документов, оказалось, что членов большевистской партии к Февральской революции было примерно 10-12 тыс. чел. Плюс меньшевики. Возможно, в общей сложности социал-демократов было 25 тыс. И радикальные партии тоже переживали довольно резкое падение численности членов. Это важно иметь в виду, когда заходит речь о том, кто же и какую роль сыграл непосредственно в февральско-мартовских событиях 1917 г.

Теперь перейдем к почти детективной истории, которая связана с резким изменением отношения правительства и царя к крайне правым партиям после 1907 г. Как уже было отмечено, правые пытались оказывать определенное влияние на царя, давая какие-то рекомендации через высоких представителей царского окружения, и с этим столкнулся П.А.Столыпин, ставший премьером и одновременно министром внутренних дел в 1906 г. Он и его министры расценили такую ситуацию, как возникновение «второго правительства». И тогда был разработан план устранения Дубровина и реорганизации «Союза

русского народа». Дело было не только в личных помехах, которые ощущал Столыпин. Та ситуация, которая возникла в России в период революции, не устраивала демократическое и либеральное общественное мнение России и зарубежное, международное общественное мнение. И царь, и правительство вынуждены были с этим считаться.

План был реализован следующим образом. Столыпин договорился с начальником Петербургского охранного отделения Герасимовым о том, чтобы он подобрал материалы, которые показали бы никчемность некоторых правых организаций, которые присылали послания царю, одобряя или протестуя против каких-то действий Государственной думы и того же самого правительства. Царь на это отреагировал положительно, и в результате отношения между царем и «Союзом русского народа» «испортились» и после этого никаких особых встреч, приемов уже почти не происходило. В марте 1912 г. царь принял К.Н.Пасхалова, но как частное лицо, затем, в феврале 1913 г. принял депутацию, которая была на монархическом съезде, посвященном 300-летию царствования дома Романовых. Но других приемов не было даже тогда, когда просили делегации правых в период Первой мировой войны. Так существенно изменилась ситуация. В этой связи показательны и следующие факты. В Петербурге на центральной площади в особняке жил староста Исаакиевского собора генерал Е.В.Богданович. В его доме было нечто вроде политического салона. Жена Богдановича к тому же вела дневник. И вот за конец 1907 г. она сделала следующую запись: «Приходил Пуришкевич, он организует новый Союз, этот Союз, будет называться затем “Русским народным Союзом имени Михаила Архангела” и официально будет утвержден в марте 1908 г. Он сказал, что получит на это 10 000 рублей». Откуда будут получены деньги, не говорилось, но очевидно, что это делалось по правительственным каналам. Сам Пуришкевич рабо-

тал в Управлении печати Министерства внутренних дел. Есть целый ряд писем и партийных документов Дубровинского съезда 1911 г., где прямо говорится, что организация Пуришкевича была создана для раскола, ослабления, развала прежнего «Союза русского народа». Буквально через год Дубровина вытеснили из руководства Союза. Во время его отъезда на юг на лечение товарищем председателя был избран граф Эммануил Иванович Коновницын, с которым у Дубровина были натянутые отношения. Дубровин вышел из руководства и только спустя несколько лет смог с помощью своих сподвижников провести еще один съезд и создать «Всероссийский Дубровинский Союз русского народа». С этого времени в России действовали два «Союза русского народа». Для того, чтобы усилить разрушающие факторы, Столыпин в 1906 г. издал указ, запрещающий чиновникам, служащим и военным действительной службы вступать в какие-либо партии, в том числе и в правые. После образования «Союза Михаила архангела» Пуришкевича, в том же году был создан еще один Союз, более левого направления. Он стал называться «Всероссийским Национальным союзом». Это была правительственная партия, и она, естественно, тоже оттянула определенное число людей в свои ряды. Такова была формальная картина.

Рассмотрим программные установки, которые выдвигали эти правые партии, или, как теперь принято говорить, их модели государственного, социального, экономического и иного устройства и развития общества.

Что касается государственного устройства, то их позиция кратко уже была охарактеризована. Каковы же были их взгляды на экономику, экономическое развитие страны? Правые исходили, как и в первом случае, из того, что Россия развивалась и развивается своеобразным, самостоятельным путем, и она не должна копировать западные страны ни в политическом, ни в экономическом плане. Это, может быть, было признанием и

своеобразным оправданием того, что Россия отставала от Запада. Правые считали, что Россия была сугубо аграрной страной. Правда, на съездах кануна Первой мировой войны прозвучала уже другая формулировка: Россия — страна сельскохозяйственная, а также фабрично-заводская и торгово-промышленная. Они признали значительное развитие промышленного производства, но в промышленности видели, прежде всего, развитие среднего, мелкого и кустарного производства. Они выступали за государственное покровительство и сельскому хозяйству, и промышленному производству, отстаивали интересы отечественного производителя. Вместе с тем они выступали за то, чтобы промышленное производство поднималось, поскольку это нужно было для обороны и для того, чтобы вести более успешно сельскохозяйственное производство. Они выступали за то, чтобы ввести пошлины на вывоз сырых материалов, в частности кож (это и не было сделано, оставаясь актуальным и в позднейшее время).

Отношение к Столыпинской аграрной реформе у так называемых обновленцев (Марков, Пуришкевич и другие) было более чем восторженное. Они надеялись, что благодаря разрушению общины и выходу крестьян на отруба и хутора появится новый класс мелких, маленьких помещиков. Дубровинцы, другое крыло этих же крайне правых партий, будучи законопослушными верноподданными, не являлись противниками реформы, выступая за ее проведение, в частности, за успех переселенческой политики в Сибирь. Но они все время подчеркивали те негативные, отрицательные явления, которые могли последовать за разрушением общины. Если крестьянин, вышедший из общины, оказывался в тяжелом положении в результате неурожая или других подобных обстоятельств, то помочь ему, по мнению дубровинцев, уже никто не мог. Он превращался в пролетария, против чего очень резко выступали правые. Дубровинцы видели в общине гаранта того, может быть, не очень устойчивого

благополучия, которое имел крестьянин, не выходя из общины.

Если иметь в виду период Первой мировой войны и даже предвоенные годы, то никаких вопросов относительно передела земельной собственности, частной собственности никто никогда не ставил, в том числе и правые крестьяне. Но, тем не менее, вопрос о возможной покупке земель — с полного согласия помещиков — Государственным банком и дальнейшей продаже этих земель на льготных условиях крестьянам — ставился. Причем, комиссия Съезда правомонархических партий в 1913 г. эту позицию зафиксировала и доброжелательно к ней отнеслась, не говоря уже о мнениях местных отделов, которые выражали надежду на то, что в связи с юбилеем Дома Романовых последует царская милость и крестьянам чуть ли не бесплатно будет передана какая-то часть казенных земель. Что же касается периода войны, то ставка была сделана на немецкое землевладение. 2 февраля 1915 г. последовал царский указ о его ликвидации. Предполагалось, что из числа этих земель крестьяне, прежде всего участники войны, инвалиды, кавалеры Георгиевских орденов, будут наделены землей. Расчет был также на то, что будет выплачена контрибуция побежденной стороной (под которой подразумевалась Германия) и эта контрибуция тоже пойдет на удовлетворение нужд крестьян.

При решении рабочего вопроса правые выступали все время (и это подчеркивалось либералами, радикалами) как приверженцы «малых дел». Они говорили о необходимости улучшить положение рабочих за счет создания потребительских обществ, кооперативов, а также артелей, которые мыслились как своеобразные посредники по приисканию работы и вместе с тем как гаранты выполнения самой работы, если дело касалось портов, а также военных заказов на казенных предприятиях.

Теперь относительно культурно-просветительной и патриотической деятельности. Все правые были патриотами, государственниками, и в этом смысле они проводили и с нашей сегодняшней точки зрения, большую, полезную работу. В 1909 г. 200-летие Полтавской битвы широко отмечалось широко в правой печати, а также лекционной пропагандой. В 1912 г. — 100-летие Отечественной войны. То же самое — специальные лекции, брошюры о Кутузове и о самой войне. Было немало работ, посвященных Смуте начала XVII в., подвигам К.Минина и Д.М.Пожарского. Если иметь в виду отношение к выходившей литературе и кинематографу, то в этом отношении преуспел, прежде всего, «Союз Михаила архангела». Очень высоко оценивались русская литература, русские писатели, которых Пуришкевич относил к «блестящей плеяде». Правые собирали деньги на памятники А.П.Чехову и И.А.Гончарову. Исключение составляли Л.Н.Толстой, Т.Г.Шевченко, но не как писатели, а как вероотступники.

Правые пытались расширить церковно-приходское школьное образование (то есть, самые низшие его ступени). В этом отношении они достигли определенных положительных результатов. Но деятельность этих партий в отношении среднего или высшего образования характеризовалась своеобразным изоляционизмом. Они всячески пытались отмежеваться от западных влияний, что на практике, когда свободно издавалась литература, выходили газеты, сделать было практически невозможно. Так что тут было очевидное противоречие с жизнью.

Следует отдать должное, правые уже накануне Первой мировой войны, четко улавливали угрозу, откуда может грянуть гром. В.М.Пуришкевич организовал в 1913 г. группу своих сотрудников, чтобы прорецензировать учебники и выявить, насколько они отвечают требованиям правых, их триаде. Оказалось, что эти учебники выходили за рамки религиозного воспитания, «отклонялись» от второго принципа (самодержавия) и т.п. Тогда же бы-

ла издана книга с критическими замечаниями на вышедшую детскую и школьную литературу под названием «Школьная подготовка второй русской революции». В предисловии Пуришкевич писал: «Если так дело пойдет и дальше, то через десять лет русская армия будет не верноподданной Его Императорского Величества, а будет верноподданной той самой оппозиции либералов, которые сейчас пишут учебники для школьников». Он ошибся только в сроках: все свершилось гораздо раньше. Правые четко улавливали, откуда идет угроза, но предотвратить ее не имели возможности.

Весьма обостренным было их отношение к войне и миру. Правые очень тяжело переживали поражение в Русско-японской войне 1904-1905 гг. После этого важно было найти правильное отношение ко всем возможным и возникающим внешнеполитическим осложнениям. Надо сказать, что эти вопросы беспокоили правых. Ими занимался и руководитель правой фракции III Государственной Думы А.С.Визигин (профессор, историк). На основании тех документов, которые проходили через него, он очень скептически оценивал возможности русской армии накануне первой мировой войны. Такой настрой был у многих правых. Когда возникли осложнения на Балканах в 1912-1913 гг., а затем осложнения улеглись, правые восприняли это известие с облегчением. В феврале 1914 г. председатель правой группы Государственного Совета, известный деятель, бывший министр Петр Николаевич Дурново подал на имя царя «Записку», в которой писал о том, что Россия ни в коем случае не должна ввязываться в войну, тем более в войну с Германией, где такая же форма государственного правления, как в России (в отличие от Франции, где была республика, Англии). Дурново обосновывал свою позицию тем, что в стране, которая потерпит поражение (имелось в виду, что ею будет Германия), произойдет революция, которая, однако, через какое-то время перекинется в страну-побе-

дательницу. По этой причине ввязываться в войну было нельзя. Но когда 19 июля 1914 г. война началась, то естественно позиция правых должна была измениться.

Однако, и в это время некоторые правые скрытно склонялись к заключению сепаратного мира на том основании, что выступления народных масс, якобы, позволяли России заключить мир, и таким образом выйти из войны. Дело дошло до того, что газету А.И.Дубровина «Русское знамя» официально в печати стали называть «Прусским знаменем». Правая печать, Н.А.Маклаков, один из видных деятелей Государственного Совета оправдывались, заявляя, что нельзя обвинять правых в германофильстве. Твердую англофильскую позицию занимал лишь Пуришкевич, и с ней все более стала расходиться позиция Дубровина и Маркова.

Рассмотрим еще несколько вопросов.

Отношение к сильной власти. Правые стали действовать тогда, когда появился такой сильный человек (кроме царя, конечно), каким был Столыпин. Правомонархисты не были принципиальными противниками «сильной власти», но отношение к Столыпину у них по многим причинам было негативным. Однако в годы Первой мировой войны вопрос о сильной власти встал с особой остротой в связи с тем, что наступила разруха, нужно было налаживать снабжение продовольствием и предметами первой необходимости, налаживать работу транспорта, хозяйственную жизнь страны. Кроме того, уже в конце 1916 г. начались крупные массовые выступления, которые продолжались и в начале 1917 г. Если взять заседания Государственной Думы, которые происходили в феврале 1917 г., но еще до известных событий, то председатель правой фракции Сергей Васильевич Левашов, выступая на заседании Думы, заявил о том, что наступило время введения диктатуры и необходимо решить вопрос о назначении диктатора, который действовал бы от имени царя. При этом он подчеркивал, что это не его личное мнение, а мнение фракции правых. В каком-то смысле

царь прислушался к этому мнению: может быть, отблеском этого явилось назначение, хотя и неудачное, Хабалова, человека, который должен был усмирить положение, по крайней мере, в столице. Но было уже поздно. Во всяком случае, позиция правых сводилась к установлению сильной власти. Расшатывание самодержавной власти монарха либералами, прогрессивным блоком правые всячески осуждали. Они направляли различного рода челобитные царю, премьеру, министрам относительно того, что Земский союз и Городской союз принимали политические решения, хотя это выходило за пределы их обычных функций. Правые требовали запретить эти Союзы, а если не будут послушными, — разогнать. Но сделать они ничего не могли в силу изначальной установки — легитимности.

В чем причины кризиса и краха этих партий?

В начале марта 1917 г. последовало распоряжение правительства о запрещении правых партий, и не произошло ни одного массового выступления не только в Петербурге, но и в стране. Затем появились дополнительные распоряжения о закрытии правых газет. И вновь полное послушание.

Относительно причин кризиса и краха в литературе высказывалось достаточно много различных мнений, суждений. Сразу же можно заметить, что речь должна идти, конечно, о совокупности причин.

Прежде всего, как сами они утверждали, исчез объект для борьбы, т.е. революционное движение, которое было в 1905-1907 гг.

Отношение правительства, П.А.Столыпина определялось нежеланием иметь рядом «второе правительство», которое мешало им действовать. И, вместе с тем, Столыпин, как и царь, должны были считаться с общественным мнением. Радикальное и либеральное общественное мнение, естественно, давало своим политическим противникам резко негативные оценки.

Есть целый ряд высказываний относительно того, что многие правые, начиная с «низов» и кончая губернаторами (например, губернатором Тульской губернии Тройницким), считали, что царь не вознаградил верноподданных монархистов за услуги и старания в 1905-1907 гг. Это тоже надо принять во внимание.

Война вовлекла в армию очень большое число крестьян, часть рабочих. Это активное население уже не могло играть позитивную роль в правом движении в тылу.

Условия войны оказались неблагоприятными. Были запрещены всякие конференции, совещания, съезды. Два совещания, в ноябре 1915 г. были проведены с согласия правительства для того, чтобы противопоставить мнение правых, народа мнению Прогрессивного блока. Но в других случаях на подобного рода запросы правых следовали отказы правительства, властей.

Нужно учитывать и раскол, который был в самой среде правых. Несмотря на то, что на конференциях правых осени 1915 г. удалось помирить Н.Е.Маркова и А.И.Дубровина, раскол продолжался. Возникшая новая партия «Отечественный патриотический союз» с целью вовлечения новых сил в партию ввела в устав необычное для правых партий положение, позволявшее принимать в «Отечественный патриотический союз» инородцев и иноверцев. Это «новшество» все остальные партии восприняли как допущение в состав этой организации и евреев. Против новой партии последовали резкие выступления. И когда встал вопрос о проведении очередного Съезда в начале 1917 г., его статус был определен, таким образом, что «Отечественный патриотический союз» оказался лишённым права участия, так как не имел необходимого для этого двухлетнего стажа. К этому следует добавить, что Пуришкевич практически отошел от правого дела. Он сразу же заявил, что ни в каких съездах и совещаниях в период войны участвовать не будет. По его мнению, основная задача заключалась в это время в помощи фронту, что он и делал. К этому следует добавить, что

основная часть правых, включая и Дубровина, и Маркова, были если не явными, то скрытыми германофилами, а Пуришкевич — откровенным англофилом.

Теперь об агитации правых. В тяжелое военное время она имела мало привлекательности среди «низов» общества, для которых более естественной была любая оппозиция и критика правительства, и каких-то других структур. Необходимо иметь в виду и то, что произошло определенное расхождение позиции «низов» и позиции руководства правых партий по отношению к стачкам. Руководство запрещало членам партии участвовать в массовых выступлениях даже в годы войны, когда рабочие вынуждены были активно отстаивать свои экономические интересы. Рабочий — член правой партии не мог участвовать в забастовке. Это отстраняло рабочих от правых партий и союзов.

Организовывать, как раньше, газеты, было уже невозможно. Не хватало ни денег, ни интеллектуальных сил, чтобы хорошо вести дело. Показательно, что сами правые критиковали и «Русское знамя», и «Колокол», и «Волгу», которая издавалась в Саратове, как никчемные газеты. Говорили, что это рептилии, не заслуживающие внимания.

Наконец, необходимо отметить определенную роль в дезорганизации правых и ослаблении их первичных организаций самого факта отречения Николая II. То ли для самооправдания, но возможно и действительно по убеждению, многие правые, по крайней мере, высокопоставленные, говорили: «Раз Николай II отрекся от престола, то моя присяга не имеет силы». Таким было, например, заявление видного правого деятеля графа А.И.Коновницына, поданное в Чрезвычайную следственную комиссию. К этому можно добавить, что ореол самого царя поублек в связи с создавшейся обстановкой, с коррупцией, о которой писали газеты, а также в связи с деятельностью темных сил, Распутина прежде всего. Монархические

убеждения в «низах» дали трещину, хотя, конечно, нельзя считать, что они исчезли совсем.

Наконец, кратко о вопросах, по поводу которых в литературе велись и ведутся споры. Прошлая литература называла правых погромщиками. Но можно утверждать, что с 1907 по 1917 г. никаких погромов или каких-то массовых действий, в том числе и направленных против еврейского населения, не было. Между тем были два острых повода, которые давали основания для такого рода выступлений. В сентябре 1911 г. произошло покушение на Столыпина в городе Киеве, расположенном в черте еврейской оседлости, которое совершил, видимо, сотрудник Департамента полиции еврейской национальности М.Богров. И второе — это так называемое дело М.Т.Бейлиса. И даже не столько дело Бейлиса, сколько дело об убийстве, якобы, в ритуальных целях мальчика Андриюши Ющинского на окраине Киева в имении, управляющим которого был некто Бейлис. Бейлиса, имевшего шестерых детей, обвиняли лишь в том, что он, будучи управляющим, не сообщил об убийстве мальчика. Специальная комиссия подтвердила, что убийство было совершено в ритуальных целях. Бейлису грозило даже если бы он был осужден, минимальное наказание, поскольку его обвиняли не в убийстве. Это был второй повод, когда можно было организовать в Киеве, со значительной долей еврейского населения, такого рода выступления. Но их не было. Период 1905-1907 гг. требует дополнительного изучения, но во всяком случае некоторые авторы утверждают, что те массовые выступления, которые были связаны со столкновением (вероятно, и с несчастными случаями), произошли до образования основных правых партий, т.е. до середины ноября 1905 г. Это были спонтанные, стихийные выступления. Такова была психология части населения, имевшей определенный уровень политической культуры и шедшей на такие акции, исходя из желания сохранить старую государственную и политическую власть.

Второй вопрос, который обсуждался в нашей литературе и обсуждается сейчас в западной литературе (тем же самым Уолтером Лакером), сводится к следующему: можно ли считать правые партии предшественниками, зародышами фашизма. В 1925 г. появилась книжка С.Д.Любоша «Русский фашист Владимир Пуришкевич». У.Лакер, издавший книжку относительно недавно, тоже склоняется к тому, что истоки фашизма можно усмотреть в правых организациях 1905-1907 гг. Петербургский исследователь Д.И.Раскин, который написал соответствующую главу в книжке «Национальная правая прежде и теперь», (Ч. I. СПб., 1992) тоже склоняется к тому, что правые в России были зародышем фашистской организации. По этому поводу высказывалось в литературе и другое мнение. При этом приводились следующие доводы. Правые отстаивали уже существовавшие государственные устои и институты. Фашизм же ниспровергал старые устои и насаждал новые порядки. Раскин указывал также на зарождение идеи вождизма уже в 1905-1907 гг. Но документов, в которых Пуришкевича, Маркова и других называли бы вождями, не существует. Что же касается Дубровина, — это имело место. Но понимание вождизма Дубровина было совсем иным, чем то, с которым мы встречаемся при описании немецкого фашизма. Достаточно сказать, что правые, называя Дубровина вождем, осмеливались не выполнять его указания.

Что можно вынести из опыта деятельности правых партий? Кто-то может оспаривать девиз «Единая и неделимая?», сепаратисты, естественно, отвергают это положение. Но многими это положение воспринималось и одобрялось.

Идея сильной власти тоже имела и имеет до сих пор хождение.

У В.И.Ленина (как известно, крайне отрицательно относившемуся к правым партиям) есть высказывание, согласно которому в заслугу правомонархистам ставится то, что они всколыхнули крестьянскую массу, неграмот-

ную, не вовлеченную в политическую жизнь. А дальше — часть крестьян приняла участие в борьбе против помещиков (см.: Исторический архив. 1992. 1. С. 18).

Что касается патриотической, а также культурно-просветительной работы на низовом уровне, — она была сильной стороной их деятельности.

Покровительственная политика в отношении экономики. Эта черта, зафиксированная тогда продолжалась и позже.

У них было довольно много рациональных оценок ситуации и происходивших явлений и очень правильные подсказки, как выйти из них. Но, будучи связаны легитимностью, верноподданническим послушанием и положением людей партийных, выйти за эти рамки они не могли.

Вместе с тем правые демонстрировали негибкость, неповоротливость своей тактики, что особенно было заметно в годы Первой мировой войны, когда они действовали по старинке, не выходя за узкие рамки. В этом отношении они явно проигрывали не только социал-демократам, но и либералам, что констатировал ряд исследователей.

Несколько слов о судьбе основных деятелей правого толка, которая сложилась по-разному. Точка зрения литературы о том, что некоторые правые перешли и стали большевиками в советское время, отвергается или считается недоказанной (см. статью С.В.Леонова: Вопросы истории. 1999. 11-12). Относительно руководителей нет таких данных. Тот же самый Пуришкевич уехал на юг и пытался там создать (единственный случай!) партию на территории армии Деникина, которую иронически называли партией курортников. Сам Пуришкевич умер от сыпного тифа, Замысловский тоже скончался от тифа на юге. Орлов, руководитель «Отечественного патриотического союза», железнодорожный служащий, был расстрелян в Пятигорске вместе со своим министром С.В.Рухловым. О некоторых видных деятелях сведений нет. Что

касается Н.Е.Маркова, то он вместе со своей компанией (В.П.Соколовым и др.), видимо, эмигрировал (через Эстонию) и в 1921 г. в Рейхенгалле в Германии создал Высший монархический Совет, который пытался объединить более широкий круг деятелей, чем члены бывших правомонархических партий (включая членов Русского собрания). Но непосредственно влияния на деятельность в России они уже не оказывали.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.Я.Гросул:

Что можно сказать о международных связях правых, их контактах с зарубежными монархистами? В эмиграции они очень тесно сотрудничали с монархистами Германии, в частности, с фашистами, уже в 1920-1921 гг.

Второй вопрос. Были ли в России реакционные партии и организации или их вообще не существовало?

Третий вопрос. Правые и церковь. Вы считаете, что в организациях «Союза русского народа» были только представители низших слоев? Я обнаружил неопубликованное письмо Алексея I, довольно уважаемого в советское время патриарха, который оправдывался, что его в 1909 г. заставили возглавить тульское отделение «Союза русского народа». Значит, были какие-то директивы по линии церкви. Известно ли вам об этом?

Н.В.Синицына:

Вы сказали, что в уставе «Союза русского народа» был пункт о недопущении лиц еврейской национальности. Идет ли речь о еврейской национальности или о вероисповедании, об иудаизме?

Ю.А.Тихонов:

Были ли вообще в России партии, которые можно сейчас называть реакционными?

Ю.И.Кириянов:

О международных связях правых. Что касается досоветского периода, то документов, характеризующих международные связи крайне правых партий России, я не встречал. Сотрудница Института всеобщей истории Е.М.Макаренкова нашла в Парижском архиве документ, относящийся к 1902 и 1903 гг., в котором представители организации, возникшей в Харькове в это время, призывали французскую общественность оказать содействие консерваторам в России.

Тогда крайне правых партий еще не было, единственной организацией было Русское собрание примерно такого же плана в области идеологии. Но это была особая организация. Вступительный взнос — 10 руб., в то время, как в партии — 50 коп.

После 1917 г. многие правые эмигрировали. Эмигрировал, в частности, Н.Е.Марков, один из руководителей, его заместитель и товарищ В.П.Соколов. В 1921 г. в Рейхенгале, в Германии, был проведен Всероссийский съезд монархистов бывшей Российской империи, где был создан Высший монархический совет, председателем которого был избран Марков. Он пробыл на этом посту до 1927 г. Известно, что после этого он переехал в Германию и сотрудничал с нацистами (скончавшись в 1945 г.). Другие документы подобного рода о российских эмигрантах правого толка мне не встречались.

Для того, чтобы ответить на вопрос, были ли правые партии в России реакционными партиями или нет, надо договориться какой смысл мы вкладываем в это понятие «реакционные партии», потому что у нас — одно представление, а у тех, кто писал об этом и называл их реакционными партиями представление было, видимо, несколько иным. Полагаю, что называть правые партии на-

чала века реакционными едва ли корректно, также как неправомерно, с моей точки зрения, называть правые партии «черносотенцами», имея ввиду погромщиков. Они не отказывались от этого термина, но вкладывали в него совсем другое содержание нежели их политические противники. Они понимали под черносотенцами верноподанных царя – людей, которые ему служат, «черносошных людей» и т.д. А в публицистике в этот термин вкладывали совсем другой смысл – «погромщики», «убийцы». В оговоренный мной период 1907-1917 гг. свидетельствую (в связи с публикацией документов): ни одного погрома не было, представители правых партий не участвовали в погромах.

Что касается высшего духовенства, то в его среде были лица, которые поддерживали контакты с правыми партиями, хотя функционерами они в силу своего положения быть не могли. Достаточно назвать Храповицкого, который после 1917 г., после всяких злоключений (он даже был арестован) выехал и стал главой Зарубежной православной церкви. Некоторые высокопоставленные священнослужители, вероятно, получали какие-то подсказки о том, чтобы возглавить организации, но я, просмотрев довольно много документов, такого рода указаний не встречал. Съезды правых партий не раз обращались к Синоду с просьбой рекомендовать местным священнослужителям активно включаться в деятельность правых организаций. Известно, что некоторые организации возглавлялись священнослужителями.

Полагаю, что уставные ограничения, касавшиеся членства в правых организациях, относились к представителям еврейской национальности и естественно иной религии, хотя, как уже отмечалось, среди видных правых деятелей были крещеные евреи (В.А.Грингмут, Г.В.Бутми, Б.А.Пелипан и др.)

А.П.Корелин:

Правые партии России, особенно «Союз русского народа», – достаточно сложное явление. Докладчик поста-

рался показать насколько это сложное и до конца еще не изученное явление в плане состава программы, тактики.

Но у нас утвердилось впечатление, что это промонархическая организация, которая своей главной целью ставила восстановление неограниченного самодержавия в России. И есть какая-то тенденция обелить эту организацию. Доказывается, что она не причастна к погромному движению, к очень многим убийствам. Я думаю, что такое шарахание из стороны в сторону, из крайности в крайность не очень-то украшает исследователей. В данном случае сложившееся впечатление о черносотенных организациях — это не только впечатление советской историографии. Оно складывалось еще у современников. Скажем, Совет объединенного дворянства, съезд уполномоченных дворянских обществ с очень большим подозрением и более того — с презрением относились к этой организации. Они даже не хотели иметь с ними никаких отношений, несмотря на то, что некоторые деятели из объединенного дворянства — Пуришкевич, Марков — участвовали в «Союзе русского народа». В восприятии современников осталось мнение, что это, может быть, не жульническая и не люмпенская организация, но организация, которая нечиста на руку — по крайней мере, ее руководство. Понимание этого очень важно. Есть признания чиновников высокого ранга Департамента полиции МВД о том, что эта организация финансировалась, что между лидерами движения шла большая драчка за распределение средств, что было одним из поводов для того, чтобы расколоть движение, которое в результате и удалось расколоть.

Я думаю, что «Союз русского народа» не сыграл той роли, которая ему отводилась. Более того, «Союз русского народа» приложил руку к тому, что государственная «лодка» раскачивалась и слева, и справа, и еще неизвестно, кто оказал большее влияние на расшатывание

самодержавного режима. С одной стороны, правые всячески подталкивали царя к заявлениям о том, что все будет по-старому, и царь давал такие обещания, что он будет править по-старому, и таким образом они все время сбивали его с определенного курса; с другой стороны, когда оказалось, что царь все-таки придерживается взятого курса, обещанного Манифестом 17 октября 1905 г., изменилось отношение к династии в целом. Не было принято, чтобы царя критиковали (этим всегда занимались лишь левые). Но когда в правом лагере стали критиковать царя, когда пошла личностная критика, это был уже такой перебор, что нельзя было говорить какой-то промонархической организации. Это с одной стороны. С другой стороны, там существовали разные течения. Были люди, стоявшие за реставрацию самодержавия в чистом виде, за разгон Думы, но были люди, считавшие, что думская организация им на пользу, она дает им представительство, дает возможность выражать свои взгляды и проводить свою политику, и не только в Думе, но и в Государственном Совете. Это тоже было одним из мотивов, который содействовал дестабилизации и монархического лагеря, и самого Союза.

Если говорить об отношении к Столыпинской реформе, то следует сказать, что правые поддерживали реформу примерно до 1908-1909 гг., когда явственно обнаружился крен в деятельности Крестьянского банка по скупке помещичьих имений. Тут они начали бить во все колокола и говорить о том, что реформа идет не так, не в ту сторону. И второе (это, правда, уже больше на материалах Объединенного дворянства, но это высказывали и Пуришкевич, и Марков): они от первоначальной ориентации на крестьянство как свою массовую опору, как на возможных союзников отсюда попытки образования Крестьянского союза. Союза землевладельцев) перешли к такой критике крестьянского движения и их требований, что крестьянство у них превратилось в самого непосред-

ственного противника. Так что говорить о какой-то крестьянской подоплеке в «Союзе русского народа» все-таки сомнительно. Политика изменилась. Изменились взгляды, изменилось отношение. Это сказалось на отношении к крестьянству, как к союзнику. Этот момент, по-моему, ни в одном исследовании не прослеживается. Надо признать, что «Союз русского народа» терял опору в среде крестьянства. Почему это произошло? Вы говорите о «Всероссийском национальном союзе», но он базировался на юго-западных губерниях. И здесь, пожалуй, другая организация, другое направление, другая программа.

Вы привели много интересных фактов об этом движении, но думаю, что остается не меньше «белых пятен», которые нам надо ликвидировать, чтобы составить представление о правом лагере, о том, почему династия потеряла опору в России. Ведь никто на ее защиту в 1917 г. практически не выступил.

А.Л.Хорошкевич:

Современники считали для себя недостойным даже общение с представителями этой партии. Какие современники? Те, кто назывался интеллигенцией того времени, считали недостойным даже упоминание организации под названием «Союз русского народа». И нельзя становиться на позицию некоей реабилитации правых сил.

Ю.А.Тихонов:

В докладе я увидел попытку объективно разобраться в правых партиях. Да, современники отнеслись к ним с презрением и негодованием, но если вспомнить, что численность всех правых организаций около 400 тыс., и часть депутатов Государственной думы проходила от этих организаций, значит какие-то слои их поддерживали. В докладе стоило бы сказать и о территориальном срезе: какие губернии давали большую численность правых партий, какие регионы (юго-западные регионы — это особая статья). Тогда у нас было бы более конкретное

представление, где они успевали что-то сделать, а где встречали полное равнодушие.

Ю.И. Кирьянов:

В настоящее время нет ни у кого каких-либо оснований обелять крайне правые партии в России начала XX в.: они сами многократно признавали кризис своих партий и в конечном счете свой крах в связи с февральско-мартовскими событиями 1917 г. Но когда изучается история этих партий, то вполне правомерно отбросить все наносное, привнесенное в их характеристику политическими противниками, а в известной мере и представителями правительственных учреждений.

Абсолютно правильно, что дворяне-землевладельцы очень часто относились к правым без почтения. Дворяне-землевладельцы выступали против создания сельских организаций поблизости от имений, видя в них реально существующие организации, которые могут поддержать какие-то претензии крестьян. Но известно, что немало дворян состояло в правых организациях.

Деньги от правительства правые получали и не стыдились об этом говорить и в Чрезвычайной следственной комиссии, а позднее писать об этом в своих мемуарах, отмечая, что это не обуславливалось какими-либо требованиями. Вместе с тем они напоминали, что кадеты получали иностранные деньги для свержения существовавшего тогда в стране строя. Не афишировали же правые получение денег, потому, что не хотели, чтобы при этом упоминался царь, который к этому был как-то причастен.

Определенная драка была между ними. Известное расхождение, которое произошло между Дубровиным, Пуришкевичем и Марковым, было на почве неполучения денег, на почве невыделения денег дубровинцам, что делалось по рекомендации Крыжановского. Крыжановский на этот счет представил соответствующие бумаги относительно невыделения денег правомонархической ярославской газете и самому Дубровину. Был и известный слу-

чай столкновения Н.Е.Маркова-II и Б.В.Никольского на заседании Русского собрания, когда Никольский произнес слова о «темных» деньгах, а Марков пошел на него чуть ли не врукопашную... И после этого получали деньги не только так называемые «обновленцы», то есть Пуришкевич, Марков и другие, но и Дубровин. Более того, Дубровин просил деньги на «Русское знамя», потому что в 1916 г. положение газеты, как он отмечал, было критическое. Однако смысл упрека в получении «темных» денег сводился к тому, что эти деньги использовались правыми-обновленцами на развал, раскол существовавшего «Союза русского народа».

Что касается Столыпинской реформы, я думаю, тут расхождений нет, воспринимали они ее положительно. Большинство правых и к Думе в конечном счете отнеслось с известным пониманием и пыталось ее использовать в своих целях.

О территориальном размежевании. В нашей литературе все сводилось к тому, что в ряде юго-западных губерний сложилась необычная ситуация, когда крестьяне (если не русские, то украинцы) были православными, помещики были поляками, а посредники-торговцы — представителями еврейской национальности. Но когда я столкнулся с этими материалами о влиянии тех или иных групп правых, то для меня стало очевидным, что влияние правых не в меньшей, а может быть, в большей степени, чем на Юго-Западе, было в центральных губерниях России, откуда происходили Н.Е.Марков, Г.А.Шечков (крупный землевладелец), В.Ф.Доррер (граф и председатель правой фракции III Государственной Думы на каком-то этапе) и некоторые другие деятели. Все дело в том, что автор монографии о правых С.А.Степанов руководствовался при определении численного расклада правых сил по стране официальными полицейскими данными, согласно которым на Волынскую губернию приходилось 105 тыс., чего на самом деле не было. Были учтены

не правые организации, а религиозные братства. Но если считать как С.А.Степанов, то тогда Юго-Запад перетянет. Там был определенный очаг — в этом нет никаких сомнений, но не в меньшей степени таким же очагом являлся и центр страны.

Ю.А.Тихонов:

Докладчик остановился на тех вопросах, которые ему казалось нужным подчеркнуть сейчас и с точки зрения анализа предшествующей историографии, и с точки зрения понимания коренных проблем истории правых партий.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА*

В XX в. Россия вступала, имея самую мощную в мире нефтяную промышленность: в 1901 г. 53% мировой добычи нефти дали нефтепромыслы Российской империи¹, причем эксплуатировалась лишь весьма незначительная часть заведомо нефтеносных земель, находившихся почти целиком в руках у государства. Сырая нефть из страны не вывозилась, основными продуктами переработки являлись керосин, мазут, и смазочные масла. Главным экспортным товаром был керосин, большая часть его производства продавалась на зарубежных рынках. Что же касается мазута, то он потреблялся преимущественно внутри страны, и общественность, и предприниматели выступали против его экспорта, в результате в России сложился самый передовой по тем временам топливно-энергетический баланс: доля наиболее прогрессивного (и экономичного) топлива — мазута (иногда его по-прежнему называли «нефтяными остатками») — была в начале века такой же, какой она станет в США и Западной Европе лишь через несколько десятилетий. Нефтетопливо было главным видом топлива для промышленности Центра и Поволжья, Каспийского и Волжского флота, даже железных дорог. В 1900 г. структура потребления топлива железными дорогами страны была такой: 40,5% — нефтетопливо, 35,2% — уголь, 24,2% — дрова².

Колоссальные запасы нефти, достаточно развитая нефтепереработка давали стране большие конкурентные преимущества, открывали прекрасные перспективы. Западноевропейские страны в то время не могли выбирать

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 18 мая 2000 г.

добыче какого вида топлива отдать предпочтение: нефти или углю (месторождения Северного моря, будут открыты через 70 лет), они были вынуждены добывать уголь, экономичность которого в несколько раз ниже, чем нефти. Нефть этим странам приходилось импортировать. У России же был выбор, можно было определять пропорции добычи нефти и угля.

И вот на протяжении первой трети XX в. (да и позже) мы видим парадоксальную ситуацию: в России доля нефти в топливно-энергетическом балансе (и по добыче, и по потреблению) уменьшалась, а во всем остальном мире, наоборот, увеличивалась. То есть в России почему-то не воспользовались преимуществами, данными самой природой, не реализовали свой, оригинальный, неугольный вариант индустриализации, обеспечивавший опережающее, а не догоняющее развитие. Более того, была нарушена естественно-историческая закономерность, какой является переход к новым доминирующим источникам энергии (в первой трети XX в. таким источником становилась нефть).

В отличие от всего мира, в нашей стране несколько десятилетий в XX в. быстрее росла добыча угля, а не нефти. С 1900 по 1937 г. добыча нефти в мире (без России-СССР) возросла в 37 раз, а в России-СССР всего лишь в 2,74 раза. За эти же годы добыча угля в мире возросла в 1,58 раза, а в России-СССР – в 10,67 раз³. Ничего похожего не знала ни одна другая страна мира, располагавшая значительными открытыми запасами нефти.

Почему историческая последовательность смены ведущих видов топлива дала сбой? Ведь этот процесс не мог быть «естественно-экономическим». Если принимать во внимание только экономическую рациональность, то в России должен был сохраниться и усилиться нефтяной профиль топливно-энергетического баланса. Можно предположить, что решающими оказались иные факторы, не связанные с экономической рациональностью.

Одним из этих факторов были установки на догоняющее развитие, во многом определявшие экономическую политику и России, и СССР в 1920-1930-е гг. Постоянно стоявший перед глазами пример западной «угольной экономики» оказывал сильнейшее воздействие на сознание правящих кругов России. Правительство могло выбирать между поддержкой угольной или нефтяной отрасли, неизменно отдавая предпочтение первой. Видели только недопустимое отставание от ведущих стран мира по добыче угля, хотя преимущества нефтетоплива были, казалось бы, очевидны. Но — раз на Западе нефтью не топили, то и в России надо переходить на уголь, — такой была логика правительства. Министр финансов С.Ю.Витте докладывал Николаю II в феврале 1900 г.: «Потребление каменного угля в России на 1-го жителя в 7 раз меньше, чем во Франции, в 20-22 раза ниже Германии, в 26 раз ниже Бельгии и в 34 раза ниже Великобритании»⁴. Витте не упоминал, что ни одна из этих стран, в отличие от России, не могла выбирать между углем и нефтью. Из рассуждений министра, будто бы, вытекало, что именно угольная промышленность нуждалась в поддержке, для чего у правительства имелись значительные возможности. Дело не только в том, что казна была крупнейшим покупателем угля и нефтетоплива. Угольная промышленность защищалась таможенными барьерами, особенно высокими в южных портах. Особую роль играла величина тарифов на железнодорожную перевозку угля. Уже тарифы 1895 г. были убыточны для государства, в дальнейшем они еще больше снижались. После введения правительством в 1909 г. новых, чрезвычайно низких тарифов на перевозку угольных грузов железными дорогами, нефтетопливо стало быстро заменяться донецким углем не только в Центрально-Промышленном районе, но даже в Поволжье.

Убыточные для казны тарифы вводились под сильнейшим давлением донецких углепромышленников.

Большая часть добычи угля в Донбассе контролировалась франко-бельгийским капиталом, с 1906 г. его интересы представлял синдикат «Продуголь», за которым стояли крупнейшие французские банки. Именно эти банки размещали большую часть зарубежных займов царского правительства. Дополнительным фактором поддержки французского капитала был политический союз России с Францией. А за нефтяной промышленностью стоял, в первую очередь, английский капитал. В отрасли было три монополистических объединения, но возможностей лоббировать свои интересы в правительстве было гораздо меньше, чем у «Продугля». В отличие от французских углепромышленников, бакинские предприниматели часто не могли добиться от правительства удовлетворения самых неотложных нужд.

На состояние отрасли огромное влияние оказали события 1905 г., но революционеры не имели к ним никакого отношения.

Летом 1905 г. в Баку из Персии неожиданно прибыли муллы-софты, с фанатичной проповедью, что «каждый неверный достоин смерти». Софты — это мусульманские студенты богословия, десятками лет не сдававшие экзаменов, что-то вроде современных талибов. Кто организовал их массовое прибытие в Баку — неизвестно. Под влиянием их проповеди 20 августа 1905 г. начался армянский погром, при этом, как свидетельствуют источники, рабочих-персов буквально гнали на поджоги. За последнюю декаду августа 1905 г. в Баку было сожжено 57% всех производительных скважин, 81% — бурившихся и углублявшихся. Минимальный размер убытков составил 40 млн. руб.⁵, добыча нефти в 1905 г. упала на треть. Скважины надо было срочно восстанавливать. Правительство приняло решение предоставить ссуды нефтепромышленникам на 20 млн. руб., однако реально выдало всего на 13 млн. руб.⁶

Но главное, что нужно было нефтепромышленности от правительства, это не ссуды, а предоставление в арен-

ду новых нефтеносных земель. Нефтеносные земли на Апшероне были в руках государства, которое в конце XIX в. сдавало их нефтепромышленникам на торгах. Последние торги, предоставившие нефтеносные земли для бурения скважин, прошли в 1900 г. Результаты торгов 1903 и 1906 гг. сенат не утвердил. Мотивировалось это тем, что необходим новый закон о торгах. Законопроект поступил в думу лишь в 1910 г., затем два года изучался, стал законом только в 1912 г. Все это время торгов не проводили. Торги по новым правилам назначили на 1913 г. — и вновь не утвердили. В результате с 1900 по 1911 г. площадь всех эксплуатируемых земель в районе Баку не возросла даже на 10%. Соответственно, не росла и добыча нефти, оставаясь в империи ниже уровня 1903 г. Второй по значению район нефтедобычи — Грозненский — давал, по сравнению с Бакинским, не так много нефти: 4,4% общероссийской добычи в 1902 г. и 13,5% в 1911 г.⁷ Добыча на Эмбе, в Майкопе и в других районах была в начале XX в. совсем незначительной.

Нефтепромышленники, не получая в Баку новых участков (вся добыча велась в 1911 г. всего на 1048 десятин), не могли увеличить нефтедобычу, старые участки истощались. Однако добычу не вело и правительство, полностью устранившись от создания своих нефтепромыслов и контролируемых им нефтяных компаний. В России не желали следовать примеру Великобритании, где правительство решительно взяло в свои руки финансовый контроль над крупнейшей, наряду с «Шелл», «Англо-персидской нефтяной компанией» (будущей «Бритиш Петролеум»). Председатель Совета министров В.Н.Коковцов в 1913 г. выступил за разработку нефтеносных месторождений государством⁸. Но правительству не удалось провести через Думу решение об использовании казенных нефтеносных земель хотя бы для нужд флота и Министерства путей сообщения.

Очередной удар по нефтяной промышленности был нанесен в ноябре 1917 г. Чеченские боевики или, как тогда говорили, «абреки», сожгли значительную часть нефтепромыслов Грозного и взяли город в осаду. Фонтанирующие скважины Грозного горели до апреля 1919 г., в этих грандиозных факелах (до 100 м высотой) сгорело нефти на сумму, равную четверти годового довоенного бюджета Российской империи⁹.

Огромную роль на судьбы всей страны оказала национализация бакинской нефтяной промышленности, внезапно проведенная в начале июня 1918 г. Еще 12 мая 1918 г. Бакинский Совет опубликовал декларацию, в которой уверял, что «поскольку буржуазия признала себя побежденной, национализация промышленности, как и боевое средство против буржуазии, стала излишней...»¹⁰. В.И. Ленин приблизительно тогда же отправил телеграмму, в которой предлагал вернуть национализированные наливные суда их владельцам¹¹. И вдруг 28 мая 1918 г. в Баку была получена директивная телеграмма И.В. Сталина с требованием немедленного проведения национализации нефтяной промышленности. В тот же день Сталин отбыл из Москвы в Царицын. Уже 1 июня 1918 г. в Баку был издан декрет о национализации нефтяной промышленности. Однако оказалось, что Сталин не получал указаний отправить такую телеграмму от каких-либо директивных органов. Когда в Москве убедились в факте бакинской национализации, то сразу же попытались дать «обратный ход». На заседании Коллегии Главконефти отмечалось, что «т. Сталин, на основании телеграммы коего была проведена национализация, совершенно не является лицом, могущим распоряжаться в этой области, и потому Совнархоз (Бакинский. — *А.И.*) обязан был запросить Главконефть, а не предпринимать шаги самостоятельно»¹². Бакинский Совнархоз телеграфировал в Москву, что отменить национализацию невозможно. Совнарком утвердил бакинскую национализацию 20 ию-

ня 1918 г., а 28 июня Ленин подписал декрет о национализации всех крупных и средних предприятий страны.

Во время Гражданской войны нефтепромыслы берегли все противоборствующие стороны; единственный крупный поджог имел место в Грозном накануне визита туда генерала А.И.Деникина в марте 1919 г. Когда в феврале 1920 г. Красная Армия приблизилась к Грозному, В.И.Ленин отправил телеграмму в Реввоенсовет Кавказского фронта: «Смилге и Орджоникидзе. Нам до зарезу нужна нефть. Обдумайте, манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефть и нефтяные промыслы, и наоборот — даруем жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости»¹³. В момент перехода нефтяных районов под контроль Советской власти были получены огромные запасы нефти и нефтепродуктов — 310 млн. пуд. в Баку, 43 млн. пуд. в Грозном, 14 млн. пуд. в Эмбенском районе¹⁴. Это значительно больше, чем годовая добыча 1918 или 1919 гг.

Несмотря на то, что имелась возможность вывозить нефть из Баку и Грозного по Каспию-Волге, в начале 1920 г. было принято решение о строительстве нефтяной сверхмагистрали Эмба-Саратов, получившей название «Алгемба». Планировалось к середине 1921 г. построить магистральный нефтепровод и железную дорогу между эмбенскими нефтепромыслами и конечным пунктом железной дороги г. Александров-Гай (на юго-восток от Саратова). Строительство велось под неусыпным контролем и мощным давлением председателя Совнаркома В.И.Ленина, требовавшего в своих телеграммах «принять решительные меры к быстрейшему окончанию работ по постройке железнодорожной линии Алгембы и нефтепровода»¹⁵. Строительство прекратили в августе 1921 г.: для его завершения не имелось никаких материально-технических предпосылок, что было очевидно с самого начала. Значительная часть строителей погибла, в том числе — и основной состав Четвертой армии, переведен-

ной на положение трудовой. Строительство Алгембы не могло иметь никакого экономического смысла, так как пропускная способность сверхмагистрали предполагалась приблизительно в 100 раз большей, чем мощности по добыче нефти. Единственным рациональным объяснением строительства является, на наш взгляд, политическая игра, направленная на ослабление позиций М.Фрунзе, тесно связанного с Четвертой армией¹⁶.

В конце 1920 г. на VIII съезде Советов, принявшем план ГОЭЛРО, решалась стратегическая задача – какому из альтернативных источников энергии должно отдать предпочтение пролетарское государство. Само по себе строительство электростанций было важным, но, с точки зрения распределения ресурсов, не решающим: даже в 1932 г.. потребление топлива электростанциями составляло всего 11,6% от общепромышленного (то есть без транспорта, бытового потребления, сельского хозяйства и т.д.)¹⁷. Реально в конце 1920 г. расставлялись приоритеты на 10-15 лет между дровами, углем, торфом, нефтью, сланцами. На VIII съезде Советов постановили, что быстрее всего в стране должна расти добыча сланцев, на второе место по темпам роста ставился дорогой подмосковный уголь, затем – торф, за ним – уральский уголь, потом донецкий, дрова. Наинизшие темпы роста были определены для нефти¹⁸. Подчеркнем, что речь шла о стратегии, а не о вынужденных мерах периода гражданской войны, когда приходилось брать то, что доступно. План ГОЭЛРО принимался на пике политики военного коммунизма, и исходной была идея максимальной централизации управления, поэтому наилучшим считался тот вид топлива и энергии, которые технологически такую централизацию обеспечивали. На первом месте здесь стояли электростанции, именно их и должны были питать торф, сланцы, местные угли. А у нефти обнаружился огромный «недостаток»: нефтетопливо, и сжигаемое в форсунках, и используемое в двигателях внутреннего сго-

рания, содействовало «децентрализации», так как применявший такое топливо производитель, технологически (по линии энергетики, во всяком случае) от каких-либо центральных органов не зависел. А вот потребитель электричества зависел полностью. Г.М.Кржижановский по этому поводу сказал на VIII съезде Советов: «...электричество является формой концентрации и обобществления, двигатели внутреннего сгорания являются носителями центробежных, децентрализирующих тенденций»¹⁹. В таком подходе видна не столько коммунистическая догматика, сколько первое смутное осознание и защита интересов группы, желавшей усилить и упрочить контроль за источниками энергии в стране (а, значит, и свои властные возможности). Отношение к трактору, как «союзнику кулака» заставляло искать иные, контролируемые из центра, технологии пахоты, поэтому в план ГОЭЛРО была включена задача скорейшего перехода на электропахоту. Правда, электропуг нигде в мире не применялся, но задание по его конструированию и производству было поставлено перед ведущими заводами страны. Лишь в апреле 1923 г. СТО, наконец, признал необходимым организовать в СССР серийное производство не электропугов, а тракторов²⁰.

План ГОЭЛРО определял топливно-энергетическую стратегию, конкретные плановые задания разрабатывались в Госплане. В начале 1922 г. Госплан дал прогнозные оценки добычи различных видов топлива через 10 лет, в 1932 г. По этим оценкам добыча угля должна была возрасти в 8,7 раза, торфа — в 6,1 раза, нефти — в 3,6 раза, причем производства нефтепродукта — лишь в 2,8 раза²¹.

В 1931 г., обвиняя вредителей, недооценивавших значение торфа, Г.М.Кржижановский напоминал: «Еще в 1919 г. я утверждал, что торф будет иметь для нас то же значение, какое уголь для Англии»²².

У торфа как соперника нефти, в начале 1920-х гг. обнаружилось одно огромное преимущество с точки зрения

политико-идеологической целесообразности, перевешивавшее его низкую экономическую эффективность: торфодобыча, неизбежно сезонная, прекрасно подходила для реализации старого замысла о соединении при социализме труда аграрного и индустриального.

В 1925 г. Л.К.Рамзин опубликовал прогноз, ставший ориентиром для принятия практических решений: «Основной снабжения энергией на протяжении ближайших 200 лет будет каменный уголь и второе по значению место занимает торф...»²³. Что же касается нефти, то, по мнению Рамзина, «нефть, стоящая теперь в центре внимания большинства промышленных стран, представляет собой топливо лишь настоящего времени»²⁴.

До 1920-х гг. характерно открытое соперничество нефти и угля, факт которого отмечен в литературе того времени. В первые годы нэпа, когда часть потребителей могла выбирать вид топлива, предпочтение отдавалось нефти. Темпы прироста ее добычи были выше, чем у угля. В максимальной мере чисто экономические факторы определяли соотношение между темпами прироста нефте- и угледобычи в 1924/25 г. Затем советское руководство надолго отдало приоритет углю, а весь остальной мир – нефти. В СССР восторжествовала точка зрения, что нефть надо всячески беречь, заменять ее углем, везде, где можно. Донецкий уголь вытеснил нефтетопливо из районов, куда последнее доставлялось десятилетиями. Ведущий советский энергетик 20-х гг. Л.К.Рамзин признавал интенсивное использование нефти остальным миром «ненормально высоким»²⁵. Ряд ведущих советских экономистов-энергетиков выступил с позицией, названной оппонентами «нефтяным мессианством». Сторонники этого направления полагали, будто в ближайшее время нефтяные ресурсы всех стран мира, кроме СССР, окажутся исчерпанными, а СССР превратится в главного, если не единственного, мирового нефтеэкспортера, что сулит не только экономические преимущества, но и огромные политические выиг-

рыши. Вывод отсюда делался один: запасы нефти надо беречь, оставлять в недрах «на потом»²⁶.

Приоритет, отданный углю при распределении капиталовложений, объяснялся также и тем, что по-прежнему, как при Витге, стремились догнать по добыче угля на душу населения ведущие страны, и тем, что интересы Донбасса отстаивала наиболее мощная в политическом отношении партийно-хозяйственная группа, сумевшая обеспечить различные формы государственной поддержки, включая льготные железнодорожные тарифы на перевозку донецкого угля. Приходилось считаться с интересами многочисленного рабочего класса Донбасса, в 1920-х гг. это была реальная политическая сила. Партийно-хозяйственные группы, связанные с добычей нефти, начиная с 1926 г., имели ощутимо меньший политический вес. В первой половине 1920-х гг., когда нефтедобыча развивалась высокими темпами, в Баку и Грозном работали очень влиятельные руководители: С.Орджоникидзе, С.М.Киров, И.В.Косиор, А.Серебровский. Они могли реально отстаивать интересы нефтепромышленности (совпадавшие с их собственными интересами укрепления властных позиций) в высших эшелонах власти. В 1926 г. все четверо — Орджоникидзе, Киров, Косиор, Серебровский — были переведены на другую работу, равноценной им замены (в смысле властных возможностей) не последовало. С усилением планового начала в советской экономике становилось особенно важно суметь «выбить» полагавшиеся по плану ресурсы. А для этого надо было располагать, в первую очередь, политическим весом.

Начиная с 1924 г., нефтетресты стали разрабатывать планы нефтяной пятилетки. К началу 1926 г. в ВСНХ была разработана «пятилетняя гипотеза» ОСВОК (Особого совещания по восстановлению основного капитала). По этому плану предполагалось, что за пятилетку 1925/26-1929/30 гг. прирост добычи нефти составит 40,9%, а угля — 71,7%²⁷.

В 1926 г. планы ОСВОК были отвергнуты, для составления нового проекта пятилетнего плана в ВСНХ была образована Особая Комиссия, которая к июню 1927 г. подготовила «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР». В соответствии с «Материалами» темп планируемого роста нефтедобычи существенно повышался, за пять лет прирост должен был составить 89,1%, что даже превышало ожидаемый прирост угледобычи — 74,9²⁸.

Однако во всех последующих вариантах пятилетки предпочтение отдавалось углю.

В том же, 1927 г., был представлен вариант пятилетки Госплана — «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27-1930/31 гг.». Госплан предложил понизить долю участия нефтетоплива в топливном балансе промышленно-технической группы с 17,4% в 1925/26 г. до 13,9% в 1930/31 г. (с учетом моторного топлива). Намечалось увеличить добычу угля на 91,0%, нефти — на 65,5%²⁹.

Очередной вариант пятилетки ВСНХ был представлен в декабре 1928 г. Добычу нефти теперь предполагалось увеличить на 88%, угля — на 112%³⁰.

В апреле-мае 1929 г. был, наконец утвержден «оптимальный» вариант пятилетнего плана. В плане подтверждалась и усиливалась прежняя установка: «Нефть, как топливо, игравшая такую крупную роль 15-20 лет назад, коренным образом должна сдать свои позиции и уже, во всяком случае, не может считаться одной из основных баз топливоснабжения страны»³¹.

С каждым новым вариантом плана относительное значение нефтяной промышленности снижалось, отрасль получала все меньшую долю капиталовложений. Не только долгосрочной, но и среднесрочной стратегии отрасли не было. Приоритет все больше отдавался донецкому углю, именно уголь становился одним из главных символов индустриализации в СССР.

В 1931 г. нефтедобыча достигла 22,4 млн. т³², нефтяная пятилетка оказалась выполненной первой среди всех отраслей промышленности. Однако произошло это только в результате бездумной и расточительной эксплуатации недр, нарушения минимально необходимых правил нефтедобычи. И расплата за это не могла не наступить. Уже в 1932 г. добыча нефти упала до 21,4 млн. т, почти такой же она оставалась в 1933 г.³³ А в 1937 г. вместо запланированных в июле 1932 г. 73 млн. т добыча составила лишь 28,5 млн. т³⁴.

-
- 1 *Перише С. и Л.* Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис, 1913. С. 189.
  - 2 *Кафенгауз Л.З.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е гг. XX в.). М., 1994. С. 75.
  - 3 Рассчитано по: *Пробст А.Е.* Особые проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР. М.-Л., 1939. С. 163; Народное хозяйство СССР в 1958 г. Статистический ежегодник. М., 1959. С. 201, 208.
  - 4 Докладная записка Витте Николаю II. Февраль 1900 // Историк-марксист. 1935. 2-3. С. 132.
  - 5 Нефтяное дело. 1905. 20-21. С. 1653.
  - 6 Государственная Дума. Стеногр. отчеты. Созыв третий. Заседание 17 декабря 1907 г. СПб., 1909. С. 1054.
  - 7 *Перише С. и Л.* Указ. соч. С. 74, 95.
  - 8 Нефтяное дело. 1913. 5. С. 49.
  - 9 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 5. Д. 34. Л. 72 об.
  - 10 Цит. по: *Ратгаузер Я.* Революция и гражданская война в Баку. Ч. 1. Баку, 1927. С. 170.
  - 11 РГАЭ. Ф. 6880. Оп. 1. Д. 30. Л. 142.
  - 12 Там же. Д. 4. Л. 34.
  - 13 Цит. по: Известия. 29 мая 1993 г.
  - 14 РГАЭ. Ф. 6880. Оп. 1. Д. 149. Л. 5.
  - 15 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 233.
  - 16 См. подробнее: *Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917-1920 гг. М., 1999. С. 132-162.
  - 17 *Пробст А.Е.* Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР. М.-Л., 1939. С. 111.
  - 18 План электрификации РСФСР. Второе изд. М., 1955. С. 72.
  - 19 Там же. С. 65.
  - 20 *Генкина Э.Б.* Государственная деятельность В.И.Ленина. 1921-1923 гг. М., 1969. С. 269-260.
  - 21 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 5. Д. 34. Л. 3.

- 22 *Кржижановский Г.М.* Вредительство в энергетике. М.-Л., 1931. С. 11.
- 23 *Рамзин Л.К.* Энергетические ресурсы СССР. М., 1925. С. 26.
- 24 *Рамзин Л.К.* Ресурсы энергии в СССР // Промышленность и народное хозяйство. Сб. статей. М., 1927. С. 535.
- 25 *Рамзин Л.К.* Энергетические ресурсы СССР. С. 11.
- 26 *Богдановский С.* Основные проблемы экономики советской нефти. М.-Л., 1929. С. 119.
- 27 Перспективы топливоснабжения СССР. Материалы ОСВОК. Вып. VIII. М.-Л., 1927. С. 34.
- 28 Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28-1931/32 гг.). М., 1927. С. 302.
- 29 Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27-1930/31 гг. Материалы Центральной Комиссии по пятилетнему плану / Под ред. С.Г.Струмилина. М., 1927. С. 89, 96.
- 30 Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности на 1928/29-1932/33 гг. Доклад В.В.Куйбышева. М., 1929. С. 12.
- 31 Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929. Т. 2. С. 123.
- 32 Народное хозяйство СССР в 1958 г. Статистический ежегодник. М., 1959. С. 208.
- 33 Там же.
- 34 Там же.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Л.Н.Нежинский:

В начале 1920 г., после гражданской войны, действительно, главным и единственным источником нефти, местом нефтеразработок были Баку и его окрестности и Грозный? По некоторым сведениям тогда шла разведка и начиналась нефтедобыча и в других местах. Например, в Башкирии, в Стерлитамаке, Ишимбае и т.д.

А.А.Иголкин:

Эти месторождения открыли в 1929 г., а выходы нефти были известны и раньше, с XVIII в. Нефтеразведка в районе будущего «второго Баку» велась даже в 1919 г., но в 1920-е гг. там нефтеразведки не было. Баку и Грозный

давали до 95% всей нефти, и нефтеразведка была поручена уже существовавшим трем нефтетрестам — Азнефти, Грознефти и Эмбанефти. Не было создано специального Треста дальней нефтеразведки.

Л. Н. Нежинский:

Второй вопрос. Были ли восстановлены два крупных нефтепровода, о которых говорилось в докладе после тех катаклизмов, которые произошли в годы войн? Какова была региональная структура нефтедобычи?

А. А. Иголкин:

Как только Красная Армия заняла Грозный, быстро восстановили нефтепровод, иначе нефть просто не была бы вывезена на порт Петровск. Армия охраняла этот нефтепровод до 1923 г. Были вооружены все, кто работал на грозненских нефтепромыслах, кавказская армия преобразована в трудовую армию. Причем по данным за 1923 г. лишь 8% времени трудармейцы могли уделить нефти или каким-то сельскохозяйственным работам. Все остальное время занимали непрерывные стычки с чеченскими абреками. Иногда волновались казаки, но в основном были стычки именно с чеченскими бандформированиями. То есть нефтепровод был восстановлен и охранялся. Второй нефтепровод тоже был восстановлен, а в 1926 г. началось строительство еще одного нефтепровода. Было принято решение об экспертной ориентации нефтедобычи. Решили также построить и построили нефтепровод из Грозного к Черному морю, из Баку протянули вторую нитку к Черному морю, но уже гнали не керосин, как при царе, а все в больших и больших количествах сырую нефть, которая шла за границу, что было недостатком.

О структуре нефтедобычи. Она в межвоенный период почти не изменилась, как и до первой мировой войны 70% нефти давал Баку, на втором месте был Грозный, но уровень добычи там очень сильно колебался. Это происходило потому, что в Грозном была фонтанная нефть,

благодаря такой структуре они в 1931 г. вышли на очень высокий уровень добычи, первыми выполнили пятилетку, но потом там произошел колоссальный спад: вся фонтанная нефть была выбрана. Третий район — был эмбинский — около 2-2,5%. Была еще маленькая добыча в Фергане, в районе Майкопа; были поиски даже в районе Крымского полуострова, но в совершенно мизерном количестве. Добыча нефти во «Втором Баку» в промышленных масштабах не производилась до 30-х гг., освоение было невероятно медленным, и на всех партийных съездах, включая XVII, требовали быстрого освоения «Второго Баку», но до войны это месторождение давало около 6-7% от всей нефтедобычи, то есть то, что было потеряно в Грозном, перешло ко «Второму Баку», Волго-Уральскому району.

Л.Н.Нежинский:

Доклад очень интересный. Мы узнали немало нового о том, как стояла нефтяная проблема, как и почему она так решалась. Отмечу несколько важных линий доклада. Первое — чрезвычайно тесное переплетение внутренней и внешней политики и в царской России, в дореволюционный период, и в годы Первой мировой войны, и, конечно, в советской России, в Советском Союзе.

Только один пример. Лето и начало осени 1918 г. Еще не кончилась первая мировая война, назревает кризис в Германии, становится ясно, что немецкая и австро-венгерская армия терпит поражение на балканском театре военных действий. На Кавказском театре военных действий ситуация более или менее стабильная, русские войска так и стояли в Карском Ардагане в Турецкой Армении. Турция совершенно явный противник Антанты, в том числе и Великобритании. Тем не менее, интересы России и Великобритании сталкивались вокруг Баку.

С одной стороны, Турция — их противник, который еще официально не капитулировал, это произошло толь-

ко в начале ноября 1918 г. В это время англичане им помогают начать продвижение в сторону Кавказа, Закавказья, выйти на Баку и фактически его оккупировать.

Другой пример с Германией. Очень ухудшились отношения с ней в конце 1923 — начале 1924 г., после того, как полностью провалился наш эксперимент через Коминтерн по проведению (ни больше, ни меньше) устройства пролетарской революции в Германии. Дело тогда едва не дошло до разрыва отношений, немцы не порвали отношений, хотя резко заявляли протест, что мы вмешиваемся во внутренние дела Германии. Тогда арестовали и посадили в тюрьму лидеров справа и слева, коммунистов и Гитлера. Начались длительные, трудные переговоры с советским руководством. Что заставило немцев резко смягчить свою позицию после такого неудачного шага с нашей стороны к концу 1925 г., пойти на заключение нового очень объемного торгового соглашения, а в начале 1926 г. заключить соглашение о нейтралитете, которое соблюдалось до 1932 г. и т.д. Выясняется, что как раз еще обещание Ленина немцам предоставить нефть имело значение при активизации политики: мы вам поставим нефть, не только керосин, но и сырую нефть. Это было главным, что заставило немцев поменять позицию и пойти на согласие с советским руководством в середине 20-х гг.

Почему немцы активно пошли на торговые переговоры с Советским Союзом? Потому что две вещи были крайне дефицитны. Это каучук, который везли через весь Советский Союз для Германии и нефть, которую поставляли из Баку.

Второй вопрос: почему было предпринято контрнаступление в 1942 г.? Все силы бросили на Северный Кавказ и к Сталинграду. Ответ кроется также в проблеме энергоресурсов, ибо тогда это было для немцев очень важно. Румыны обещали, но явно преувеличили объемы нефтедобычи возле Плоешти, поэтому немцы ничего не получили. Они рвались на Кавказ, чтобы обеспечить себя топливом.

Нам важно соединять, сочетать изучение этих проблем. Все теснейшим образом переплеталось. Энергоресурсы имели не только огромное значение для экономической жизни государства, но и для его внутренней и внешней политики.

Тема доклада представляет большой интерес, и ее необходимо продолжать разрабатывать.

БОРЬБА ЗА РУССКУЮ АРМИЮ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД*

Послеоктябрьский период истории русской армии (октябрь 1917 – март 1918 г.) по настоящее время остается «белым пятном» в историографии, несмотря на немалое, казалось бы, число научных трудов, посвященных вооруженным силам в 1917 г. В научной литературе, особенно в монографических исследованиях, достаточно подробно рассматривался весь революционный процесс, происходивший в армии от Февраля к Октябрю, а послеоктябрьский период большинство исследователей, рассматривали весьма поверхностно. Отчасти это вызвано значительно меньшим по сравнению с дооктябрьским периодом наличием документальных источников, сохранившихся в архивных фондах РГВИА, ГАРФ и других. Дело в том, что в период германского наступления в феврале 1918 г. многие штабы полков, дивизий, корпусов и даже армий были захвачены противником. Однако главный недостаток всей предшествующей научной литературы состоит в том, что революционные процессы в вооруженных силах в 1917 г. рассматривались по одной схеме, а события унифицировались. Исследователей в основном интересовали лишь вопросы, связанные с «проведением социалистической революции». Все работы заканчивались главным образом безапелляционным утверждением, что «Советская власть окончательно установлена» на том или ином фронте или в армии такого-то числа такого-то месяца. Как правило, для подобного заключения большинству авторов хватало резолюции, вынесенной в поддержку Советской власти или Совета Народных Комиссаров (или об их признании) съездом сол-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 21 октября 1999 г.

датских депутатов изучаемого объекта. И на этом ставилась точка.

Но если это так, то почему русская армия в течение менее чем четырех месяцев была демобилизована и уже в марте 1918 г. прекратила свое существование? «Было одно крайне важное обстоятельство, — писал в 1982 г. академик И.И.Минц, — которое мешало широкому использованию старой армии. Во время революции и после Октября в старой армии стала разворачиваться и все более обостряться гражданская война. К сожалению, в литературе все еще нет обобщающих работ о гражданской войне в самой старой армии, в которую вовлекались не только отдельные полки, дивизии, но даже целые корпуса и армии»¹. К сказанному можно добавить, что и спустя почти 20 лет не только не написано такой работы, но даже нет обобщающих монографических, трудов по истории деятельности органов взятия власти на фронте — военно-революционных комитетов, которые стали создаваться в действующей армии сразу после обращения II Всероссийского съезда Советов 26 октября 1917 г. к фронту. Без изучения деятельности военно-революционных комитетов, советских комиссаров, прибывавших на место комиссаров Временного правительства, невозможно воссоздать целостную картину борьбы большевиков и их политических противников за армию в послеоктябрьский период.

К настоящему времени истории создания и деятельности военно-революционных комитетов действующей армии посвящен лишь сборник документов и несколько статей². И эта немногочисленная литература, естественно, страдает теми же недостатками, что и вся предшествующая историография по истории революционного движения в русской армии в 1917 г.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов, связанных с историей борьбы за армию, необходимо кратко пояснить, что представляли собой органы, специально

созданные большевиками для взятия власти в вооруженных силах. Хотя большевизация солдатских комитетов началась сразу же после подавления корниловского выступления, к началу Октября она охватила только часть солдатских организаций, особенно низших — ротных, батальонных, батальонных и отчасти полковых. Высшие солдатские комитеты — бригадные, дивизионные, корпусные, а тем более армейские в основном находились под руководством эсеров и меньшевиков. К тому же процесс большевизации солдатских комитетов шел с разной скоростью: чем дальше находился фронт от обеих столиц, тем этот процесс был медленнее. Северный фронт, прикрывавший Петроград, и Западный фронт, прикрывавший Москву, по большевизации солдатских комитетов значительно опережали другие, более отдаленные от центральных районов, фронты — Юго-Западный, Румынский и Кавказский. Да и сам процесс переизбрания солдатских комитетов был достаточно медленным: надо было провести выборы делегатов, организовать собрание всей воинской части и проголосовать отдельно за каждую кандидатуру. К тому же результат был часто непредсказуемым: солдаты могли вновь проголосовать за эсеров и меньшевиков. А времени на терпеливую агитацию у местных армейских большевиков не было.

Другое дело военно-революционные комитеты. Эти органы не избирались, а создавались местными армейскими большевистскими организациями во исполнение постановления II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г. В нем, в частности, предлагалось всем армиям создать временные революционные комитеты, которые должны были отвечать за «сохранение революционного порядка и твердости фронта»³, а по существу, как им, так и новым советским комиссарам предписывалось взять всю полноту власти в действующей армии. При этом солдатские комитеты и командование должны были перейти под полный контроль со стороны создаваемых ревкомов и

присланных из Петрограда или назначенных из местных лидеров большевиков новых комиссаров.

Появление на фронтах и в армиях комиссаров, назначенных СНК, создание без участия солдат новых административно-командных органов — военно-революционных комитетов в частях и соединениях действующей армии обостряло политическую борьбу в недрах солдатских масс, накал которой нарастал в зависимости от специфики фронта, его армий и взаимодействия фронтов с ближайшим тылом.

Для завоевания армии на свою сторону Петроградский ВРК направил на фронт множество своих комиссаров и эмиссаров, целью которых было устранение аппарата комиссаров Временного правительства, создание военно-революционных комитетов, фактически становившихся над существующими солдатскими комитетами, устранение нелояльного к новой власти командного состава путем введения «выборного начала» и др. Всего на места по разным подсчетам было послано от 350 до 600 уполномоченных пропагандистов и комиссаров⁴. Это в целом немного для 7-миллионной армии. Следует также заметить, что большинство советских комиссаров и председателей фронтовых и армейских ревкомов было назначено новой властью из лидеров местных армейских большевиков, а состав корпусных, дивизионных и полковых ВРК полностью формировался местными армейскими большевистскими организациями. Таким образом, сразу же после Октября в действующей армии разгорелась, острейшая борьба за власть между местными армейскими организациями большевиков, большевизированными солдатскими комитетами, создаваемыми большевиками ревкома и советскими комиссарами с одной стороны и старыми, непереизбранными эсеро-меньшевистскими солдатскими комитетами, армейскими организациями эсеров и меньшевиков, комиссарами Временного правительства, создаваемыми эсерами и меньшеви-

ками на фронтах и в армиях Комитетами спасения родины и революции и командования с другой. Следует заметить, что офицерский корпус, особенно после сентябрьской чистки, вызванной корниловским выступлением, весьма неприязненно относился не только к А.Ф.Керенскому и Временному правительству, но и к комиссарам Временного правительства на фронтах и в армиях и особенно к солдатским комитетам. Однако в вопросе о признании новой власти он был союзником прежним комиссарам и эсеро-меньшевистского большинства солдатских комитетов. Однако такой расклад противоборствующих сил справедлив в основном лишь для Северного и Западного фронтов. На остальных фронтах, расположенных на Украине и в Румынии – Юго-Западном и Румынском, и в Закавказье – Кавказском была еще и «третья сила» – местные националисты, стремившиеся урвать от разваливающейся русской армии свой кусок «пирога» и создать свои национальные армии. При этом следует заметить, что каждая из противоборствующих сторон стремилась перетянуть на свою сторону многомиллионную солдатскую массу, втянуть ее в гражданскую войну в самой армии.

Как вели себя солдаты в такой обстановке? Наиболее достоверными источниками для определения позиции фронтовиков являются сводки сведений о настроении, еженедельно составляемые командованием частей и соединений и отправляемые в Ставку, а также солдатские письма во ВЦИК, СНК и другие государственные, общественные и политические организации. Однако, резолюции, принятые на заседаниях солдатских комитетов, не всегда верно отражали настроения и симпатии солдатских масс. Так, две первые послеоктябрьские недели основная масса солдат, не будучи информированной или подвергаясь дезинформации о событиях в Петрограде, вела себя сдержанно и выжидательно, и все помыслы фронтовиков были сосредоточены вокруг Декрета о ми-

ре, о котором они узнали 27 октября. Именно этот декрет, как показывают многочисленные источники, солдаты восприняли как акт об окончании войны и ожидали практических шагов Советского правительства в этом направлении: заключения мира с противником и демобилизации. Поэтому втягиваться в политическую борьбу, которая в любой момент могла перерасти в вооруженную, они в своей массе не желали. Именно по этой причине на своих солдатских митингах фронтовики отказывались выделять воинские части и свергнутому Временному правительству, и для помощи Советской власти. Во всей предшествующей научной литературе, как правило, отмечалась большая активность солдатских масс, их якобы полная поддержка новой власти. Для этого приводились единичные случаи такой поддержки и выдавались за массовое явление, а пассивность фронтовиков, отмечаемая еженедельно в сводках командования, просто игнорировалась исследователями.

Попытаемся изложить историю борьбы за армию, разразившейся в послеоктябрьский период на всех пяти русских фронтах. При исследовании этой темы автор опирался главным образом на документальные материалы, периодику того времени и не пытался подгонять происходившие в действующей армии процессы под схему «триумфального шествия» Советской власти, как это имело место в предшествующей литературе.

Северный фронт прикрывал столицу России — Петроград. Несмотря на близость к столице и значительное по сравнению с другими фронтами количество присланных из Петрограда комиссаров, эмиссаров и агитаторов, созданные здесь военно-революционные комитеты не смогли сразу взять власть в войсках этого фронта. Меньшевики и эсеры еще занимали крепкие позиции, а солдатская масса проявляла, как уже отмечалось, свойственные ей колебания и зачастую склонялась к выжиданию и нейтралитету. Об этом положении наглядно свидетельст-

вовала острая борьба враждующих политических сил, разразившаяся на армейских съездах, прошедших в конце октября – начале ноября. Поскольку армейские съезды не смогли решить вопрос о власти в пользу СНК, созданные в армиях ревкомы, чтобы не упустить время, пока основная масса солдат колебалась, решили действовать вооруженным путем. Так, в 12-й армии местным армейским ВРК была создана боевая группа из распропагандированных большевиками войск и отправлена на взятие штаба армии, находившегося в г. Валк. 7 ноября штаб 12-й армии и армейский комитет были заняты. Кроваво-пролития удалось избежать благодаря нейтралитету солдатских масс Валкского гарнизона, которые не желали развязывания гражданской войны в самой 12-й армии. Несмотря на мирный исход «операции», армейский ВРК произвел аресты среди командования армии и эсеро-меньшевистских членов армейского комитета⁵.

В соседней 5-й армии того же фронта армейский ВРК 1 ноября при помощи роты солдат, сочувствующих большевикам, окружил не признающий его власти армейский комитет и предъявил ему ультиматум о сдаче дел. Под угрозой открытия огня армиском сложил с себя полномочия. Штаб армии ВРК захватывать не рискнул, ограничившись его изоляцией. Заметим, что командарм и его штаб были арестованы позднее, 12 ноября, по приказу прибывшего в Двинок нового советского верховного главнокомандующего Н.В.Крыленко⁶.

И только в 1-й армии, расположенной в центре Северного фронта, обошлось без вооруженного воздействия при смене власти. 11 ноября к тому времени переизбранный армейский комитет признал Советскую власть, а командование пришло под контроль армейского ВРК⁷.

В такой благоприятной для местных армейских большевиков обстановке они предприняли более энергичное наступление на своих политических противников. 6 ноября в Пскове, где находился штаб фронта, была созвана

конференция военно-революционных комитетов Северо-Западной области и армий Северного фронта. Согласно решениям конференции местные ревкомы были обязаны приложить все усилия к тому, чтобы советы и солдатские комитеты, не признающие новой власти, были немедленно переизбраны. Конференция предлагала ревкомам брать под свой контроль все без исключения армейские учреждения, арестовывать нелояльный к новой власти командный состав и заменять его надежным контингентом⁸.

На Западном фронте взятие власти ревкомом началось сразу с взятия штаба фронта, расположенного в Минске. Здесь по инициативе Северо-Западного комитета РСДРП(б) и переизбранного Минского Совета уже 27 октября был создан фронтовой ВРК. Одновременно местные эсеры и меньшевики, чтобы ему помешать взять власть, организовали Комитет спасения родины и революции. Опираясь на части Минского гарнизона, солдаты которого находились под влиянием эсеров и меньшевиков, Комитет спасения установил свой контроль над городом. Протоколы прошедших накануне заседаний солдатских комитетов частей Минского гарнизона объясняют создавшееся положение. В принятых ими резолюциях говорилось о нежелании армии втягиваться в гражданскую войну. Фронтовой ВРК с таким положением мириться не хотел и направил в армии фронта своих представителей. Ими был сформирован боевой отряд из сторонников новой власти, и в ночь с 1 на 2 ноября он вступил в Минск. На этот раз опять обошлось без кровопролития. Был занят штаб фронта, отстранен от должности главком, фронтовым ревкомом были назначены советские комиссары во все отделы штаба фронта. 4 ноября приказом фронтового ВРК Комитет спасения был распущен, а его члены арестованы. В армиях фронта созданные армейские ревкомы, не без борьбы с возникшими там Комитетами спасения, взяли власть в свои руки: 2 ноября во 2-й, 10 ноября в 10-й и 17 ноября в 3-й армии⁹.

Такой сравнительно быстрый и, как показали события, бескровный переход от старой к новой власти на Северном и Западном фронтах, может быть объяснен позицией основной солдатской массы, в сознании которой, как гласили многочисленные сводки командования, война уже фактически кончена. Вместе с тем солдаты, а большинство их, как известно, было из крестьян, потрясенные нахлынувшим на них потоком событий, не могли разобраться в происходившем и в ожидании мира, земли и демобилизации проявляли рассеянность по отношению к сложным политическим вопросам. Такой вывод напрашивается, когда читаешь сводки о настроениях в войсках Северного и Западного фронтов, солдатские письма того периода. Следует добавить, что сравнительно быстрому и бескровному переходу власти к большевикам на этих фронтах способствовало также и то, что прифронтовые гарнизоны перешли под контроль ревкомов еще раньше. С одной стороны солдаты этих гарнизонов уже не представляли угрозы для новой власти, но на их помощь нельзя было рассчитывать и в борьбе с ее противниками. Дело в том, что в гарнизонах Смоленска, Витебска, Ельни, Жлобина, Рогачева, Новозыбкова и других прилегающих в Северному и Западному фронтам царили хаос и анархия, происходили разгромы винных заводов, грабежи военных складов и железнодорожных составов. В городах солдаты производили самочинные обыски, громили лавки и магазины. Значительная часть солдат гарнизонов включилась в разросшееся аграрное движение крестьянства, громившего и сжигавшего имения и усадьбы. Глетворное влияние распадавшихся гарнизонов негативно отражалось на фронтовых частях.

В другой обстановке, в более сложном социально-политическом и национальном переплетении интересов борющихся сторон проходила борьба за власть на Юго-Западном и Румынском фронтах. Однако, как на Северном и Западном, так и на этих фронтах основная масса солдат, не имея информации или питаясь дезинформаци-

ей о событиях в Петрограде, вела себя в первые две-три послеоктябрьские недели сдержанно и выжидательно, и все их помыслы сосредоточивались вокруг вопроса о мире. Об этом убедительно свидетельствуют как многочисленные сводки о настроениях войск, солдатские письма, так и резолюции митингов.

События на Юго-Западном фронте развивались следующим образом. Когда штабу фронта, находившемуся в Бердичеве (25 октября) стало известно о событиях в Петрограде, командование и фронтовой комиссариат Временного правительства создали (26 октября) Комитет спасения революции. По его приказу аналогичные комитеты спасения были созданы во всех трех армиях фронта – Особой, 11-й и 7-й. Для упрочения своей власти на фронте Комитет спасения совместно с командованием фронта и фронтовым комитетом 5 ноября заключили соглашение с представителями Центральной Рады, по которому командование фронтом переходило под контроль Рады и передавало ей управление тыловым районом. Казалось, время для местных армейских большевиков было упущено. Инициатива была у их политических противников. К ним присоединились и временные союзники командования и фронтового комитета – представители Центральной Рады. На помощь местным армейским большевикам ЦК РСДРП(б) и Петроградский ВРК направили большую группу Комиссаров и агитаторов. С их приездом работа большевиков на Юго-Западном фронте активизировалась, и сначала в некоторых полках, дивизиях, корпусах, а затем и армиях стали создаваться ревкомы: 10 ноября в 11-й, 20 ноября в 7-й армии. В Особой армии функции армейского ВРК выполнял Луцкий ревком (с 16 ноября), а 27 ноября был создан армейский ВРК. Наконец, 24 ноября на чрезвычайном фронтовом съезде был создан временный ВРК Юго-Западного фронта. 26 ноября Фронтовой ВРК объявил о переходе всей власти на фронте в его руки¹⁰. Однако ши-

роко развернуть свою деятельность он, как и ревкомы армий фронта, так и не успел. На арену политической борьбы выступила Центральная Рада, весьма популярная, как показывают документы, среди солдат-украинцев, которые на Юго-Западном и Румынском фронтах составляли значительный процент. Следует отметить, что в ноябре в Киеве Центральной Радой был создан Краевой комитет по охране революции, предназначенный для взятия власти на территории Украины. 3-й Всеукраинский войсковой съезд, состоявшийся в Киеве, выразил полное доверие этому комитету. Принятие 7 ноября Центральной Радой универсала фактически означало провозглашение Украинской народной республики и установление ее суверенитета на Украине. Естественно, Центральная Рада пыталась сохранить боеспособность Юго-Западного и Румынского фронтов, прикрывавших украинскую территорию. С этой целью в ноябре на заседании Генерального войскового секретариата было принято решение о создании из этих двух фронтов единого Украинского фронта. Командование этих фронтов в лице генералов Н.Г.Володченко и Д.Г.Щербачева признало власть Центральной Рады, так как после занятия 20 ноября Ставки в Могилеве отрядом Н.В.Крыленко и отстранения от должности, а затем и гибели бывшего главковерха Н.Н.Духонина у них не было иного выбора. Нового главковерха Н.В.Крыленко генералы не признавали. Таким образом, подчинившись Центральной Раде, они сохранили на некоторое время свои посты. Так на арену борьбы за власть в армии вышла третья сила — националисты. Украинизированные войска, верные Центральной Раде, арестовали членов фронтового комитета и разогнали фронтовой и армейские ревкомы. Избежавшие ареста члены ревкомов 7-й и Особой армий в конце декабря собрали чрезвычайный съезд Юго-Западного фронта, где делегатами от частей и соединений был избран новый главнокомандующий армиями фронта левый эсер

В.И.Киквидзе. В январе 1918 г. началась массовая демобилизация солдат Юго-Западного фронта, сопровождающаяся выделением украинских частей. И уже к началу немецкого наступления в феврале 1916 г. на всем Юго-Западном фронте оставалось всего несколько десятков тысяч солдат.

На соседнем Румынском фронте политическая обстановка после Октября была еще сложнее, чем на Юго-Западном. Здесь к украинскому фактору добавилось и вмешательство румынских властей, и сильное воздействие на фронтовое командование дипломатических военных миссий Антанты. Следует напомнить, что на Румынском фронте находилось четыре русских (4-я, 6-я, 8-я и 9-я) и две румынские армии. Часть русских армий располагалась на территории Румынии. Штаб фронта находился в румынском городе Яссы. Номинально командовал фронтом румынский король, а фактически — его помощник генерал Д.Г.Щербачев. В период Октября Ставка и генералитет связывали свои надежды с этим генералом. Ставка с основанием полагала, что, в связи с нахождением в распоряжении Д.Г.Щербачева значительной части русских армий (4 из 14), а также двух румынских, генерал в состоянии объединить все антибольшевистские силы и бросить их на борьбу с новой властью. Исходя из довольно сильных позиций, созданных спецификой фронта (удаленность от России, дислокация на украинской и частично на румынской территории, слабость местных большевистских организаций и т.д.), Д.Г.Щербачев и поддерживавшие его лидеры фронтовых эсеровских и меньшевистских организаций направили все свои усилия на то, чтобы не допустить большевизации этого самого многочисленного фронта. Командованию фронта удалось на определенный период затормозить большевизацию солдатских комитетов и сохранить за собой руководство 4-й, 6-й и 9-й армиями до конца ноября. Характерно, что командующий 4-й армией генерал А.Ф.Рагоза и ко-

мандующий 6-й армией генерал А.А.Цуриков оставались на своих постах еще и в начале декабря, в то время как на других фронтах командармы были давно смещены. Сам же Д.Г.Щербачев командовал фронтом до марта 1918 г., т.е. до его ликвидации.

Процесс большевизации фронта тормозился также бесспорным фактом поддержки значительной частью солдат-фронтовиков партий эсеров меньшевиков и национальных партий (на этом фронте, как и на Юго-Западном, только в значительно большем количестве, находились солдаты-украинцы). Все это привело к затяжной борьбе за власть различных политических сил на этом фронте. Взятию власти большевиками мешало и то, что местные руководители армейских эсеровских и меньшевистских организаций в отличие от других фронтов сразу перехватили инициативу у большевиков, и сами создали 26 октября ВРК фронта в Яссах. В его состав вошли представители фронтового отдела Румчерода (Центральный исполнительный комитет советов и солдатских (матросских) комитетов Румынского фронта. Черноморского флота и Одесской области), комиссариата Временного правительства фронта и командования, а также несколько большевиков. Однако большевики во фронтовом ВРК были довольно малочисленны и не могли влиять на его деятельность. ВРК фронта своей главной задачей считал не взятие власти в армии, а «охрану порядка и спокойствия на фронте»¹¹. Под руководством фронтового ВРК вскоре были созданы армейские ревкомы во всех четырех армиях фронта. Возникшие фронтовой и армейские ревкомы препятствовали реализации декретов Советского правительства на территории Румынского фронта. В день своего создания (26 октября) фронтовой ВРК приступил к формированию Сводной революционной дивизии с целью отправки ее в Петроград для борьбы с большевиками. Румчерод с той же целью создал боевой отряд особого назначения численно-

стью 3 тыс. чел. Однако как большевики не смогли на-
править с Северного и Западного фронтов военную по-
мощь Петроградскому ВРК, так и ревком Румынского
фронта не был в состоянии оказать помощь Временному
правительству. Дело в том, что, как и на других фронтах,
солдаты Румынского фронта противились развязыванию
гражданской войны, и все их помыслы сводились к ско-
рейшему заключению мира и демобилизации.

С целью закрепления устойчивости фронта, Румчерод
и фронтовой ВРК созвали 31 октября в румынском горо-
де Романе чрезвычайный съезд армий Румынского фрон-
та. Подавляющее большинство делегатов было от партий
эсеров и меньшевиков. Немногочисленные делегаты-
большевики ушли со съезда. С создавшимся на Румын-
ском фронте положением не хотели мириться ни Петро-
град, ни местные большевики, тем более, что командова-
ние фронта и Румчерод, авторитетный среди солдат, не
признавали новой власти: 20 ноября Румчерод вынес по-
становление о непризнании СНК. Тогда местные боль-
шевики и прибывшие из Петрограда представители СНК
стали действовать более решительно. 2 декабря в Яссах
они провели совещание представителей фронтового ко-
митета большевиков, Одесского комитета РСДРП(б) и
посланцев СНК. Совещание приняло резолюцию: ульти-
мативно потребовать от фронтового ВРК немедленного
признания власти Совнаркома или безоговорочного сло-
жения полномочий. Совещание выделило из своего со-
става большевистский фронтовой ВРК. В тот же день в
10 ч вечера его члены в сопровождении взвода сочувст-
вующих большевикам солдат отправились в помещение
фронтового ВРК и с угрозой применения силы предъяви-
ли ультиматум его старому составу. Не имея в этот мо-
мент охраны и не желая кровопролития, члены старого
ревкома покинули здание. В ночь на 3 декабря больше-
вистский фронтовой ВРК провозгласил установление
власти Совнаркома по всему Румынскому фронту. Одна-

ко существование этого большевистского ВРК Румынского фронта продлилось не более суток, так как в ночь на 4 декабря по распоряжению генерала Д.Г.Щербачева и при активном содействии созданного Центральной Радой Комитета национальных и областных комиссаров он был арестован. Избежавшие ареста члены ревкома, в том числе С.Г.Рошаль (одновременно являвшийся советским комиссаром фронта, но не признанный командованием) и другие снова объявили себя фронтовым ВРК и потребовали передачи им всей полноты власти на Румынском фронте. В ответ 7 декабря по инициативе генерала Д.Г.Щербачева было созвано совместное совещание претендующего на власть большевистского ревкома и Комитета национальных и областных комиссаров. Комиссары предложили большевикам создать объединенный фронтовой ВРК, в состав которого могли войти представители всех демократических организаций фронта, что, естественно, давало преобладание эсерам, меньшевикам и Центральной Раде. Непременным условием своего вхождения в этот орган комиссары ставили признание власти СНК только на территории собственно России, а не Украины. Для большевиков подобное требование и перевес их политических противников в таком ВРК был неприемлем. Один из членов большевистского ВРК поручик Корнев решился даже на отчаянный шаг — покушение на самого Д.Г.Щербачева. Однако попытка не удалась, и все члены большевистского ВРК были арестованы, в том числе С.Г.Рошаль, который вскоре был убит. 10-11 декабря украинизированные части по распоряжению Центральной Рады арестовали членов недавно созданных большевистских ревкомов 4-й и 6-й армий, а также Особой и 11-й армий соседнего Юго-Западного фронта. В ночь на 13 декабря ими был арестован весь состав большевистского ВРК 9-й армии. Одновременно румынское командование ввело на станцию Соколы, расположенную вблизи Ясс свои воинские части, которые к 10 декабря разоружили

сочувствующий большевикам местный гарнизон. В такой сложной и чреватой важными политическими и военными последствиями обстановке шла борьба между взаимно исключаящими друг друга силами Румынского фронта. Следует отметить, что эта борьба выходила за пределы этого фронта и охватывала армии соседнего Юго-Западного фронта, их тылы и разгоралась пламенем межнациональной борьбы на территории практически всей Украины. Фактически здесь шла борьба за национальное самоопределение Украины, руководимая Центральной Радой.

Местным армейским большевикам так и не удалось восстановить свои ревкомы на Румынском фронте. Вскоре Центральная Рада прервала связь армий фронта со Ставкой в Могилеве. Румынский фронт оказался отрезанным от России. В такой обстановке генерал Д.Г.Щербачев отменил демократизацию армии и предложил всему командному составу, опираясь на украинизированные части и соединения взять власть в свои руки. Демобилизация и отвод в тыл войск фронта происходили в трудных условиях. Вместе с организованно отошедшей 8-й армией, ушли части и соединения ряда корпусов 4-й и 9-й армий. Особо следует сказать о судьбе 6-й армии. Самочинная демобилизация проходившая здесь в течении декабря 1917 г. – начале января 1918 г., привела к тому, что большинство частей и соединений армии утратило боеспособность и в результате было разоружено румынскими войсками. Только отдельные части двух корпусов (4-го Сибирского и 47-го армейских корпусов) сумели прорваться в район Одессы-Тирасполя¹².

В таких драматических условиях происходила борьба за армию на русском европейском театре военных действий. Как было показано выше, на каждом из четырех Фронтов была своя специфика, но тем не менее было и много общего, особенно у Северного и Западного, другие же фронты – Юго-Западный и Румынский сильно отли-

чались от первых двух, где помимо всего прочего добавился национальный фактор.

Весьма сложная политическая обстановка после Октября создалась на самом дальнем русском фронте — Кавказском. Входящая в состав фронта Кавказская армия располагалась на территории Турции, а два отдельных корпуса — в Персии (Иране). Фронтные тылы были разбросаны по труднодоступной местности.

Откликом на события в Петрограде послужило создание уже 26 октября в Тифлисе (Тбилиси), где находился штаб фронта, эсеро-меньшевистским Краевым Советом Кавказской армии Закавказского комитета общественной безопасности, замененного 15 ноября Закавказским комиссариатом. В его состав вошли лидеры эсеров и меньшевиков Закавказья, а также местные дашнаки и мусаватисты. Следует напомнить, что Закавказский комиссариат проводил политику отторжения Закавказья от России. Первыми его шагами было заключение соглашения с Кубанской Радой, донским атаманом А.М.Калединым, дагестанскими и терскими сепаратистами о совместной борьбе против большевиков.

Краевому Совету Кавказской армии, командованию и Закавказскому комиссариату противостояло Бюро военных организаций при Кавказском краевом комитете РСДРП(б). Как и на всех остальных фронтах, солдаты Кавказского Фронта после обнародования Декрета о мире находились в ожидании реальных шагов новой власти в этом направлении. Стремясь привлечь солдат на свою сторону, командование и Закавказский комиссариат взяли на себя инициативу и 5 декабря заключили Эрзинджанское перемирие с Турцией. Затем, не дожидаясь распоряжения СНК командование фронта приступило к самочинной демобилизации, причем в первую очередь тех частей, где солдатские комитеты были перебраны, т.е. большевизированы. Одновременно по просьбе Закавказского комиссариата командование разрешило проводить

национализацию частей Кавказского фронта (создавались национальные армянские, грузинские, азербайджанские и украинские полки). Эти действия командования и националистов, казалось бы, полностью лишили местных большевиков возможности участвовать в дальнейшей борьбе за армию.

В сложившейся неблагоприятной для них обстановке большевики решили добиться переизбрания Краевого Совета Кавказской армии, стоявшего на антисоветских позициях, путем созыва съезда Кавказской армии. Съезд проходил в Тифлисе с 10 по 23 декабря 1917 г. Сблокировавшись с левыми эсерами, большевики получили твердое большинство голосов, что, естественно, отразилось на работе съезда. В принятых резолюциях было выражено недоверие Краевому Совету Кавказской армии с лишением его членов делегатских прав, осуждена антисоветская политика Закавказского комиссариата, приветствовался СНК, все советские декреты и содержалось требование немедленно установить Советскую власть в Закавказье. В составе вновь избранного съездом Краевого Совета Кавказской армии с небольшим перевесом (2 чел.) преобладали большевики и левые эсеры. Не смирившись с победой большевиков и левых эсеров, представители правого блока 27 декабря захватили помещение и средства Краевого Совета. Опираясь на поддержку командования и Закавказского комиссариата, они объявили себя также Краевым Советом Кавказской армии. Действия правого блока были также одобрены Краевым центром рабочих и крестьянским депутатов. В ответ левый блок объявил себя Революционным Краевым Советом Кавказской армии и на следующий день, 28 декабря, образовал большевистский ВРК Кавказской армии. Опасаясь новых враждебных действий со стороны своих политических противников. Революционный Краевой Совет переехал из Тифлиса в Баку, находившийся в то время, в руках большевиков. Вскоре, 5 января 1918 г., туда

же прибыл ВРК Кавказской армии. Свою деятельность ВРК начал с того, что направил своих представителей на различные участки Кавказского фронта для создания там сети местных ревкомов. Главной своей задачей ВРК считал проведение планомерного отвода поредевших в результате самочинной демобилизации и дезорганизованных частей в тыл. В январе 1918 г. под началом созданных большевиками местных ревкомов и при общем руководстве ВРК Кавказской армии начался организованный отвод остатков войск в тыл. Стремясь разоружить уходившие с фронта части, вооруженные формирования местных националистов организовывали нападения на воинские эшелоны. В ряде случаев им это удалось, но основная часть солдат фронта сумела с боями пробиться в район Баку и на Северный Кавказ, где в марте 1918 г. была демобилизована¹³.

В заключение необходимо пояснить, что автор не касался таких важных для послеоктябрьского периода вопросов, как заключение «солдатских миров», братание, выделение национальных частей, самочинная демобилизация, дезертирство и др.— это другая тема.

Следует не забывать, что все это происходило одновременно с острой борьбой за власть в армии между большевиками и их политическими противниками. Пока шла эта борьба, одни солдаты незаконно мобилизовывались своими войсковыми комитетами, другие просто дезертировали, третьи переходили в национальные формирования, а оставшиеся на фронте настолько были дезорганизованы, что являли собой уже не бойцов русской армии, а вооруженную толпу людей без погон и знаков различия, не представлявшую никакой серьезной угрозы для внешнего врага. Поэтому в этой борьбе не было победителей: русская армия не досталась никому, она развалилась, а ее остатки были полностью демобилизованы весной 1918 г.

-
- ¹ *Мини И.И.* Год 1918-й. М., 1982. С. 64.
  - ² См., например: Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. М., 1977; *Ткачук А.Г.* Военно-революционные комитеты на Юго-Западном и Румынском фронтах (октябрь 1917 г. – февраль 1918 г.) //Украинский исторический журнал. 1966. 5; *Саен Л.Я.* Военно-революционные комитеты Кавказского фронта (ноябрь 1917 – март 1918 г.) //Революционное движение в русской армии в 1917 году. Сб. ст. М., 1981; *Гаврилов Л.М.* Военно-революционные комитеты действующей армии в Великой Октябрьской социалистической революции // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986; *Базанов С.Н.* Роль военно-революционных комитетов действующей армии в ликвидации мятежа Керенского-Краснова //Исторические записки. Т. 116. 1988; *он же.* Роль военно-революционных комитетов действующей армии в осуществлении ленинского декрета о мире //Рабочий класс, его союзники и политические противники в 1917 году. Сб. научных трудов. Л., 1989.
  - ³ Правда. 1917. 27 октября.
  - ⁴ *Мини И.И.* История Великого Октября. 2-е изд. М., 1979. Т. 3. С. 317-318; *Френкин М.С.* Русская армия и революция 1917-1918. Мюнхен, 1978. С. 599.
  - ⁵ Окопная правда. 1917. 14 ноября.
  - ⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 10. Д. 208. Л. 179-180.
  - ⁷ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982. С. 392, 570.
  - ⁸ Известия Северо-Западного военно-революционного комитета. 1917. 10 ноября.
  - ⁹ РГВИА Ф. 2048. Оп. 1. Д. 543. Л. 105; Социал-демократ. 1917. 7 ноября; Известия ВЦИК. 1917. 12 ноября; Известия военно-революционного комитета 3-й армии. 1917. 22 ноября.
  - ¹⁰ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 368-369, 391-392, 437.
  - ¹¹ Воин-гражданин. 1917. 28 октября.
  - ¹² Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. С. 519-520.
  - ¹³ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 571-576, 579-580, 582-583, 589-590, 599-600.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Б.И.Гаврилов:

На фоне общей пассивности армии в какой мере борьба между старыми и новыми органами власти, между

военно-революционными и прежними эсеро-меньше-вистскими комитетами, влияла на углубление распада армии? Вы также упомянули о попытках противостоять процессу распада армии со стороны Румчерода. А как с этим боролись остальные комитеты на других фронтах?

С.Н.Базанов:

Как я уже отмечал, часть солдатских комитетов, особенно низового звена — ротные, батарейные и т.д., была большевизирована. В большинстве случаев такая большевизация была обеспечена за счет блока большевиков с левыми эсерами. В высших комитетах — армейских, корпусных, дивизионных, не говоря уже о фронтовых, безраздельно господствовали эсеры и меньшевики. Переизбрать такие комитеты было сложно и долго. Поэтому местные армейские большевики активно поддержали инициативу II Всероссийского съезда Советов о создании в действующей армии большевистских военно-революционных комитетов. В эти органы члены не избирались, а назначались по указанию местной армейской большевистской организации. Вот между непереизбранными солдатскими комитетами и большевистскими ВРК и шла ожесточенная политическая борьба за власть в действующей армии. И хотя основная солдатская масса в этой борьбе не участвовала, а занимала выжидательную позицию, все равно это отрицательно сказывалось на армии. Падала дисциплина, солдатская масса становилась неуправляемой. Авторитет старых комитетов неуклонно снижался, а новым военно-революционным комитетам еще нужно было его завоевать у солдат.

Что касается борьбы Румчерода за армию, то именно на Румынском фронте она, на мой взгляд, наиболее ярко проявилась. На других фронтах дело обстояло иначе. На Северном и Западном фронтах борьба за власть закончилась уже к середине ноября 1917 г. победой большевистских ВРК. Однако, следует заметить, что эта победа была

одержана только на уровне управления армией: были взяты под контроль ревкомов штабы фронтов, армий, корпусов и т.д. Солдатская же масса так и осталась неуправляемой. На Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах большевикам так и не удалось взять власть на уровне фронта и армии, не говоря уже о завоевании солдатских масс. Здесь им противостояли не только эсеро-меньшевистские комитеты и командование, но и добавился национальный фактор. На Юго-Западном и Румынском фронтах это была Центральная Рада, а на Кавказском – Закавказский комиссариат.

А.К.Соколов:

У меня три вопроса, частично связанные с уже прозвучавшим вопросом.

Первый вопрос: можете ли вы привести данные о размерах дезертирства из действующей армии, а также об организованной демобилизации, потому что объект борьбы все время сокращался.

Второй вопрос, связанный с этим. Были ли какие-нибудь нюансы в политике взаимоотношений различных политических партий в отношении развала армии, попытки удержать фронт и пресекать дезертирство? Какова была в этом отношении позиция большевиков и левых эсеров?

Третий вопрос возник в связи с вашей заключительной фразой о том, что в марте 1918 г. старая армия прекратила свое существование. Но по моим данным, если говорить о вопросе формирования Красной Армии на добровольческих началах, то основной ее костяк составляли части старой армии. Прав я или нет?

С.Н.Базанов:

Первый вопрос – данные о дезертирстве. По послеоктябрьскому периоду точных данных нет, т.к. в сводках сведений указывалось количество солдат самовольно покинувших свои части, а также не вернувшихся из отпусков. Там же были сведения и о вернувшихся на фронт

солдатах. Таким образом, все время шла ротация, причем не вернувшихся всегда было больше, чем вернувшихся солдат. Что же касается вопроса об организованной демобилизации, то могу сообщить, что в 1998 г. у меня вышла в «Военно-историческом журнале» в 2 статья «Демобилизация русской армии». В ней на основе архивных материалов поэтапно показан процесс демобилизации действующей армии. Условно он состоял из двух этапов: 1) неорганизованной самочинной демобилизации, проводимой местными солдатскими комитетами (ноябрь-декабрь 1917 г.); 2) организованной демобилизации по срокам призыва, руководимый Советским правительством (январь-апрель 1918 г.).

Вопрос второй – какова была позиция большевиков и их политических противников в вопросе о дезертирстве. И те и другие осуждали дезертирство, как могли боролись с этим негативным явлением. Это подтверждается многочисленными резолюциями, принятыми на заседаниях солдатских комитетов различного звена, причем как большевизированных, так и эсеро-меньшевистских.

Третий вопрос о том, что солдаты и офицеры старой армии составили основной костяк Красной Армии. Я с этим согласен. Хотя, если учесть, что старая армия в 1917 г. насчитывала около 9 млн. чел., из которых 7 млн. находились на фронте, а Красная Армия к апрелю 1918 г. состояла из 150 тыс. бойцов, причем не все они были бывшими солдатами старой армии, это не так уж много. У меня есть данные по 5-й армии Северного фронта о количестве солдат, добровольно вступивших в Красную Армию в начале февраля 1918 г. Это примерно 3,5 тыс. чел. Замечу, что в 1917 г. в этой армии находилось более 350 тыс. солдат и офицеров. Таким образом, число солдат-добровольцев на примере этой, наиболее большевизированной из всех 14-ти русских армий, составило 1% от всего личного состава. Именно солдаты-фронтовики, записавшиеся добровольцами в Красную Армию состави-

ли ее основной костяк, стали впоследствии красными командирами различного звена. В основном, как мы знаем, старая армия была крестьянской. Солдаты стремились домой к аграрному дележу. Они хотели получить землю и мирно на ней работать. При этом фронтовики всячески противились участвовать в разгорающейся гражданской войне.

А.К.Соколов:

Мы забываем еще, что в старой армии был контингент профессиональных военных, которым вообще некуда было деваться.

С.Н.Базанов:

Профессиональные военные от генерала до унтер-офицера сверхсрочника добровольно шли как в Красную Армию, так и в различные белогвардейские формирования. Наиболее подробно этот вопрос изучен А.Г.Кавтарадзе. В 1988 г. у него вышла монография «Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг.». Что же касается солдатской массы, то часть ее шла в Красную Армию, другая к белым, а третья (украинцы, армяне, грузины и др.) – в национальные формирования. Здесь разобраться сложно, почему один солдат ушел к красным, а другой – к белым.

Л.Н.Нежинский:

Тут роль играли не столько военные постановления, сколько акты в отношении землевладения, которые начали себя отчетливо проявлять уже в январе-феврале 1918 г.

Докладчик правильно показывает, что в основном гражданская война осенью 1917 г. была все-таки в зародышевом состоянии. А самые крупные толчки дали январь-февраль 1918 г., и прежде всего все главные социально-экономические декреты новой власти. Вот тут уже солдат и задумался, как ему дальше быть: получит он

этот клочок земли, если уйдет из армии, или не получит. И если получит, то от кого. Если он пойдет к белым, те что-то обещали. Если солдат пойдет к красным, их обещания уже явно затухали, особенно с февраля 1918 г., когда пошли конкретные декреты об управлении земельными отношениями и т.д. Вот тут началась уже конкретика, и солдат начал уже круто соображать, куда ему дальше деваться. Часть демобилизованных солдат пошла домой, чтобы поскорее захватить землю на основе того законодательства, в том числе и губернского, которое пока еще было и которое, как солдатам сообщили и они знали, действовало. Вот отсюда и такой активный процесс самодемобилизации.

И последнее. Назову вам цифры. Я выяснял это в связи с изучением проблемы Брестского мира. Ведь в Брестском мирном договоре была одна из статей, которая запрещала иметь Советской России армию и ни в коем случае не проводить ее дальнейшее наращивание. Но так как немцы нарушали статьи Брестского мирного договора, то и РСФСР потихоньку стала нарушать их, и по тем данным, которые я нашел, если где-то к марту 1918 г. первые части Красной Армии, созданные в том числе и на основе старой армии, насчитывали порядка 15-20, но не больше 25 тыс., то к ноябрю 1918 г. Красная Армия насчитывала уже 720-740 тыс. (*С.Н.Базанов*: это уже мобилизации дали). Да. Но это на новой основе, на других уже основаниях. Это к вопросу о наследии армии, как оно использовалось. А до этого были такие небольшие цифры, хотя, повторяю, была специальная очень жесткая статья не в пользу Советской России по Брестскому миру: ни в коем случае не создавать новых воинских частей, и более того, демобилизовать даже те, которые были уже созданы к 3 марта 1918 г.

Все это надо дальше исследовать. Кстати, вы упомянули, что солдат обрадовал Декрет о мире. Правильно! Но там же была еще одна статья, которую не довели до

воинских частей как следует, в приказном порядке. Ни в коем случае армия не распускалась, а предлагалось в течение трех месяцев вести переговоры, и только когда уже в декабре 1917 г. немцы пошли на переговоры, вот тогда решили: ну все, переговоры уже начались! И вот тогда процесс самодемобилизации пошел уже такой лавиной, которую никто не мог остановить.

Г.Д.Алексеева:

Само понятие «большевизация» в то время, о котором вы говорите, и для последующих историков — оно наполнялось каким-то содержанием? Вообще как выглядит само понятие «большевизация», какой смысл вкладывали в него участники событий, современники, и отличается ли оно от наших сегодняшних представлений?

С.Н.Базанов:

«Большевизация» — это термин 1917 г., и он, в общем-то, не претерпел никакой эволюции. Под большевизацией понимается переход местных Советов, а применительно к армии солдатских комитетов под большевистское влияние. Это не обязательно, что большинство мест в Советах или комитетах занимали большевики. Мог быть и блок большевиков с левыми эсерами, и меньшевиками-интернационалистами. Вполне достаточно было стоять на платформе Советской власти, т.е. поддерживать основные декреты СНК, чтобы сказать, что этот Совет в том или ином уезде или комитет в том или ином полку большевизирован. Вот это и есть большевизация. Это не обязательно означает численный рост собственно большевиков, главное — сторонники новой власти. Могли быть и сочувствующие, и беспартийные члены Совета, это без разницы. Главное, чтобы этот орган поддерживал бы всю политику послеоктябрьского Петрограда, стоял на платформе Совета Народных Комиссаров и Советской власти.

Л.Н.Нежинский:

Л.М.Гаврилов в своей монографии «Солдатские комитеты в Октябрьской революции», вышедшей в 1983 г., касался вопроса «большевизации» довольно подробно. С тех пор видимо мало что прояснилось в анализе этой ситуации.

С.Н.Базанов:

Совершенно верно.

А.К.Соколов:

Можно более широко понимать: деятельность политических комиссаров, внедрение идеологии.

Г.Д.Алексеева:

Я хотела бы, чтобы докладчик дополнил еще один важный вопрос. А что было с позицией тех, с которыми большевики боролись? Что противопоставляли большевикам эсеровские комитеты, меньшевистско-эсеровские организации и их руководство? Почему большевики вот так запросто все решили. Это игра в какой-то мере старая.

Л.Н.Нежинский:

Тем более, что игра была не в одни ворота, а в армии особенно. Я с вами в этом согласен.

С.Н.Базанов:

У большевиков, конечно, был неоспоримый козырь: это Декрет о мире и Декрет о земле. Большевики и эсеры, будучи у власти, и во ВЦИКе, и во Временном правительстве земли и мира не давали.

Л.Н.Нежинский:

Но большевики первоначально были в союзе, в коалиции с левыми эсерами. И, кстати, основная часть Декрета о земле была взята из эсеровского документа.

С.Н.Базанов:

Да, это было так. Но для солдат было особенно важно, что именно большевики первые дали эти Декреты о мире и земле. Я иногда смотрю, в западной литературе пишут: вот, дескать, если бы А.Ф.Керенский успел дать Декрет о мире и Декрет о земле, то Октября не было бы. Ну, как говорится, что было бы, это трудно сказать. Но тем не менее в западной литературе об этом пишут.

Л.Н.Нежинский:

Доклад силен не только теми проблемами, которые поставил докладчик, но и теми мыслями, проблемами, которые этот доклад навевает после того, как мы его прослушали. При подготовке книги обязательно в предисловии следует шире обратиться к этой проблеме, ибо если вы посмотрите на все XX столетие, то увидите, какая ожесточенная борьба шла за армию практически в подавляющем большинстве стран, где назревали те или иные социальные перевороты, события того или иного рода и т.д. Кроме России, кроме Германии. Кстати, в Германии шла очень жесткая борьба за армию, начиная (так совпало) где-то с 1917 г., особенно в 1918 г. Ведь собственно на этом кайзер Вильгельм II и «погорел», потому что он не сумел обеспечить себе прочную поддержку армии, после чего уже вспыхнули известные события 9 ноября 1918 г., и кайзер вынужден был отправиться в Голландию на долгое проживание. Я, наконец, не говорю о таких странах, как Чили, как африканские страны, об Индонезии, об Испании 1936 г., где все с армии началось, о Пакистане. Все это подтверждает, что тема крайне остра, болезненна, актуальна не только с точки зрения истории нашей страны, но и всемирной истории XX столетия, и, что самое главное – она не иссякает на наших глазах. Видимо, она будет в ближайшее десятилетие более чем актуальна в плане историко-социологических исследований и т.д. Поэтому крайне сложный драматический рубеж в истории нашей страны применительно к борьбе за армию будет представлять безусловную ценность и актуальность.

Таким образом, я подчеркнул значимость данной проблематики, ту ценность разработок, которые провел автор, и хочу пожелать ему дальнейших успехов в разработке этой безусловно интересной, актуальной и крайне необходимой тематики для нашего Института, да и не только для нашего Института, но для отечественной историографии в целом.

ИНОСТРАНЦЫ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1920-1930-х ГОДОВ*

Определяя «большие» и важные историографические проблемы, историки зачастую исходили из господствовавших методологических и идеологических установок о первостепенности исследования тех или иных сюжетов. С течением времени в рамках традиционалистского взгляда на прошлое сложилась даже своеобразная «шкала исторических приоритетов». К сожалению, в ней почти не находилось места для социально-исторических работ, в центре внимания которых — изучение рядового человека, его семьи и окружения, бытовой и производственной повседневности, малых социумов — то есть тех элементарных ячеек, которые образуют сложный общественный организм вкупе с многообразием социальных связей. Одним из слабых мест историографии, определивших ее современное кризисное состояние, является многолетнее увлечение глобальными процессами, в значительной степени формализованными и унифицированными, в ущерб изучению глубинных явлений по всей широте «исторической лестницы». Между тем, как становится все более очевидным, своеобразие истории состоит в стремлении осмыслить реальную социальную практику прошлого в присущем ей многообразии, причем ее опыт не может быть понят только через глобальное, массовое и повторяющееся. Осмысление глобальных явлений и исторических процессов возможно только с учетом того, что реализоваться они могут лишь опосредованно, в индивидуальном, через человеческую деятельность. Но как именно? В связи с этим вопросом особую значимость приобретает исследование объективных и субъективных об-

---

* Доклад сделан на заседании Ученого совета ИРИ РАН 28 января 1999 г.

стоятельств «вмешательства» человека в ход событий. В этом смысле социальная история иностранной колонии в СССР впервые применительно к советской историографии сталинского периода выводит указанные теоретические наработки в практическую плоскость, что особенно существенно в условиях распространенности в историографии концепции тоталитаризма, отрицающей за рядовой личностью роль заметного игрока на историческом поле.

Большое всегда вырастает из малого. Чем «ниже» спускается историк из виртуальной научной лаборатории, с четко очерченным понятийным аппаратом и аксиомами из учебников, в лабиринты реального прошлого, тем чаще ему приходится убеждаться, как плохо здесь действует «компас» из классического набора знаний, создающий в значительной степени искаженную картину. На его пути вместо известных вождей и героев встречаются по большей части незнакомые обычные люди и относящиеся к их жизнедеятельности, на первый взгляд, разрозненные детали и подробности; здесь куда больше места субъективному и случайному, эмоциям, ЧП и казусам. Кроме того, «малое», как правило, не лежит на поверхности, не бросается в глаза (зачастую оно вообще не различимо невооруженным глазом и представляет собой скрытую часть «айсберга истории»), значительно хуже отражено в источниках, быстрее стирается из человеческой памяти и, наконец, часто не вписывается ни в какие общепринятые концепции и схемы, подпадая под категорию «уникального», вокруг которой специалисты уже давно скрестили шпаги. Все сказанное не означает стремления автора к абсолютизации микроистории, биографической истории и социально-исторических подходов в целом. Трудно оспаривать, что без учета «большого» и типического невозможно в полной мере проанализировать «малое» и уникальное, в том числе и потому, что любая попытка осмыслить индивидуальный казус невольно требует «вписать» его в более общий контекст,

соизмерить с окружающим миром. Таким образом, в «исторической природе» всегда существует своего рода баланс микро- и макрокосмов, в принципе органично дополняющих друг друга. По этой причине господствовавший до последнего времени в отечественной историографии принцип разделения на заведомо приоритетные (как правило, глобальные) проблемы и «мелкотемье» не выдерживает критики. Становится очевидной необходимость «гармонизации» историографической ситуации путем привлечения внимания к актуальности социально-исторических исследований, демонстрации на практике плодотворности их методов и приемов для расширения и «децентрализации» общего «исторического поля». Нельзя отрицать, что такая гармонизация ведет к пересмотру или существенному смещению акцентов в представлениях о советском прошлом, в частности, о роли в нем «маленького человека», частной сферы и малых социумов, повседневной жизни, о соотношении общества и государства, закономерного и случайного факторов и т.д. Особый социально-исторический ракурс, представленный в исследовании, заключается в том, что в центре его находятся конкретные рядовые люди, выступающие актерами на исторической сцене, действующие в зависимости от складывающихся конкретных ситуаций, обстоятельств и собственных представлений. Наконец, важно было дать ответ на вопрос: позволяет ли источниковая база по советской истории реконструировать биографии «рядовых» людей на уровне, сопоставимом с биографиями «вождей»? Таким образом, данная монография — своеобразный «полигон» для апробации социально-исторических методик.

Все вышесказанное, конечно, несколько не умаляет самостоятельного научного значения темы «Иностранцы в Советской России в 1920-1930-е годы». Феномен иностранной эмиграции в СССР изучен крайне слабо, причем советская и зарубежная историографии развивались в этом направлении автономно. Частично это связано с

идеологическими установками (тема оказалась крайне политизированной), частью тем, что долгие годы источники об иностранцах — их приехали сюда десятки тысяч — были засекречены. Сейчас ситуация изменилась. При написании рукописи изучены материалы более 10 архивов России и США, в том числе РГАСПИ, ГАРФ, РГАЭ, АВП РФ, архивы МВД, ФСБ и др.; Национальные архивы в Вашингтоне и архив Гуверовского центра в Стэнфорде. Особенность данного исследования заключается в том, что оно построено почти исключительно на документах, впервые вводимых в научный оборот. Это относится как к архивным коллекциям, так и к малотиражной периодике, а также — к материалам авторских интервью. Они призваны не только в известной степени заполнить информационные лакуны, но и в полной мере использовать уникальные информативные преимущества интервьюирования непосредственных очевидцев и участников описываемых событий, в частности, для выявления и демонстрации тех деталей повседневности, которые по определению не могли быть отражены в иных типах источников.

Уникальность социальной категории иностранцев состоит в том, что прибывшие из разных стран и являющиеся носителями разных культур, ментальностей, политических традиций, производственных навыков, бытовых привычек, тысячи иностранцев (политических, экономических эмигрантов, членов их семей и др.), в отличие от большинства советских граждан, имели возможность сопоставлять советскую действительность с Западом. В силу этого их взгляд на СССР был зачастую более острым и точным, а поведение более адекватным реалиям. После изучения основных волн миграции и категорий иностранцев в СССР выяснилось, что наиболее многочисленной и представительной общностью являются иностранные рабочие, специалисты и члены их семей. Среди них были экономические и политические эмигранты,

коммунисты и беспартийные, представители разных национальностей, профессий, образовательного уровня, пола, возраста и др. Трудившиеся бок о бок с русскими коллегами, они питались в столовых, жили в коммунальных, участвовали в соцсоревновании и ударничестве. Кроме того, имея иностранное гражданство в качестве своеобразного щита, многие иностранцы, в частности, экономические эмигранты, получали не только возможность относительно свободного выражения мыслей и взглядов, но и реальную альтернативу действий: уехать назад или остаться. Подробное изучение обстоятельств решения иностранцами этой ключевой, на наш взгляд, «проблемы выбора», перманентно стоявшей перед ними, в особенности, в течение 1930-х гг., представляется чрезвычайно важным для всестороннего исследования специфики советского общества этого времени, его как привлекающих, так и отталкивающих с точки зрения иностранцев сторон. Центральной задачей исследования являлось выяснение, возможно ли и в какой мере через детальное изучение микросоциума иностранцев Электростанции, зачастую их глазами, через их поведение, социальную практику, через бытовую и производственную повседневность показать характерные черты советской жизни 1920-1930-х гг.? То есть, речь идет о том, как через микроисторию и новые источники выйти на решение ключевых макропроблем советского времени.

Иностранная колония Электростанции была самой крупной в Москве и одной из наиболее многочисленных в СССР. В начале 1930-х гг. она насчитывала около 180 работников, а с приехавшими с ними членами семей — до 400 чел. Подавляющее большинство принадлежало к высококвалифицированным рабочим и техникам. По национальности большинство (около 70%) были немцами, на втором месте по численности стояли американцы, трудились также чехи, поляки, австрийцы, швейцарцы, венгры и др. Формально почти все являлись экономиче-

скими иммигрантами, поскольку ехали в СССР трудиться по контракту, спасаясь от безработицы. Вместе с тем, более половины были коммунистами, другие сочувствовали им или по крайней мере с нескрываемым интересом относились к «советскому эксперименту». Это говорит о том, что экономические и идейные причины приезда неразрывно сосуществовали в умах иностранцев. Несколько десятков человек принадлежало к политэмигрантам. Они трудились на Электрозаводе по направлению МОПР. Нетрудно заметить и то, что имидж СССР в глазах инорбочих, особенно из западного далека, был весьма благоприятен, как и их ожидания о том, что предстояло увидеть в стране Советов. Как видно из документов, разница между ожиданиями и реалиями оказалась существенной, и в этом иноколония Электрозавода не была исключением.

Электрозавод был создан в 1928 г. на основе слияния нескольких мелких фабрик. В 1930-е гг. он входил в число ключевых производств, насыщенных передовой техникой, от успешной работы которых во многом зависел общий ход индустриализации страны. Электрозавод производил трансформаторы, электролампы, прожекторы, автотракторное электрооборудование и др. Он был также монополистом в отношении производства вольфрама. Приглашение в конце 1930 г. на Электрозавод значительного количества иностранцев, прежде всего — немцев и американцев, не было частной мерой в отношении данного предприятия, а безусловно отражало общие тенденции и конкретные решения советского руководства относительно привлечения иностранной рабочей силы для успешного решения задач индустриализации страны. Опытные иностранцы должны были помочь организовать новое для страны производство, инсталлировать и пустить импортное оборудование, научить советских рабочих — вчерашних выходцев из деревни — навыкам индустриального труда.

Однако на самом деле история иностранной колонии Электрозавода начинается не в 1930 г., а в 1923-1924 гг.,

когда перед Московским объединением фабрик электроламп (МОФЭЛ), вошедшем позднее в Электрозавод, была поставлена задача наладить производство вольфрамовой нити для электроламп. С этой целью в СССР была приглашена группа квалифицированных берлинских рабочих с фирмы ОСРАМ, которые привезли с собой технологические секреты и помогли наладить изготовление отечественных электроламп. Об этой группе иностранцев, обстоятельствах их приезда, об особенностях работы и жизни в СССР в 1920-е гг., об их социальной адаптации через иностранные клубы рассказывается в первой части исследования. В связи с изучением обстоятельств приезда в СССР группы немецких рабочих впервые предпринята попытка документальной реконструкции (прежде всего через биографическую историю) шпионской операции «вольфрам». При этом реконструированы биографии не только иностранцев, но и рядовых советских людей из их окружения, которые реально «делали историю». Решение в середине 1920-х гг. с помощью иностранных пролетариев «вольфрамовой проблемы» имело исключительное значение для отечественной электропромышленности и создало предпосылки для дальнейшей индустриализации страны.

Вторая часть исследования представляет собой микроанализ жизнедеятельности значительно пополнившейся иностранной колонии Электrozавода в 1930-е гг. и посвящена опыту «массового хождения» иностранцев в реальный социализм. В ней исследуется структура и специфика иноколонии Электrozавода по сравнению с иноколониями других предприятий, предпринята попытка нарисовать портреты данной общности и ее членов. В данной работе иностранец показан одновременно с самых разных сторон — как член иностранной колонии — специфической части советского общества, принадлежащий к определенной национально-культурной, профес-

сиональной, партийно-политической, половозрастной категориям, как член коллектива бригады и цеха, как член семьи, в кругу друзей, наконец, как индивид. В специальных главах и разделах рассмотрены, в частности, такие вопросы, как критерии вербовки инорботников, условия контракта и действительная зависимость найма от квалификации и партийной принадлежности кандидатов, ожидания и реальная заработная плата, проблема выплаты валюты и стимулирования труда, снабжение, питание и жилищные условия семей, отношение к коммунальному быту; изучена история одного из домов Электростанции, специально построенного в 1931 г. для инорботников. Проанализированы условия повседневной трудовой деятельности иностранцев на Электростанции, степень их участия и отношение к ударничеству, соцсоревнованию и рационализаторству; исследована общественно-политическая активность и культурная жизнь иностранцев, их представления о положительных и отрицательных сторонах советской действительности, выявлены проблемы адаптации иностранцев к жизни в СССР. Специально изучена проблема соотношения рационального и эмоционального восприятия советской действительности, проанализированы причины частых эмоциональных срывов, исследованы конфликтные ситуации в быту и на производстве как между иностранными работниками, так и иностранцами и русскими. Перечислю некоторые из важных выводов. Так, благодаря использованию микроанализа, удалось, например, выяснить, что инорботники наиболее болезненно воспринимали не бытовые и материальные недостатки, а социальную несправедливость в СССР, бюрократизм, невнимание властей к нуждам рядовых людей, пропасть между красивыми словами пропаганды и реальным делом. На основании источников удалось выявить противоречия между советскими гражданами и иностранцами, внутри же иноколо-

нии прослеживается разделение по национальному, партийному, половозрастному признаку, по принадлежности к определенной квалификационной (иноспециалисты, инорабочие) и эмигрантской категориям (политические, экономические эмигранты и др.), по наличию привилегий, включая валютную часть заработка. Оказалось, что национальные чувства, проблемы и различия в среде инорабочих — намного более существенны, чем предполагала советская пропаганда, уверенная, что передовой пролетариат Запада интернационален по своей природе; что в реальных ситуациях иностранцы интересы семьи ставили выше идейных установок и что наиболее критически к недостаткам в СССР оказались настроены не беспартийные инорабочие или политэмигранты, а рядовые инорабочие-коммунисты от станка. Они же больше всего пострадали в период массовых репрессий, вопреки распространенному в историографии суждению, что в процентном отношении самый сильный удар сталинского террора обрушился на политэмигрантов. Выяснилось также, что на микроуровне не подтверждается мнение некоторых историков о том, что ключевое социальное противоречие 1930-х гг. проходило по линии обладания властными функциями (дихотомия «мы» — народ, «они» — власть).

Прибывшие на стройки социализма кадровые иностранные рабочие, которых еще вчера горячо приветствовали как «друзей страны Советов», называли авангардом мировой революции, лучшими представителями революционного пролетариата Запада, «голосовали ногами» против увиденного в СССР. За это они были обвинены советской пропагандой в «мелкобуржуазности» и все более противопоставлялись советским рабочим — не мнимым, «обуржуазившимся», а настоящим пролетариям, героически преодолевающим трудности и строящим коммунизм. Подавляющее большинство работавших на стройках социализма иностранцев вернулось на родину частично или полностью разочарованными в увиденном

и пережитом. Отъезд из СССР в период 1931-1932 гг. можно отнести к первой заметной волне возвращений. Ее особенностью являлось то, что адаптационный период совпал с прекращением выплаты валюты иноробочим, с введением сдельщины, к которой большинство иностранцев относилось отрицательно, с сильными инфляционными процессами и падением реальной покупательной способности рубля, с политизацией жизни в стране. В дальнейшем, в связи с прекращением в конце 1931 г. рекрутирования в массовом порядке иностранной рабочей силы, для оставшихся вопросы адаптации не стояли столь остро, как в первое время. С середины 1930-х годов выявились куда более тревожные политические тенденции, сопровождавшиеся идеологическим нажимом, принуждением к принятию советского гражданства, недопущением возвращения иностранцев на родину. Все это проявлялись тенденции к ревизии представлений о советском рабочем классе как «младшем брате» более многочисленного, опытного, сознательного и подготовленного к социалистическим преобразованиям европейского пролетариата. Все это вызвало вторую волну эмиграции ранее безусловно просоветски настроенных иностранцев, включая немецких коммунистов, из Союза.

Вопрос о том, как именно сказался жизненный опыт в СССР на трансформации их взглядов, настроений и на последующем поведении в Германии, включая отношение к национал-социализму, рассмотрен на основании трофейных германских документов гестапо и фашистского МИДа. В последнее время в германской историографии активно поднимается вопрос о том, как могло случиться, что немецкие рабочие, известные традиционной приверженностью коммунистическим идеалам, не только допустили, но и во многом поддержали приход Гитлера к власти в 1933 г. Ясно, что процесс серьезных изменений в сознании германского пролетариата и рядового немецкого гражданина вообще — от неприятия в массе своей фашизма до фактической поддержки нацио-

нал-социализма был сложным, многофакторным и длительным. Однако, вероятно, особенно быстрыми темпами на уровне «маленького человека» переоценка ценностей шла именно в период 1930-х гг. Вопрос о том, случайно или нет этот процесс хронологически совпал с единственным в своем роде массовым опытом «хождения» наиболее сознательных и просоветски настроенных немецких рабочих (в общей сложности несколько десятков тысяч человек) в реальный социализм, до сих пор основательно не был изучен. Исследование этой проблемы было невозможным без углубленного изучения процессов, происходивших внутри германской иммигрантской колонии в СССР в этот период, в частности, на уровне колониальных конкретных предприятий и мини-социумов. Именно эти вопросы подняты на основе использования нового архивного материала в нашей работе. Следует учесть, что для многих рядовых немецких рабочих разочарование в советской модели социализма, воспринимаемой не в теории, а на основе советской повседневности и собственного жизненного опыта, вело не только к крушению иллюзий, но и объективно толкало к поиску альтернативы в рамках их сформировавшегося социалистического мировосприятия, которой и мог стать национал-социализм или по крайней мере позиция непротивления ему. Процесс их «прозрения» в отношении СССР сопровождался превращением немецких рабочих из твердых коммунистов в симпатизеров германского «нового порядка», обещавшего рядовым людям работу, достойную жизнь, приоритет национальных и семейных ценностей. «Головокружение от небывалых успехов» первых пятилеток привело к разыгрыванию карты «советского шовинизма» и к разрушению в угоду сиюминутным политическим амбициям фундаментальных основ пролетарского интернационализма. Вряд ли Сталин мог больше навредить СССР и сделать более ценный подарок Гитлеру и нацио-

нал-социалистической идее, чем преследование на национальной почве просоветски настроенных иммигрантов и живших в СССР немцев, игнорирование их национальных чувств, аресты и высылка с «родины всех трудящихся». Вернувшиеся из СССР реэмигранты были морально сломлены предательством советского руководства, что и констатировали сводки местных отделов гестапо, в которых отмечалось, что вернувшиеся в Германию бывшие коммунистические активисты в силу пережитого в Советском Союзе «для целей коммунистической пропаганды более не пригодны».

К 1937 г. иноколония Электростанции сократилась с нескольких сот до нескольких десятков человек. Остались принявшие советское гражданство или ожидавшие решения об этом, а также те, кто нашел в СССР свое семейное счастье или имел основания опасаться фашистского концлагеря. Почти все они были арестованы НКВД в 1937-1938 гг. Раздел «Между молотом и наковальней» посвящен исследованию последних лет существования иноколонии. Впервые в историографии показаны массовые репрессии на микроуровне общества под особым социально-историческим ракурсом. Речь идет о попытке одновременной реконструкции поведения арестованных мужчин-иностранцев Электростанции на допросах и следствии, а также их жен и членов семей, которые не были арестованы, но испытывали огромные моральные страдания.

Наверное, один из существенных общих выводов, который может быть сделан на основании данного исследования, — важность и перспективность социально-исторических подходов, в частности, микроистории и биографической истории для изучения советского прошлого. Из работы, в частности, видно, насколько относительным является разделение на микро- и макрообъекты. В зависимости от ракурса и конкретных исследовательских задач, тот же самый предмет может рассматриваться как

объект и микро-, и макроистории. Более того, известная парадоксальность ситуации заключается в том, что, как фотограф, нацеливая «объектив» своего исследовательского интереса на определенный микрообъект, историк всеми средствами пытается путем фокусировки «увеличить» масштаб и добиться четкого изображения, превращая его тем самым на время в макрообъект по сравнению с иными, «не попавшими в объектив» или оказавшимися на заднем плане предметами. Периодически перенося в ходе исследования «фокус объектива» на разные объекты исследования, историк тем самым субъективно меняет знаки макро- и микрообъектов, получая в итоге что-то похожее на объемное видение объекта. Так, по сравнению с биографией, историей семьи или реконструкцией конкретного случая или факта из жизни отдельного иностранца, иноколония Электрозавода особенно многотысячная иноколония в СССР, с точки зрения социальной истории, — безусловно макрообъект.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Л.Н.Нежинский:

Скажите, пожалуйста, главная цель этими рабочими была достигнута, заработать им удалось что-то или нет? Ведь они в основном ехали, чтобы заработать здесь.

С.В.Журавлев:

Если говорить об иноколонии в целом, то ехали по разным причинам, не только за деньгами. Например, политэмигранты — по политическим, члены семей эмигрантов — по семейным, за своими мужьями и отцами. Зарабатывать на проживание они были вынуждены в СССР в любом случае. Что касается иноработников Электрозаво-

да, то в специальном разделе: «За деньгами или помогать строить социализм?» дается ответ на данный вопрос. Выделялось несколько групп иностранцев. Первая — иноспециалисты, трудившиеся, как правило, по контрактам от инофирм и получавшие большие суммы в валюте (до 1200 долларов в месяц). Вторая — квалифицированные инорабочие, в основном из числа бывших безработных Германии, получавшие в начале 1930-х гг. на заводе порядка 200-280 руб. Разница огромная, больше, чем на родине. Формально обе группы относились к экономическим иммигрантам. Материальные факторы, как показывают документы, для иностранцев, особенно семейных, действительно были крайне важны. Но для второй группы (среди инорабочих более половины составляли коммунисты) не меньшую роль играл и идейный аспект, искреннее желание строить социализм. Противоречие между материальной и идейной установками в советских условиях было особенно болезненным. Хорошо заработать удалось принадлежавшим к первой группе, остальным лишь более-менее хватало на жизнь.

Г.А.Куманев:

На чьи деньги они добирались из-за границы?

С.В.Журавлев:

С иноработниками заключался типовой контракт, который, как правило, предусматривал проезд работника, членов его семьи и имущества за счет Электростанции или Электротреста. Кроме того, завод должен был оплачивать отпуска, включая проездные документы. Были, правда, и такие, кто приезжал в СССР за свой счет (в составе тургруппы, профсоюзной делегации, для посещения родственников и др.) и оставался работать на условиях колдоговора. На них льготы по проезду родных и имущества не распространялись.

А.К.Соколов:

Ваша монография хорошо показывает, что к середине – второй половине 1930-х гг. возрастает конфликтность как между самими иностранными рабочими, так и между иностранными и советскими рабочими. Как бы Вы объяснили эти явления?

С.В.Журавлев:

Действительно, в работе немало места отведено эмоциональному фактору в истории и рассмотрению конкретных ЧП, конфликтных ситуаций как в бытовой, так и в производственной плоскости с участием иностранцев и их русского окружения. Часто оказывается, что суть большого кроется в малом. Так и причины большинства конфликтов на Электрозаводе лежали в крайне сложных и противоречивых процессах, которые происходили в стране и эхом отзывались в коллективах предприятий, включая иноколонии. Речь идет, на первый взгляд, о разных вещах, которые, пересекаясь и накладываясь друг на друга, создавали обстановку эмоциональной напряженности. Это – неудовлетворенность экономическим и политическим положением, неустроенность быта, социальная несправедливость, принуждение к принятию советского гражданства и отказ от идей пролетарского интернационализма, бессилие в борьбе с советским бюрократизмом и в отстаивании своих прав перед заводской администрацией, противоречия с советскими работниками, не прекращающаяся штурмовщина и авралы на производстве. Понятно, что все новые тенденции и политические кампании горячо обсуждались в иносоциуме, вызывая острые споры и поляризацию в их среде. Вне всякого сомнения, положение в СССР сравнивалось с ситуацией на Западе. Рядовые инокоммунисты разочаровывались в советском социализме и покидали страну Советов. Другие казались дезориентированными, третьи предлагали безоговорочно следовать линии Коминтерна.

Кроме того, к середине 1930-х гг., после нескольких лет проживания в СССР, иностранцам стало понятно,

что многие вопиющие проблемы, которые списывались за счет временных трудностей форсированной модернизации, никуда не исчезли и носят системный характер. Это относилось к чуждым для психологии иноработника штурмовщине и сверхурочным, к простоям и затем — работе в 2-3 смены в ущерб семье и здоровью, к сохраняющемуся низкому уровню организации производства и исполнительской дисциплины, к фактам унижения и зависимости работника от цеховой администрации, к слабому стимулированию труда и невниманию к рацпредложениям. Многие вещи были настолько очевидны, что их невыполнение, по мнению иностранцев, могло объясняться только словами «саботаж» и «вредительство». Неудивительно, что в их среде получили широкую поддержку кампании по наведению порядка на производстве, решительной борьбе с вредителями и врагами народа. В то же время не скрываемое иностранцами стремление заработать, жить в хороших условиях и красиво одеваться, протест против авралов, нежелание трудиться по принципу «эх, ухнем!» и поступаться собственным отдыхом и интересами семьи, привычка всегда, даже в мелочах, отстаивать свои права и достоинство, — все это и многое другое не всегда вызывало понимание у молодых советских рабочих, которым к тому же пропаганда внушала, что пролетарии Запада «обуржуазились», утратили революционную сознательность и теперь уже все равняются на них, — тех, кто успехами соцстроительства доказывают свою авангардную роль в мире. Кстати говоря, именно благодаря специфике монографии, в которой иностранцы Электrozавода анализируются не изолированно, а в тесной связи с советским окружением, удается проследить на микроуровне те социально-психологические проблемы, которые остаются вне поля зрения «большой истории».

А.Н.Ивницкий:

Я с большим интересом прослушал доклад Сергея Владимировича, тем более, что я в середине 30-х гг. был

знаком и дружил с одной из приехавших в СССР иностранных семей – семьей американского инженера Слуцкого (и с его сыном Нортоном), который, правда, работал не на заводе, а в зерновом совхозе, где использовались комбайны, тракторы и другие импортные сельхозмашины. Мой вопрос заключается в том, как относились государства, гражданами которых были трудившиеся у нас американцы, немцы и др., в связи с их репрессированием в СССР в 1930-е гг.?

У нас отношения с этими семьями были очень дружественными и никакой вражды не было, хотя они жили лучше, покупали продукты в Торгсине и т.д. В целом же в сельской местности иностранцы жили почти в таких же условиях, что и мы. А как на это, на стремление иностранцев помочь советскому народу, рабочим совхоза или завода строить социализм и самим жить в этом обществе, смотрели их правительства? Не попадались ли Вам материалы о реакции официальных лиц тех государств, из которых они ехали в СССР?

С.В. Журавлев:

Это отдельная, особая тема для разговора, выходящая за рамки данного исследования. Тем не менее, попытаюсь ответить. Мне попадались в российских и американских архивах, особенно среди дипломатической документации 1920-1930-х гг., свидетельства о крайне болезненной реакции официальных лиц западных государств на эмиграцию их граждан в СССР. Американские дипломаты с конца 1920-х гг. приступили даже к составлению «черных списков» американцев, находящихся в СССР и симпатизирующих «большевистскому режиму». Изучение судеб этих людей показывает, что многие из них не были коммунистами. Однако симпатии к великому социальному эксперименту, положительного отзыва об увиденном в СССР либо просто добросовестной работы по контракту было подчас достаточно, чтобы официальные лица США

начинали чинить препятствия их возвращению на родину, грозили неприятностями и дискриминационными мерами. Из этих документов США предстают отнюдь не демократическим государством.

Что касается Германии — страны I в отношении эмиграции в СССР, то «черные списки» здесь стали составляться с приходом к власти Гитлера. К началу мировой войны были подготовлены «розыскные списки» гестапо на лиц, находящихся в СССР и представлявших опасность для фашистского режима. В них оказались включены тысячи немецких политэмигрантов, инорабочих, членов их семей и др. Хранящиеся в бывшем «Особом архиве» трофейные документы Третьего рейха наглядно показывают, какие активные усилия предпринимала геббельсовская пропаганда в середине 30-х гг., чтобы вернуть экономических иммигрантов из СССР в Германию.

Отношение официальных лиц иностранных государств к репрессированию их граждан в конце 1930-х гг. — не менее важная и сложная тема. Единого отношения не было, да и быть не могло. Как видно из документов, советские власти сплошь и рядом нарушали договоры об уведомлении посольств в случае арестов иностранных граждан. Зачастую жизнь арестованных зависела от того, насколько информированными окажутся дипломаты о фактах арестов, насколько твердо они будут добиваться получения информации и каким весом на международной арене обладают эти страны. Понятно, что возможности Польши или Финляндии отличались от Германии и особенно США, с которыми советские лидеры стремились не портить отношения. Судя по документам, германскому посольству удалось вызволить из НКВД более двух третей из оказавшихся там сотен своих граждан, которые были высланы в Германию. Другое дело, что часть из них — немецкие антифашисты — были фактически переданы в руки гестапо, где их ждала страшная участь. Особенностью позиции США стало то, что американские дипломаты, кажется, сознательно, не интересовались

судьбами своих арестованных граждан из «черных списков». По крайней мере, меня поразил отчет американского посла в Москве в Госдеп за 1938 г., в котором утверждалось, что среди репрессированных в СССР иностранцев американских граждан нет. Конечно, это не так. Американцы «сдали» НКВД не только коммунистов и политэмигрантов, но и десятки лиц с так называемым «двойным гражданством» (по советскому законодательству — гражданин СССР, по американскому — США), включая родившихся в США. Откажись Посольство США от идеологической ангажированности и следуй букве закона, можно было бы спасти жизни десятков арестованных НКВД американцев.

Г.Я.Тарле:

Вы занимались рабочими только Электростроительного завода или и других предприятий?

С.В.Журавлев:

В рамках исследовательской темы «Иностранцы в Советской России в 1920-1930-е гг.» я знакомился со многими сюжетами, связанными не только с Электростроительным заводом и не только с промышленностью, но и, например, с иностранными сельхозкоммунами, с проблематикой политэмиграции, с репрессиями в отношении иностранцев и т.д. Данное исследование реализует малую часть проработанного материала. Остальное останется для будущих работ. Обсуждаемая тема — пример воплощения микроподхода в истории, на мой взгляд, важный и своевременный, потому что эти вопросы обязательно надо ставить. Очевидно, что через историю иноколонии Электростроительного завода можно выйти к исследованию важнейших макропроблем 1920-1930-х гг. Советская история обязательно должна изучаться и на микроуровне, поскольку это очень перспективное направление.

Г.Я.Тарле:

Этими вопросами нужно было заниматься намного раньше. Сейчас достаточно трудно будет с источниками,

особенно со свидетелями. Но не приветствовать работу над такой темой я бы не могла хотя бы потому, что более двадцати лет назад в стенах этого Института подобную тему сняли с плана как «мелкотемье». Поэтому мой болезненный интерес к этой работе несомненен. Конечно, в докладе приведено очень много интересных фактов, и понятно, что рассказать о концепции всей этой большой работы очень сложно. Но он поднял ряд вопросов, которые мне хотелось бы прокомментировать.

Во-первых (это пожелание ко всем молодым историкам), следует помнить о том, что этими сюжетами пытались заниматься и другие люди на совершенно другой основе, они не владели тем инструментарием и тем широким полем источников, которым вы счастливы воспользоваться сейчас.

Мне кажется, что здесь должна быть какая-то предыстория — как эти люди попали сюда, тем более, что они попадали совершенно по-разному. В 1919 г. были попытки колонизации сельскохозяйственных угодий немцами в районе реки Мологи, были законодательства по этому вопросу, огромные переговоры, кончившиеся конфликтом.

Конфликты с иностранными рабочими всех периодов были бедствием нашего времени — уж слишком разные были уровни. Наиболее благополучным было начало, тогда, когда люди ехали помогать, не рассчитывая на какие-то заработки, наоборот, они вносили свой посильный вклад в развитие нашего производства. Это было в первой половине 20-х гг. Об этом я успела написать по тем источникам, которые были в моих руках.

Но и тогда были конфликты. Очень большим препятствием становился языковой барьер, который первым возникал при адаптации. И в этой связи смешанные коллективы были особенно уязвимы.

Конечно, надо очень четко делить на группы приехавших рабочих и их мотивацию. Одно дело — безработные,

которые хотели поправить свое состояние, и были в безвыходном положении. Их вселяли, вероятно, в коммунальные квартиры. Другое дело – контрактники, которые ехали с целью заработать. Третье – это политэмигранты. Четвертые – это политически близкие нашему обществу лица – члены партии, которые ехали с энтузиазмом.

Встает очень важный вопрос о взаимоотношениях иностранцев с местным населением, исходя из разного уровня квалификации и разных целей их приезда (интегрироваться или работать).

По всем документам, с которыми я сталкивалась, проходит проблема трудовой дисциплины, состояние которой чрезвычайно изумляло всех приехавших к нам (перекурсы и т.д.).

Я закончу только одним соображением: конечно, источники, которыми мы располагали тридцать лет назад, были источниками очень тенденциозными, и вся показуха должна быть отброшена, но рациональное зерно, вероятно, из этих источников извлечь можно, потому что какие-то моменты сближения, объединения и дружбы, безусловно, были. Я могу об этом судить, во-первых, по свидетельствам некоторых оставшихся людей, с которыми я имела дело.

Л.Н.Нежинский:

Я хочу приветствовать разработку темы, которую поднимает С.В.Журавлев, представивший доклад по конкретной работе, но подойти к этому комплексу проблем немножко шире, поскольку он затрагивает очень интересные направления в истории не только Советского Союза, но и России XX в. В последнее время появляются статьи на тему: кто приезжал в Россию в конце XIX в. и в начале XX столетия. Выходили и продолжают выходить работы об эмиграции, особенно из западных областей России. Написано немало книг о том, как родились целые эмиграционные анклавы в таких странах, как Соединенные Штаты (в Германию практически никто тогда

не ехал), Канада и т.д. Приезжали и находили свое место, остались здесь жить, и немало людей из других стран. Кто приезжал, с какой целью, как они адаптировались к российской жизни; какова была их роль в общественной, политической жизни России? Эта та тема, которую имеет смысл разрабатывать и дальше. Поэтому вашу тему можно всячески приветствовать.

В послевоенное десятилетие вышел целый ряд документальных публикаций под общей «шапкой»: «Интернациональная солидарность зарубежных трудящихся с Советским Союзом в 20-30-е годы». Г.Я.Тарле кратко охарактеризовала в значительной мере и сущность этих публикаций, и их направленность. Но в последние годы мы начинаем узнавать немало фактов, которые показывают и другую сторону этой проблемы, которую можно назвать международной деятельностью Советского Союза. Это широкая проблема и мне, как и вам, приходилось сталкиваться в наших архивах с большим количеством писем, переписок, нот, заявлений (причем все это в закрытом порядке), которые шли, например, в 20-е гг. особенно из Германии как раз по поднятым в докладе вопросам.

Оказывается, Чичерин и особенно Литвинов придавали очень большое значение разрешению этих проблем, т.е. считали, что надо смягчать те подходы, которые встречали не только рабочие, а и многие иностранные граждане, которые по разным мотивам прибывали в Советский Союз. Это накладывало свой отпечаток и на межгосударственные отношения. Хотя начиналось все, может быть, с кухонной свары, потом переходило в цех или в рабочую курилку и т.д., а потом выросло и в более широкие коллизии, которые приходилось потом разрешать в основном органам, которые ведали тогда даже не столько внешнеэкономическими, сколько внешнеполитическими делами, т.е. Народному комиссариату иностранных дел. Там до сих пор хранится много документов, посвященных этим проблемам.

Интересен и другой вопрос — каков был итог, конечная судьба иностранцев, которые по разным мотивам попали в Советский Союз. Что касается тех, кого репрессировали, это понятно. Но репрессировали не всех. Часть уехала раньше, особенно американцы и не только они. Мне известно, что в середине 30-х гг. те небольшие группы поляков, которые по разным причинам сюда попали, тоже эвакуировались.

Направление это интересное, оно тесно переплетается с общей нашей историей, с конкретной историей развития нашей экономики прежде всего, промышленности и сельского хозяйства в какой-то мере, ибо мне известно, что на Украине дети немецких колонистов играли очень большую роль в сельскохозяйственной жизни вплоть до самой коллективизации, т.е. практически все 20-е гг. Очень интересные факты есть о роли иностранцев в развитии сельского хозяйства Крыма.

Т.е. это довольно большая тема, которая выходит за рамки только одного предприятия. Можно только пожелать вам дальше не бросать ее и разрабатывать это направление в нашей отечественной истории XX столетия.

А.К.Соколов:

Доклад Сергея Владимировича имел скорее методологический характер и был посвящен одному из сюжетов социальной истории — социальной истории в контексте микро-анализа, микро-процесса.

И вопрос заключается в том, нужна или не нужна, интересна или не интересна социальная история, и что она дает, что она приращивает в нашем знании большой истории.

Доклад интересный, память об этом еще жива, и кто-то может на это откликнуться и еще о чем-то сказать. А если речь идет о XIX в.? Что мы там можем вспомнить? Историк может объяснить, как складывались отношения и т.д. Это интересно? Я думаю, интересно. Это история в ее полноте, в ее конкретности, и выявляется множество

вещей, о которых мы даже и не подозревали, что они играют такую огромную, такую значительную роль для нашей советской истории.

Л.Н.Нежинский:

Это исследование полезно, ибо оно конкретно показывает не общие сюжеты, цифры – сколько собрали денег на поддержку нашего Союза и сколько мы собирали денег на поддержку бастующих за рубежом, а конкретно показывает нам на примере жизни нескольких сотен людей, как в реальности складывались связи.

Хотелось бы, чтобы за этой конкретикой не забывали и более общий процесс, которым мы только начинаем как следует сегодня заниматься, разбираться в этом. Вывод только один: продолжать разрабатывать эту тематику. Речь идет о направлении – очень серьезном и интересном.

Мы можем поблагодарить докладчика, поддержать его усилия и пожелать дальше разрабатывать этот комплекс проблем.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 20-30-е ГОДЫ*

Общепринятого понятия «Северокавказский регион» не существует. Это высокогорный регион, а также северные склоны и долины Кавказского хребта, примыкающие к степным и черноземным областям России и Украины. Географические условия для этого региона играют первостепенную роль. Здесь встречаются три типа ландшафта: прибрежные области вдоль Черного и Каспийского морей, плодородные равнины и невысокие холмы и горная местность. На западе горы подступают к самому морю, на востоке они отделены от Каспийского моря узкой прибрежной полосой.

Горы всегда затрудняли доступ в эти районы, и лишь современная техника, в том числе и военная, смогла связать их с внешним миром, бросив вызов традиционному образу жизни.

Территория Северного Кавказа, включающая сегодня такие регионы как Ставропольский и Краснодарский края, с входящими в них Карачаево-Черкесской республикой и республикой Адыгея, а также Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую, Чеченскую и Ингушскую республики и республику Дагестан, представляет собой сложный и совершенно уникальный по национальному составу район России. Всего здесь на сравнительно небольшой территории проживает свыше 50 народов; в одном Дагестане их около 30.

Народы Северного Кавказа принадлежат к трем языковым семьям, такое сочетание нигде в пределах России больше не встречается. Первая из них — северокавказская. Для народов этой семьи Кавказ — основное место

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 18 ноября 1999 г.

обитания, затем алтайская (азербайджанцы, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы и небольшие группы туркмен, или, как они здесь называются, трухмены; все они относятся к тюркской группе этой семьи) и наконец – индоевропейская, которая представлена четырьмя группами: армянской (армяне), греческой (греки), иранской (осетины, курды, таты) и славянской (русские и украинцы). Русские, численность которых на Северном Кавказе до недавнего времени достигала 8 млн. чел., проживали, в основном, в Ставропольском и Краснодарском краях и в городах всех республик. Основная часть украинцев (350 тыс. чел.) была сосредоточена в Краснодарском крае. Кроме того значительную часть русского и украинского населения Северного Кавказа составляют кубанские, грбенские и терские казаки¹.

На расселение многих национальностей Северного Кавказа очень сильно влиял и продолжает влиять до сих пор характер местности. Наиболее заселена предгорная равнина, слабо – степная часть и высокогорье. Даже в недавнее время средняя плотность населения колебалась от 27,3 чел. на 1 кв. км в Карачаево-Черкесии (в Карачаевском районе она равнялась всего 7 чел.) до 62,4 чел. в Чечне и Ингушетии (сегодня, очевидно, меньше). Бурные события XX в. существенным образом сказались на традиционном образе жизни, занятиях и системе расселения местных народов. В первую очередь это было связано с резко усилившимся процессом урбанизации.

В экономике жителей гор, особенно на востоке, преобладали животноводство, использование природных источников энергии и террасное земледелие. В долинах и на равнинах были распространены преимущественно кочевое и полукочевое животноводство и торговля. Русские составляли значительную часть городского населения, представляя главным образом рабочие специальности, а также, преимущественно в казачьих районах Кубанской и Терской областей, сельского земледельческого населения. Уже к началу 20-х гг. XX в. национальный состав населе-

ния Северного Кавказа претерпел весьма существенные изменения .

Сразу нужно заметить, что межнациональные проблемы на Северном Кавказе имеют как бы два аспекта. Во-первых, эта проблема взаимоотношений между местными народами, которые далеко не всегда были безоблачными, а во-вторых, отношения между местным и иным, в первую очередь русским населением, так как народы Северного Кавказа отличаются от большинства населения России как по самосознанию, так и в восприятии других.

Большое значение для народов Северного Кавказа сыграли революция и Гражданская война. В мае 1917 г. горцы Северного Кавказа и терские казаки объединились вокруг выборов нового терско-дагестанского правительства для образования нового независимого государства. После победы большевиков в столицах России это правительство провозгласило выход из состава России, подписало союзный договор с Турцией и было формально признано Великими Державами. Параллельно леворадикальные осетины в союзе с социалистами других национальностей создали Терскую Советскую Республику, которая вскоре была ликвидирована терскими казаками. Через некоторое время на Северном Кавказе утвердился контроль белогвардейских войск генерала Деникина. Но Деникин был неприемлем для лидеров обоих правительств из-за своей открытой русско-националистической позиции.

Тем не менее, очень значительная часть терского и кубанского казачества участвовали в белогвардейском движении, что было припомнено им впоследствии Советской властью и использовано горцами в своих интересах.

В тех же случаях, когда та или иная часть населения Северного Кавказа поддерживала большевиков, то в значительной степени это было связано с характером конкретно складывавшейся ситуации. Многие лидеры новой

власти отлично это понимали. Так, Г.К.Орджоникидзе прямо заявлял: «Казаки, признавая Советскую власть, надеялись получить оружие от Советской власти и лупить горцев. Горцы, боясь быть объявленными контрреволюционерами и желая как-нибудь спасти себя от нападения со стороны казаков, тоже объявили сторонниками Советской власти», следовательно, признание обеими сторонами Советской власти произошло по чисто «дипломатическим соображениям»².

Ситуацию серьезно осложняла также земельная проблема. Следует учесть, что земли на всех не хватало. Большой частью земли располагало именно казачество. Проживание разных народов по соседству, в случае, когда у одних этой земли было достаточно, а у других ее в распоряжении не было, вызывало определенную напряженность. Земельный вопрос, а он был напрямую связан с казачьим вопросом (можно сказать, русским, поскольку они составляли подавляющее большинство среди казаков), сразу же обострился после установления советской власти. В 1918 г. тот же Г.К.Орджоникидзе говорил: «Я, конечно, понимаю, что ингуши поддерживают Советскую власть не ради прекрасных глаз Орджоникидзе, каковых, кстати сказать, у него и не имеется, а ради той земли, которую большевики обещали и дали ингушскому народу»³.

Но установление Советской власти на Северном Кавказе произошло весьма непросто. После августа 1918 г. Ингушетия являлась, по сути, единственным горским округом, где существовала советская власть. В июле 1918 г. на основе Кубано-Черноморской, Терской и Ставропольской советских республик была образована Северо-Кавказская Советская республика с центром сначала в Екатеринодаре, а затем в Пятигорске. Она просуществовала лишь до 11 января 1919 г., когда вследствие деникинского наступления советская власть в крае потерпела поражение.

В 1929 г. бои продолжались, и к концу года горные районы Дагестана, Чечня, Осетия и Кабарда вновь объя-

вили себя независимым государством — Северокавказским Эмиратом во главе с шейхом Узун-Ходжи — человеком консервативных взглядов. Зажатый между антирелигиозными красными и националистическими белыми, он в конечном итоге объединился с большевиками, обещавшими полную автономию. После кровопролитных боев, в ходе которых белые и красные попеременно приходили к власти, в сентябре 1921 г. большевики победили и немедленно ликвидировали эмират⁴. Ситуация не была однозначной, так как единодушия среди партийных организаций и отдельных большевиков не было. Еще ранее, в 1920 г. во Владикавказе был создан параллельный Кавказский ревком, впоследствии ставший политическим ядром советской Горской республики.

Для контроля за происходящим на Кавказ приехал лично Сталин. От имени большевистского правительства он предложил, или скорее потребовал создания Советской республики Кавказских Горцев. Местные лидеры согласились реорганизовать Советскую власть при условии, что единственной юридической основой новой автономной республики будет шариат и адат⁵. Это требование, а также требование вернуть территории, отданные казакам во время и после русского завоевания, было выполнено и казакам пришлось уйти с Северного Кавказа. Это было на руку новой Советской власти, которая видела в казаках серьезного противника. Подобная политика власти хотя и приносила сиюминутную выгоду, но по сути провоцировала межнациональную рознь и способствовала возникновению межнациональных конфликтов.

Горская Автономная советская республика, в которую вошли округа, населенные ингушами, кабардинцами, чеченцами, балкарцами, карачаевцами, осетинами и сунженскими казаками, а также Дагестанская Автономная Советская Республика были созданы в январе 1921 г. на основе многонационального территориального самоопределения. В нее включались Чеченский округ (бывшие Ве-

денский, Грозненский округа, правотеречная часть Кизлярского отдела и восточная часть бывшего Сунженского отдела); Назрановский округ (Ингушетия); Владикавказский округ. Кабардинский округ (южная часть бывшего Нальчиковского округа); Карачаевский округ, южная часть Пятигорского отдела и южная часть Баталпашинского отдела Кубанской области. Республика образовывалась как составная часть РСФСР. Города Владикавказ и Грозный с нефтяными промыслами выделялись в самостоятельные административные единицы, подчинявшиеся непосредственно ЦИК и Совнаркому Горской АССР. Кроме того, в тот период особенностью статуса автономных республик, в том числе и Горской, было подчинение ряда их наркоматов непосредственно ВЦИК, минуя соответствующие наркоматы РСФСР⁶.

Горская республика просуществовала недолго. К 1922 г. Гражданская война закончилась, опасность казачьих восстаний несколько снизилась, необходимость опоры на горское население как противовес казакам отпала, все горцы были разоружены, и республику стали постепенно разделять на области в составе Российской Федерации. Через год в составе республики оставались уже только чеченские, ингушские и северо-осетинские земли; 1 сентября 1921 г. из ее Кабардинского округа была образована Кабардинская АО, 16 января 1922 г. в результате выделения Балкарского округа – Кабардино-Балкарская АО, преобразованная в 1936 г. в АССР. 12 января 1922 г. была учреждена Карачаево-Черкесская АО. Национальную автономию получили также адыгейцы, входившие в Кубано-Черноморскую область. 27 июня 1922 г. из Краснодарского и Майкопского отделов Кубано-Черноморской области была выделена территория, населенная адыгейцами, и образована Адыгейская (Черкесская АО). Еще через год и чеченцам пришлось удовлетвориться автономной областью в составе России (возникла 30 ноября 1922 г.). В 1924 г. были разделены

оставшиеся северо-осетинские и ингушские земли. На этой территории были созданы Северо-Осетинская АССР и Ингушская АО (в 1934 г. была объединена с Чеченской АО и преобразована 5 декабря 1936 г. в Чечено-Ингушскую АССР в составе РСФСР)⁷. Владикавказ — их общая столица, отошел к осетинам, лишив ингушей единственного города — центра образования и промышленности. Это размежевание до сих пор является предметом несогласия. Национальное дробление серьезно подорвало инфраструктуру и систему школьного обучения. Местные партийные лидеры докладывали в центр о произвольном и неудачном характере такого решения и о покровительственной и пренебрежительной позиции Кавказского партийного комитета, расположенного на юге СССР и ответственного за развитие края. К середине 20-х гг. установилась иерархия национальных автономий, во главе которых стояли местные члены партии. Это негативно сказывалось на региональном самосознании; отдельные национальные группы произвольно выбирались для дальнейшего национально-культурного развития без учета мнений самих людей. Шла работа по стандартизации языков, вводились алфавиты на латинской основе; подготавливались новые перемены.

Кроме того, распад ГАССР положил начало территориальным претензиям между образовавшимися национальными автономиями. Советским органам неоднократно приходилось разрешать пограничные конфликты между Дагестаном и Чечней, Чечней и Грузией, Ингушетией и Осетией, Ингушетией и Грузией, Ингушетией и Кабардой, а также с Сунженским округом, одновременно занимаясь и вопросом о праве на нефтеносные участки. При невозможности разрешить споры на месте их рассмотрение передавалось в центральные органы власти⁸. Во взаимоотношения между северокавказскими народами вбивался мощный клин, полностью соответствовавший древней формуле «разделяй и властвуй».

Справедливости ради надо сказать, что многие местные партийные и государственные лидеры сами способствовали внутренней обособленности национальных регионов, действуя по принципу, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе, хотя исторические условия их развития, экономическое положение, географическая среда и т.п., казалось бы, неизбежно приводили к необходимости объединения в единое государственное образование. Но интересы местной элиты в данном случае пошли в одном ключе с невниманием центральной власти к этой проблеме или нежеланием серьезно ею заняться, хотя именно это способствовало в дальнейшем обострению межнациональных противоречий. Не случайно на Назрановской партконференции 1922 г. было прямо отмечено, что «распад ГАССР способствуют националистическим тенденциям, которые проявляются особенно сильно (пример Чечни) и откроют возможности для межнациональных конфликтов»⁹.

Местной национальной элите, однако, не удалось долго почивать на лаврах. Поражает, что постоянно повторяющаяся политическая близорукость пришедших к власти через интриги или конъюнктурную ситуацию ничему не учит их последователей. Казалось бы, опыт предшественников должен был бы как-то сказаться, но вероятно, что упоение такого рода достигнутой властью лишает ее носителей возможности реально оценивать ситуацию.

Политика национального дробления продолжалась; постепенно кавказские лидеры были отстранены от власти во всех автономных образованиях. Границы и названия так называемых автономий постоянно менялись в связи с постоянными волнениями народов Северного Кавказа. Они были вызваны произвольным дроблением и, как следствие, постоянными нарушениями традиционной системы землевладения. В 1928-1929 гг. в СССР началась коллективизация: земельные наделы были конфискованы, шариат отменен, население окончательно

разоружено. Позднее кавказское политическое руководство и интеллектуальная элита были уничтожены или высланы по обвинению в буржуазном национализме и панисламизме. Прежнее областное и районное руководство было заменено новыми людьми, присланными из Москвы представителями новой центральной власти. Ситуация стабилизировалась лишь в 1936 г., когда новая Советская конституция закрепила систему автономных республик. В 1938-1940 гг. недавно созданные алфавиты, которые, несмотря на их положительное воздействие, затрудняли доступ к историческим письменным источникам и документам, были заменены на новые алфавиты на кириллической основе.

Что же касается отношений горцев с инонациональным населением, то оно продолжало оставаться далеко не простым.

Тяжелые последствия только что закончившейся гражданской войны, неурожайные 1920 и 1921 гг., кардинальные изменения в экономической политике страны и т.п. — все это вызвало массовое перемещение населения из центральных районов России на ее окраины. Особенно сильно данный процесс затронул русских, массовая миграция которых на Северный Кавказ началась в 1920 г. и достигла своего пика в 1925-1926 гг. В тот период она носила преимущественно стихийный характер, и попытки государственных органов власти упорядочить миграционный поток не приносили существенных результатов. Вследствие этого численность русского населения на Северном Кавказе значительно возросла.

В 1920 г. в Кубано-Черноморской области насчитывалось 2,3 млн. русских, в Терской области — более 500 тыс. Из них примерно третья часть являлась горожанами. В то же время значительная часть проживала также в сельской местности. Так, в станице Баталпашинской (Кубано-Черноморская область, Баталпашинский отдел) — 19263 чел., в Исправной — 7187, Зеленчукской — 7180,

Кардоникской – 6880 чел., в станице Сторожевой – более 5 тыс. чел., в Усть-Джигунской и Преградной – более 4 тыс. чел., в селах проживало также более 2 тыс. чел.

Немалую часть составляло русское население и в национальных автономиях Северного Кавказа. Так, в 1923 г. в Горской республике его доля составляла 29,6%, в Кабардино-Балкарской АО – 13,3%, в Карачаево-Черкесской АО – 13,0%, в Чеченской АО – 2,2% (главным образом казаки).

Контингент переселенцев был весьма неоднороден. На Северный Кавказ бежали малоземельные крестьяне, не нашедшие работы в городах центральной России рабочие; немало было и люмпенизированных элементов. Многих из них власти наделяли землей за счет бывших помещичьих земель, но также и за счет казачества. Это порождало порой неприязненное отношение горцев и казаков к переселенцам и способствовало возникновению конфликтных ситуаций.

Переселенческой политикой предполагалось предопределить и род занятий эмигрантов, таким образом, чтобы они не создавали конкуренцию традиционным промыслам. Русских предполагалось занять в виноградарстве, огородничестве и садоводстве и т.п. К сожалению, на практике этого удавалось достичь далеко не всегда.

Согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Сунженском округе русских насчитывалось 31,2 тыс. чел. (89,5% населения), в Чеченской АО – 9,1 тыс. (2,9%), в Северо-Осетинской АО – 10,0 тыс. (8,0%), в Карачаевской АО – 1,1 тыс. (1,7%), в Черкесской АО – 1,5 тыс. (4,0%), в Кабардино-Балкарской АО – 15,3 тыс. (7,5%), в Адыгейской (Черкесской) АО – 29,1 тыс. (25,8%), в Дагестанской АССР – 98,2 тыс. (12,5%). Всего же в Северо-Кавказском крае в 1926 г. проживало 3841 тыс. русских, 3107 тыс. украинцев, 51,3 тыс. белорусов и ряд других национальных групп.

Следует отметить, что несмотря на массовое переселение, этническая структура национальных автономий Северного Кавказа в этот период не слишком заметно изменилась. Это объясняется тем, что переселенцы по большей части предпочитали селиться в городах, которых в указанных регионах было относительно немного.

С середины 20-х гг. государственные органы постарались придать миграционным потокам более организованный характер. Было признано, что Европейская часть СССР оказалась аграрно перенаселенной, что должно было способствовать выделению части резервной рабочей силы для важных в хозяйственном отношении районов. Одним из таковых был признан Северный Кавказ. Черноморский и Терский округа объявлялись районами общесоюзного значения, куда предполагалось переместить значительную часть мигрантов. Среди них находились грузины, греки, евреи, ассирийцы, армяне и т.п.; основную массу составляли русские. При проведении переселения подчеркивалось, что оно не должно вызывать столкновений между старожилами и вновь прибывшими, но на практике это происходило далеко не всегда. Неоднократные переделы земли вызывали естественное недовольство старожилов, что обостряло отношения. В Туапсинском районе русские старожилы составляли 65% населения, в Геленджикском — 70%, в Сочинском — 30% и т.д.

Весьма значительную часть русского и украинского старожильского населения составляло казачество, всегда смотревшее на иногородних пришельцев подозрительно, не признавая за ними полного права на владение землей, которую казаки считали своей. Привлечение казачества в качестве военной силы в Гражданской войне всеми воюющими сторонами привело к гибели десятков тысяч казаков в 1917-1920 гг. Недоверие казачества к новой власти и борьба против нее были вызваны во многом непоследовательностью политики большевиков, стремлением превратить казаков в простых крестьян, невнима-

нием к особенностям традиционного уклада хозяйственной жизни и быта казачества и т.п. На почве остроты земельных проблем обострялись отношения между казачеством, партийными и советскими органами. Казачество трудно интегрировалось в новый общественный строй, неоднозначно воспринимало преобразования советской власти. Решение спорных вопросов часто носило конфликтный характер. Ожесточенное сопротивление нововведениям закончилось принятием строгих репрессивных мер со стороны властей уже начиная с 1918 г. Были в принудительном порядке высланы десятки тысяч казаков. Ущерб, нанесенный им только в Терской области, уже в 1918 г. составил более 200 млн. руб. Разумеется, обещания властей по возмещению убытков не были выполнены. Аналогично складывалась обстановка и в других казачьих областях юга России. Ситуацию продолжительное время стабилизировать не удалось. Осложняла ее и установка ЦК РКП(б) — не допускать никаких компромиссов, никакой половинчатости. Мерой урегулирования отношений оставались репрессии. Весной 1920 г. вновь подлежали принудительному переселению около 9000 семей казаков-сунженцев. Однако и на этом репрессии в отношении казаков не прекращались. Осенью следующего года были репрессированы еще 15000 казаков (вместе с семьями)¹⁰.

Заметно агрессивным был в этом плане Революционный военный совет Кавказского фронта. Однако цели были достигнуты. И.В.Сталин в телеграмме в ЦК РКП(б) В.И.Ленину из Владикавказа в конце 1920 г. сообщал «...Положение на Северном Кавказе можно считать устойчивым..., собранные мною материалы говорят о том, что казачество (читай: — русские. — *В.К.*) необходимо выделить из состава Терской области в отдельную губернию, ибо сожительство казаков в одной административной единице оказалось вредным, опасным»¹¹. Позднее он же замечал: «Недавнее восстание казаков (осень 1920 г.)

дало подходящий повод и облегчило выселение, земля поступила в распоряжение чеченцев»¹². На «свободные» казачьи земли переселялись горцы.

При образовании национальных автономий на Северном Кавказе территориальные интересы и притязания казачества практически не учитывались. В состав образованной в 1920 г. Горской АССР были включены 17 станиц и ряд хуторов, где проживали 65 тыс. казаков русского происхождения. Ряд станиц были сведены в Сунженский округ (в том числе Троицкая, Барятинская, Слепцовская, Нестеровская, Ассиновская, Вознесенская и пр.), другие причислены к национальным округам. Некоторые из них оказались в составе Осетинского округа, остальные – в Кабарде. Это было вызвано исключительно политическими соображениями. Сунженский заместитель секретаря Горского обкома РКП(б) А.Носов в докладе «К очередным задачам Горской Республики» констатировал: «Эта мера произвела колоссальное впечатление на горцев, сделала ингушей верной опорой советской власти. 5/6 ингушского населения переселилось на равнину»¹³. Фактически до середины 20-х гг. продолжалось выселение то одной, то другой групп казаков. Земли их приходили в упадок и запустение. Именно тогда ряд газет Северного Кавказа прямо призывали к поголовному выселению русских, и этот вопрос неоднократно рассматривался на съездах горских народов. Казачьи станицы и крестьянские хутора нередко подвергались нападениям горцев, а их земли перераспределялись в пользу последних¹⁴. Это вызывало ответные действия. Закладывалась основа нового конфликта.

Правда, были и такие партийные деятели, кто придерживался противоположного мнения в этих вопросах, среди них В.И.Невский, М.И.Калинин и др. Например, М.И.Калинин, выступая на митингах в Урус-Мартане 17 мая 1923 г., отказ центра в поддержке выселения русских из Чечни объяснял следующим образом: «Оно

(выселение) сыграло бы большую политическую роль потому, что дало бы повод говорить, что в автономной Чечне изгоняют русских»¹⁵. Однако другие видные большевики стояли на иной точке зрения. Выступая на заседании Кабардино-Балкарского обкома РКП(б) 27 февраля 1924 г. А.И.Микоян определил место русских в процессе национально-государственного обустройства народов Северного Кавказа совершенно четко: «Автономия не есть такая штука, — отмечал он, — которую мы навязывали народу, оставляя русских чиновников господствовать. Мы хотели на деле привлечь народ к власти. Ясно, что русские царские чиновники будут сознательно тормозить развитие вашего народа. Их надо выселить ко всем чертям...»¹⁶. Где А.И.Микоян нашел царских чиновников в 1924 г. — совершенно непонятно. Ясно, что речь шла о русских вообще.

После апрельского (1925 г.) Пленума ЦК РКП(б) отношение к казачеству, в том числе и юга страны, изменилось, а это означало не что иное, как изменение отношения к русскому населению и особенно в автономных областях и республиках. Анализ положения «русского населения в местностях, где оно является меньшинством», привел к весьма неутешительным итогам. Вывод сводился к следующему: «Во многих национальных образованиях Союза ССР интересы русского населения терпят ущерб в пользу коренного населения, что вызвало недовольство этого населения и угрозу культурному уровню этих районов». Однако ситуация продолжительное время почти не менялась: правда, были образованы русские казачьи округа в Кабардино-Балкарской, Осетинской и других автономных областях. Затягивалось землеустройство, применялось в качестве репрессивной меры и налоговое обложение. Через систему налогов оказывалось всяческое давление на массы, проводились реквизиции. В 1928 г. административные казачьи округа были ликвидированы.

Коллективизация сельского хозяйства конца 20-х — начала 30-х гг. сказалась на жизни казачества. Более 172 тыс. казаков, объявленных кулаками, были депортированы на Урал, в Западную Сибирь и Казахстан.

Таким образом, в ходе «расказачивания» и последующего раскулачивания казачье население сильно сократилось. И все же в 20-30-е гг. на Северном Кавказе сохранилось довольно много казаков, и хотя формально они таковыми не считались, но внутреннее самосознание и связанные с ним традиции держались в казачьей среде достаточно прочно.

Помимо коллективизации на структуре и национальном составе населения Северного Кавказа также сильно сказалась индустриализация и предшествующие ей годы. X съезд РКП(б) констатировал, что из 140 млн. населения страны около 65 млн. составляли невеликороссы; из этих 65 млн. около 30 млн. чел. (по преимуществу тюркское население) не успели пройти стадию капиталистического развития. Перед только что образовавшимся Союзом Советских республик стояло много проблем, важнейшей из которых являлась значительная диспропорция между ними по состоянию экономического уровня. Подчеркивалось, что задача состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию. На XII съезде партии еще раз было отмечено: «Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отставших в виду этого в хозяйственном и культурном отношении, не в состоянии использовать полностью права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительности помощи извне»¹⁷. Согласно национальной политике Советского государства, требовалась помощь

народов (в первую очередь русского), имеющих значительные отряды рабочего класса, для создания в национальных республиках очагов промышленности, где были бы представлены группы местных пролетариев, связующего звена между русскими пролетариями и трудящимися массами этих республик.

Подобные решения послужили причиной массового перемещения разнонационального населения на территории Северного Кавказа.

Этому имелись определенные основания. Нефтяная промышленность Северного Кавказа была в плачевном состоянии. В 1920 г. эксплуатировалось всего 20 скважин, в то время как в 1917 г. — 385. Добыча нефти сократилась за эти годы почти в 6 раз.

На промышленных предприятиях Грозного работало всего 500 чеченцев и ингушей, что составляло всего 2,5% от общего количества рабочих и служащих, а на учете Грозненской биржи труда числилось 2000 чеченцев, желавших получить работу. Подготовка рабочих кадров велась медленно. Остро ощущалась нехватка жилья, продуктов питания, мануфактуры¹⁸.

В результате намного возросла численность русских, особенно в городах. Уже после 1917 г. на Северном Кавказе постоянно стала расти доля городского населения. Появились новые города — Гудермес, Малгобек, Назрань, Аргун и др. В 30-е гг. этот процесс набрал еще более высокие темпы. В Кабардино-Балкарской АССР к концу 30-х гг. городское население выросло в 5 раз (по сравнению с 1926 г.) и насчитывало 74,9 тыс. чел., что составляло в 1937 г. 22,6% всего населения республики (в 1926 г. — 7%). В Чечено-Ингушетии соответствующие показатели выросли с 1926 по 1939 г. с 102 до 199 тыс. чел., (с 18,8% до 27,3%). В Северо-Осетинской АССР в 1937 г. по отношению к 1926 г. рост равнялся 178,7%, Чечено-Ингушской — 183,9%, Дагестанской — 217,1%, Черкесской АО — 128,9%, а всего Северо-Кавказского края — 158,8%.

В то же время на 3,9% сократилось городское население Адыгейской АО, хотя в целом по Азово-Черноморскому краю (в сопоставимых границах) его рост составил 175,4%. Это было прямым следствием проводившейся в регионах Северного Кавказа индустриализации. Похожими темпами росли крупные города. За 1926-1937 гг. рост численности жителей Краснодара составил 230,8%, Армавира — 103%, Майкопа — 111,2%, Пятигорска — 147,9%, Кисловодска — 194,1%, Махачкалы — 213,9%, Грозного — 166,2%, Орджоникидзе — 163,2%. Население Сочи выросло более чем в 5 раз — именно в те годы город стал приобретать известность модного курорта.

Подобные процессы уже тогда в значительной степени повлияли на этнодемографическую ситуацию на Северном Кавказе, особенно в его национальных автономиях. К строительству промышленных предприятий привлекалось население из других регионов страны, главным образом, русской национальности. Так, в Кабардино-Балкарии русское население к 1939 г. выросло до 129,1 тыс. чел., (35,9% населения республики), в Северо-Осетинской АССР — до 122,6 тыс. чел. (37,2%), в Чечено-Ингушской АССР — до 201,0 тыс. чел. (28,8%); в Адыгейской АО оно составляло 172,0 тыс. чел. (71,1%), в Карачаевской АО — 64,6 тыс. чел. (43,0%), в Черкесской АО — 54,2 тыс. чел. (58,4%) и т.п. Почти все русские осели в городах, тогда как местное население традиционно предпочитало вести преимущественно сельский образ жизни.

Это доказывается анализом данных переписи населения 1939 г. Так, в Кабардино-Балкарской АССР кабардинцами были 59,7% всех учтенных трактористов, 60,1% бригадиров тракторных бригад, 65,8% бригадиров полевых бригад, 51,5% бригадиров животноводов, 52% комбайнеров и штурвальных на комбайнах, 48,7% заведующих колхозными товарными фермами, 44,2% скотников, конюхов и доярок. В то же время среди токарей было всего 8,9% кабардинцев, слесарей — 6,2%, забойщиков —

4,8% и т.п. У балкарцев, чеченцев и ингушей процент лиц, имевших рабочие специальности в промышленности, был еще ниже. Несколько более высокий процент рабочих наблюдался у народностей Дагестана.

Это говорит о том, что создать национальный рабочий класс в национальных автономиях Северного Кавказа к концу 30-х гг. так и не удалось.

В то же время, требование центральных органов «коренизации» местного управленческого аппарата выполнялось весьма успешно — примерно половину управленческих работников составляли представители местного населения, хотя квалификация этого контингента оставляла желать много лучшего. В Кабардино-Балкарии среди председателей и заместителей председателей сельсоветов кабардинцы составляли 55,7%, председателей и заместителей председателей колхозов — 52,9%, председателей и заместителей председателей промартелей — 39,4%, руководящего персонала районных и городских партийных, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий — 42,6%, судей и прокуроров — 52,5%. Похожая картина наблюдалась и в других национальных автономиях Северного Кавказа¹⁹.

Думается, не отсюда ли берет свое начало знаменитый местный бюрократизм, бурная деятельность которого так хорошо видна в наши дни?

Много было положено на алтарь модернизации и централизации. На протяжении последних ста лет жителей гор переселили на равнины, хозяйства были коллективизированы, ремесла заменены промышленным производством. Регион стал полностью зависим от остальных регионов СССР. Гигантские электростанции заменили небольшие местные энергетические установки. Продукция нефтеперерабатывающей, горнорудной и другой промышленности экспортировалась в другие районы Советского Союза, а взамен регион получал продукцию других районов и субсидии. Но несмотря на гидроэлек-

тростанции, нефтяные разработки, запасы сырья и заводы, значительные области этого региона, особенно точные, оставались одними из самых бедных в СССР.

С другой стороны, интеграция в российскую и советскую административную и политическую систему способствовала развитию городов, инфраструктуры и образования — хотя городов было сравнительно немного и развиты они были слабее, чем в других областях России.

Тем не менее, к концу 30-х гг. сократилось сельское население территорий Северного Кавказа, не принадлежащих к национальным автономиям, то есть преимущественно русское. Согласно данным переписи населения 1937 г. оно (Северо-Кавказском крае уменьшилось по сравнению с 1926 г. на 15,3%, а Азово-Черноморском крае — на 20,8%, несмотря на то, что за этот же период сельское население входивших в состав этих краев Адыгеи, Карачая и Черкесии продолжало расти. Оценка данного явления приводит к жесткому, но однозначному выводу: огромные потери населения происходили именно среди русских данного региона, хотя в целом, конечно же, им подверглись и многие другие народы, населявшие Северный Кавказ. Без сомнения, это были последствия коллективизации, голодных лет и первой волны репрессий. Точную цифру потерь в настоящий момент указать трудно, но очевидно, что она была очень велика, так как интенсивный рост городского населения Северного Кавказа, о котором говорилось выше, не сумел компенсировать потерь села. Общая численность населения Азово-Черноморского края между 1926 и 1937 гг. сократилась на 0,7%, Северо-Кавказского — на 4,1%. Правда, перепись 1939 г. уже показывает прирост как сельского, так и всего населения Орджоникидзевского (бывшего Северо-Кавказского края), но основные потери, видимо, уже имели место ранее, да и перепись эта проводилась под более тщательным контролем. Зато из материалов ее можно получить данные, отсутствующие в переписи

1937 г., согласно которым русское сельское население даже тогда составляло 65,7% от всего населения края и 82,3% от его общего сельского населения. Не приходится удивляться, что материалы переписи 1937 г. долгое время были закрыты.

Однако, как уже отмечалось, в национальных автономиях Северного Кавказа шел быстрый рост численности русского населения в 20-30-е гг. В Кабардино-Балкарской АССР в 1926-1937 гг. он равнялся 748%, в Северо-Осетинской – 1113,8%, в Чечено-Ингушской – 2073,1% (!) (примерные данные), в Адыгейской АО – 392,5% (данные на 1939 г.) и т.п. Это было связано с промышленным строительством, которое проводилось здесь весьма активно. В 1939 г. русские составляли 71,5% горожан Чечено-Ингушетии, 56,0% Северной-Осетии, 51,7% Дагестана, 75,5% Кабардино-Балкарии, 87,6% Адыгеи, 64,3% Карачая, 87,7% Черкесской АО.

Отсюда видно, что даже сильнейшие потери, понесенные русским народом в течение этого времени, не помешали ему занять в Адыгейской и Черкесской АО первую по численности позицию, а в остальных национальных автономиях Северного Кавказа – вторую²⁰.

Таким образом, этнодемографическая ситуация на Северном Кавказе в 20-30-е гг. характеризуется следующими основными тенденциями. С одной стороны, в 20-е гг. здесь происходил резкий рост численности населения, главным образом, городского. Это было вызвано массовыми миграционными потоками из регионов Сибири и центральной России. На переселенцев, большую часть которых представляло русское население, возлагалась задача способствовать подъему экономики Северного Кавказа, особенно в области промышленности. Не случайно, что, по статистическим данным, лица, имевшие рабочие и инженерные специальности принадлежали, в основном, к славянским национальностям.

С другой стороны, политика «расказачивания», тяжелые последствия коллективизации, массовые репрессии 30-х гг. и т.п. привели к резкому сокращению численности сельского населения Северного Кавказа, причем районов, преимущественно населенных русскими. Это привело к относительному снижению удельного веса русских (среди которых было весьма много казаков), а также некоторых других народов, не относившихся к местному кавказскому населению. Прекратилось это снижение только к концу 30-х гг. Такого рода тенденции обусловили сложность и неоднозначность этнодемографических процессов, происходивших в регионе в 20-30-е гг.

Еще в 20-е гг. массовое переселение русских на территорию Северного Кавказа, особенно в сельскую местность, встретило неприязненное отношение местных жителей, что усугублялось также ощутимой нехваткой земли. Это способствовало разжиганию межнациональной розни. Без сомнения, это было следствием неумелой переселенческой политики, не учитывавшей интересов коренных кавказцев и новоселов.

Особенно быстрыми темпами росла численность русского населения в автономных областях Северного Кавказа. В 1939 г. она составила в Адыгейской АО — 171960 чел. (71,1% всего населения области), в Капачаевской АО — 64596 чел. (43,0%) и в Черкесской АО — 54189 чел. (58,4%). Темпы роста, по сравнению с 1926 г. составляли сотни процентов. С несколько меньшей интенсивностью, но тоже достаточно быстро увеличивалось в этот период число русских в большинстве автономных республик региона. Это привело к тому, что удельный вес проживавших здесь чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев и балкарцев заметно сократился, хотя естественный прирост у этих народов был примерно таким же, как у русских. Ведь прямых репрессивных мер по национальному признаку по отношению к местным народам тогда еще не проводилось, и указанный прирост являлся следствием сильного миграционного притока.

Несколько особняком выглядел в этом плане Дагестан. Несмотря на то, что в 30-е гг. русских здесь было достаточно много, но в 1937-1939 гг. их стало меньше (с 210184 до 132952 чел.) Соответственно с 20,8 до 14,3% упал и удельный вес их в этой республике.

Подводя итог данному краткому обзору межнациональных отношений на Северном Кавказе в 20-30-е гг. следует сказать, что они были отражением общей национальной политики советского государства того времени, которая, имела несколько стадий своего развития, равно как менявшихся со временем теоретических и идеологических обоснований. В 20-е гг., особенно в первой их половине, национального вопроса как бы не существовало, он был полностью подчинен идеологии. Предполагалось, что в процессе ожидавшейся мировой революции национальные и государственные границы отпадут сами собой и понятно, что осуществлять какую-либо долгосрочную национальную политику в таких условиях не имело смысла («без России, без Латвии жить единым человечьим общежитьем») и в отношениях между народами на первый план выходили исключительно требования момента. Зато признавалось необходимым оказать конкретную помощь — не народам, а единицам, будущим гражданам единого коммунистического мира. Эту цель пытались воплотить в жизнь массовым переселением на окраины России значительного людского контингента и сломом старых систем хозяйства. Таким образом, можно сказать, что национальная политика советского государства того времени, несмотря на все гуманистические декларации, была объективно направлена не на достижение реального единства народов в одной семье, а на создание абстрактной вненациональной советской общности людей.

Когда к концу 20-х гг. революционный романтизм несколько поулег, возникла необходимость создавать не всемирную республику советов, а разбираться с многочисленными внутригосударственными проблемами. При-

чем в новых условиях, когда государственные структуры приобретали все более бюрократический характер, стало ясно, что добиться на тот момент пресечения сепаратистских тенденций в национальных регионах можно было лишь создавая местную бюрократию с предоставлением ей видимой самостоятельности, но при реальном жестком контроле со стороны центральной власти. Как показывают приведенные выше данные, процесс «коренизации» местного государственного аппарата завершился на Северном Кавказе к концу 30-х гг. достаточно успешно. Позднее, как оказалось, эта бюрократия вышла из под контроля.

Исходя из изложенного выше, межнациональные отношения на Северном Кавказе в 20-30-е гг. характеризовались весьма специфическими явлениями, из которых можно сделать несколько выводов:

1. Налицо были серьезные противоречия между местным горским (или как его иначе называют «коренным» местным населением) и другими народами, которые в силу тех или иных причин проживали в этом регионе (в первую очередь русским).

2. В силу сложившихся обстоятельств стали наблюдаться определенные трения между самими северокавказскими народами, которые были следствием национальной политики, проводившейся в то время советским правительством.

3. В результате этого комплекса межнациональных противоречий на Северном Кавказе возникло состояние межнациональной напряженности, которое в определенной степени проявилось в период Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия.

4. Эти противоречия однако нельзя было считать неразрешимыми, поскольку в основе своей они носили экономический и территориальный характер и при умелой политике центральной власти вполне могли быть разрешены.

5. Отсутствие последовательной национально-государственной политики в отношении многонационального населения Северного Кавказа послужило причиной серьезного осложнения межэтнических процессов в этом регионе, что в конечном счете привело к кризисной ситуации, наблюдаемой здесь в последние годы.

6. Вероятно, в современных условиях при определении любых политических и иных действий в отношении населения Северного Кавказа следует учитывать весьма непростой исторический опыт взаимоотношений народов этого региона.

-
- ¹ Все цифровые данные и расчеты за исключением особо оговоренных случаев, приведены по материалам Всесоюзных переписей населения 1926, 1937, 1939 и 1959 гг., а также по материалам текущей статистики.
  - ² *Орджоникидзе Г.К.* Год гражданской войны на Северном Кавказе // Пролетарская революция. 1939. 1. С. 209.
  - ³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 118. Л. 26.
  - ⁴ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 537.
  - ⁵ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 1998. Вып. 1. С. 107.
  - ⁶ Конституция и конституционные акты РСФСР. 1918-1937 гг. М., 1940. С. 40.
  - ⁷ Там же. С. 54.
  - ⁸ См.: Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? М., 1998. С. 28.
  - ⁹ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1972. Т. 2. С. 180.
  - ¹⁰ См.: *Ильин С.К.* Этнические меньшинства в автономных областях и республиках РСФСР в 20-40-е гг. М., 1995. С. 239.
  - ¹¹ Шпион. М., 1994. 1(3). С. 51-52.
  - ¹² Там же.
  - ¹³ См.: *Бугай Н.Ф.* 20-40-е годы. Депортация населения // Отечественная история. 1992. 4. С. 37.
  - ¹⁴ См.: *Зуйкина Е.А.* К вопросу о роли русских в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 136.
  - ¹⁵ Цит. по: *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). М., 1998. С. 90.
  - ¹⁶ Цит. по: *Ильин С.К.* Указ. соч. С. 117.
  - ¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, и Пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 360-370.
  - ¹⁸ См.: *Знаменский П.И.* Финансово-экономический очерк Чеченской автономной области (о границах после объединения с

Грозненским и Сунжескими округами). Грозный, 1929. С. 109-111.

19 *Котов В.* Северный Кавказ в 30-40-е годы. Проблемы этнодемографического развития // Россия. XXI. 1996. 1-2. С. 71-72.

20 См.: Там же. С. 72-75.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.Л.Соколов:

Обычно успехи, неуспехи, провалы в области национально-государственного строительства проявляются в критические моменты. Таким критическим моментом явилась Великая Отечественная война. Что она показала, на ваш взгляд?

В.И.Котов:

Она показала такие тенденции. Во-первых, при всех противоречиях, при обидах, которые были нанесены народам, в итоге развалить Северный Кавказ не удалось, хотя у германского командования был план «Кавказ», который прямо рассчитывал на размежевание этих народов. Какую-то часть населения им, может быть, удалось привлечь на свою сторону. Известно, что они дарили белого коня Гитлеру и старейшин посылали. Но в конечном счете это не сыграло серьезной роли.

Мне представляется, что перед лицом реальной опасности обиды со стороны центральной власти были забыты, но потом они снова всплыли.

А.К.Соколов:

Какие-то различия все же были? По моим данным, было дезертирство из рядов Красной Армии или уклонение от призыва. В разной степени были проблемы, характерные для разных народов. У чеченцев это проявлялось совершенно четко. На той репрессивной политике, которую проводило руководство, это тоже сказалось?

В.И.Котов:

Да это сказалось. Но дело в том, что репрессии против народа пошли уже после того, как Кавказ был освобожден. То есть превентивного характера они не носили. Это был акт устрашения, наказания, если угодно, хотя, конечно, различия по дезертирству были.

Г.Д.Алексеева:

Первый вопрос. Были ли какие-либо альтернативные возможности решения кавказской проблемы, скажем, у политического руководства страны? И если такие альтернативы были, то были ли попытки их реализации? А если были попытки реализации, то давало ли это какие-то хотя бы временные результаты?

Второй вопрос. Когда вы говорите о росте городов, об индустриализации и т.п., то вас можно понять так, что вы все это осуждаете. Но это мировые тенденции, это происходит во всем мире, а вы все это относите к действиям советской власти.

Третий вопрос, изменялся ли как-либо уровень жизни народов Кавказа? Как изменялась степень их обеспеченности, культурный уровень, степень грамотности, образованности? Есть ли общие показатели, которые свидетельствуют о каких-то элементарных сдвигах в этом отношении.

В.И.Котов:

Последний вопрос просто риторический. Естественно, были сдвиги. Есть масса данных по больницам, по культурным учреждениям и т.п. Все это так, и не надо понимать, что я в принципе против мер индустриализации, которые проводились. Другое дело, что проводить их можно по-разному. Вне всякого сомнения, результаты были достигнуты, и очень значительные. Об этом я упоминал, когда говорил о развитой инфраструктуре, о том, что развивалась промышленность и т.д. Все это верно. Другое дело, что все это можно было сделать с гораздо

меньшими жертвами, которые, вне всякого сомнения, имели место.

Что касается политического решения ситуации на Северном Кавказе. Оно, конечно, было. Если посмотреть на политику руководства по отношению к Горской АССР, вообще к горским казакам, то видно, что идет какая-то смена позиции. Сначала боялись казаков: давайте поддержим горцев! Казаки, грубо говоря, «плохие» — давайте их выселять!... Потом поворот в 1925 г. на 90 градусов: давайте поддерживать русское население Северного Кавказа!... Почему? Да потому, что в тот период стала наблюдаться необходимость в кадрах, в рабочей силе и т.д. Откуда было взять людей?

Что касается реализации конкретных вещей, то после четвертого совещания 1925 г. национальный вопрос, по сути дела, на широком уровне не поднимался. Да, келейно, кулуарно он обсуждался, но на широкий партийно-государственный форум не выносился.

Ш.Ф. Мухамедьяров:

Можно ли проследить изменение отношения представителей отдельных северокавказских народов, может быть, элиты, национальной интеллигенции к той политике, которая проводилась по отношению к этим национальностям? Если прочитать работы Авторханова, то вырисовывается целая концепция. Может быть и у представителей других народов есть такая литература, можно ли это как-то проследить?

В.И. Котов:

Были такие тенденции. Это естественно.

Ш.Ф. Мухамедьяров:

И как это можно соотнести?

В.И. Котов:

Это можно соотнести таким образом. Когда вставал вопрос — быть или не быть Горской АССР, уже тогда

можно было увидеть, что общество или, если хотите, элита, в какой-то степени разделилось. Были сторонники полного отсоединения, полной независимости и сторонники полного включения в состав России без всяких автономий, именно тогда разразилась внутренняя полемика. В дальнейшем, по мере того, как процесс набрал силу, то все уже стало предрекаться в несколько иных формах: появились некоторые литературные произведения, определенное фрондерство. В общем широкого движения интеллигенции на Кавказе во всяком случае я не замечал.

Л.Н.Нежинский:

Мне кажется, что тема чрезвычайно актуальна. Доклад ставит ряд проблем. Рецидивы тех событий, которые наблюдались в 20-50-е гг., остро сказались в первое послевоенное десятилетие и дают о себе знать до сих пор. Причем здесь видно даже определенное усиление.

Тут есть и какие-то общие выводы, которые мы можем сделать, и конкретные подходы, которые мы обязаны принимать во внимание при анализе этой темы. Они вызваны теми сложностями, которые переживало наше государство.

Тема эта не только чрезвычайно актуальна, но и в значительной мере болезненна для нашего современного Российского государства.

Поэтому исторические аспекты нужно фиксировать, продолжать дальнейшую разработку этих проблем. Доклад, безусловно, интересный, основательный, в нем поставлен комплекс практически самых острых, болезненных проблем по истории межнациональных отношений на Северном Кавказе в 20-50-е гг. сейчас появляются новые работы по истории Причерноморья в целом Кавказа, особенно северного Кавказа. Мы можем пожелать докладчику и дальше углубленно разрабатывать эту тему и поддержать устремления Центра, в котором работает Виктор Иванович, в этом направлении.

Г.Д.Алексеева:

Есть два совета. Во-первых, пока мы не изучим толком, каковы были отношения между самими народами на Кавказе, мы ничего не поймем. Для России Кавказ «головная боль» уже много-много веков. И совсем не лучше была поставлена эта проблема в царской России, которую мы часто идеализируем. Поэтому, мне кажется, корни нужно искать и в царской России, и в советском времени, и в последнем десятилетии.

Во-вторых, мы не можем изучить это без тех концепций, которые были в 20-50-е гг. в отношении решения национального вопроса в целом, решения кавказского вопроса. У нас были целые судебные процессы – скажем, процесс Сафарова, Что предлагалось, какая альтернатива была? Мы не можем без этого решать следующие проблемы.

Затем очень важная, с моей точки зрения, проблема – это создание национальной интеллигенции на Кавказе и тип этой интеллигенции, потому что именно она осуществляла связь между народами и властью. Это очень важная сторона. У нас же вся история выглядит как политическая история политической власти. В данном случае история политической власти должна иметь под собой очень хорошую основу – историю кавказских народов. Только тогда мы сможем понять и решить эту проблему.

Л.Н.Нежинский:

Я хотел бы напомнить, что в Институте кое-что делается в этом направлении, особенно в последнее десятилетие.

Я могу назвать две работы. Одна посвящена государственному механизму, это «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления», изданная в 1997 г.

Было много сделано такого, за что приходится расплачиваться, но развивалась и своеобразная ментальность, т.е. мировосприятие населения Северного Кавказа в XIX и XX столетиях. Дякин В.С. опубликовал интересную книгу, которая дополняет названный выше труд. Эта

книга также об управлении национальными окраинами России в начале XX столетия. Мы должны учитывать, что сделано уже немало.

В последние годы по проблемам национальных взаимоотношений, в области теории и практики в разрешении этих проблем появились книги не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в Екатеринбурге, в Татарии, Чувашии, Мордовии и т.д.

Базируясь на этих работах и особенно на тех, которые готовятся в Центре истории народов России и межэтнических отношений, разработка этих сложных проблем, безусловно, будет продолжена.

Л.Н.Нежинский:

На этом мы закончим обсуждение. Мнение единое: мы поддерживаем постановку этой проблемы, благодарим докладчика за его доклад и желаем дальше углубленно работать над этими проблемами и докладчику, и Центру, который он здесь представляет.

КТО И КАК ОПРЕДЕЛЯЛ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 20-30-е ГОДЫ XX ВЕКА?*

В 90-е гг. XX в. в отечественной историографии появились публикации, в которых рассматриваются некоторые аспекты такой важной проблемы общероссийской истории, как складывание, сущность и функционирование государственно-политического механизма определения и претворения в жизнь основных направлений внешней политики Советского государства, эволюции (или стагнации) этого механизма, его воздействия на результаты международной деятельности государства, и их соответствие (или несоответствие) национально-государственным интересам страны и общества¹. Т.е. начали ставиться и анализироваться проблемы, которые в силу ряда причин оставались в свое время практически вне поля зрения советских исследователей.

Между тем, в мировой историографии давно уже показано и доказано, что от степени отлаженности или неотлаженности государственно-политического механизма, определяющего внешнюю политику той или иной страны, соответствия демократическим (или консервативным) устремлениям общества, направленности его действий, во многом зависят не только место и роль государства в общей системе международных отношений, но и его реальный вклад в общецивилизационный прогресс. И здесь возникает вопрос, попытка ответить на который и составляет содержание данного доклада: кто же и как определял и формировал внешнюю политику Советского государства в 20-30-е гг.?

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 20 апреля 2000 г.

Как известно, после Октябрьской революции 1917 г., в результате которой государственная власть перешла в руки большевиков, произошли принципиальные изменения в концептуально-доктринальных и конкретно-практических подходах теперь уже нового руководства страны к определению внешней политики России. Взятый на вооружение большевистским руководством классовый подход (в его марксистско-ленинской трактовке) ко всем явлениям внутренней и международной жизни, пронизывал все доктринальные построения и практические шаги новой власти. В идейно-теоретической области постепенно были выработаны и к 1921 г. закреплены два подхода, два принципа международной деятельности Советского государства — мирного сосуществования стран с различным социальным строем и пролетарского интернационализма. После провала иностранной интервенции и окончания гражданской войны, положенные в основу советской внешней политики эти два принципа нацеливали страну, с одной стороны, на создание мирных условий для дальнейшего развития общества и государства, с другой — на всемерную поддержку теории и практики «мировой революции», в каких бы формах она ни проявлялась. В зарубежной историографии давно уже подмечена функциональная противоречивость и несовместимость этих двух принципов. В отечественной литературе эта проблема стала анализироваться с должной научной объективностью лишь в последнее десятилетие.

Что же касается государственного механизма выработки и принятия внешнеполитических решений, то здесь ситуация складывалась следующим образом: формально, с первых дней появления советской власти было провозглашено верховенство всех ступеней Советов в решении кардинальных вопросов внутренней и внешней политики России, что и было законодательно закреплено в Конституции РСФСР 1918 г., и в Конституции СССР 1924 г. В соответствии с этими и другими законодательными актами, практическое решение вопросов государственной важ-

ности возлагалось на Советское правительство, подотчетное Всероссийским (после 1922 г. — Всесоюзным) съездам Советов, а в перерыве между ними — ВЦИК.

Однако, в реальной действительности все складывалось далеко не так. Провозгласив лозунг установления и упрочения диктатуры пролетариата, большевики после Октября 1917 г. очень быстро трансформировали его в практику установления диктатуры большевистской партии, со всеми вытекающими отсюда последствиями². Например, уже в период знаменитой «брестской эпопеи», все решения принципиального характера по вопросам заключать или не заключать брестский мир, и если заключать, то на каких условиях, принимались вначале на совещаниях в ЦК РКП(б), и только после этого на специальном заседании ВЦИК. Сам Брестский мирный договор был сначала рассмотрен и утвержден 8 марта 1918 г. VII экстренным съездом РКП(б), а ратифицирован 15 марта IV чрезвычайным съездом Советов. В дальнейшем, такого рода «соподчиненность» в формировании внешнеполитического курса РСФСР еще более усилилась. И здесь многое зависело от конкретных организационных структур и реальных форм взаимодействия высшего партийного руководства и нового внешнеполитического ведомства — Наркомата иностранных дел РСФСР.

Известно, что почти все служащие прежнего внешнеполитического ведомства России, после Октября 1917 г. отказались сотрудничать с новой властью. Перед большевистским руководством встала задача срочно создать новое внешнеполитическое ведомство, которое безоговорочно выполняло бы все предписания новой власти. И такая задача была в течение первых послереволюционных месяцев выполнена. К началу 1918 г. был сформирован новый аппарат НКВД (около 200 сотрудников), возглавляемый первым наркоминделом Л.Троцким, и выполнявший все предписания, исходившие от партийно-государственной верхушки, руководство которой соединял в едином лице В.И.Ленин.

Параллельно формировалась структура постоянно действующих органов ЦК РКП(б), окончательно сложившаяся к началу 1919 г. 16 января 1919 г. на заседании ЦК РКП(б) было принято постановление о создании Организационного бюро ЦК (Оргбюро), в состав которого вошли Н.Н.Крестинский, М.Ф.Владимирский, Я.М.Свердлов. С марта 1919 г. в соответствии с решением съезда РКП(б), начало функционировать Политическое Бюро ЦК (Политбюро), членами которого были — В.И.Ленин, Л.Б.Каменев, Н.Н.Крестинский, И.В.Сталин, Л.Д.Троцкий; кандидатами в члены — Н.И.Бухарин, Г.Е.Зиновьев, М.И.Калинин. Вот этот новоявленный высший партийный «ареопаг», отныне и заправлял всеми делами в государстве. Без его санкции в дальнейшем не решалась ни одна сколько-нибудь значимая проблема внутренней и внешней политики страны.

Заседания Политбюро ЦК проводились не реже одного раза в неделю. Но нередко были и экстренные заседания. Практиковалось также срочное решение какого-либо вопроса путем опроса членов Политбюро по телефону. Если учесть, что на каждом заседании Политбюро рассматривалось много вопросов (нередко от 20 до 30, а то и более), то не удивительно, что далеко не по всем из них принимались тщательно и глубоко продуманные и взвешенные решения.

Своеобразно складывались взаимоотношения между руководством НКВД РСФСР (а после 1922 г. — НКВД СССР) и Политбюро ЦК. Возглавлявший с марта 1918 г. внешнеполитическое ведомство страны Г.В.Чичерин, никогда не был ни членом, ни даже кандидатом в члены Политбюро. Сам по себе это факт показательный. Его объяснение, на наш взгляд, кроется в том, что выходец из родовитой дворянской семьи Г.В.Чичерин, хотя и примкнул в свое время к большевикам, но стопроцентно ортодоксальным большевиком так и не стал, оставаясь скорее российским «государственником», нежели ис-

кренним адептом коммунистической идеологии и политики. И это обстоятельство хорошо чувствовало и учитывало высшее партийное руководство. Однако по установленным правилам Г.Чичерин и его заместители (а нередко и просто члены Коллегии НКИД), обязаны были подробно и регулярно информировать Политбюро и секретариат ЦК, обо всех направлениях практической деятельности НКИД и его зарубежных представителей, а также представлять аналитические разработки, справки, предложения по всем сколько-нибудь значимым, проводимым или намечаемым, внешнеполитическим акциям государства. Получалась как бы двойная бухгалтерия. С одной стороны, НКИД формально подчинялся правительству и ВЦИК. С другой – шагу не мог ступить, не согласовав предварительно свои действия и не получив на них санкции со стороны высших руководящих партийных органов. Такая параллельная соподчиненность, создавала немалые бюрократические препятствия на пути выполнения наркоматом иностранных дел выдвигаемых перед ним задач, и без того испытывавшего большие трудности в первые годы своего существования, вследствие острой нехватки профессионально подготовленных кадров, крайне слабой материальной обеспеченности и т.п.

И здесь встает следующий вопрос: кому служила, чьи интересы представляла и выражала внешняя политика Советской России в первые годы существования большевистского строя? Конечно, партийно-государственное руководство понимало, что без опоры на массы его политика обречена на серьезные неудачи. Однако, отдавая предпочтение в своей деятельности прежде всего различным методам и формам нажима сверху, вначале В.Ленин и его сторонники, а затем, ставший с апреля 1922 г. Генеральным секретарем партии И.Сталин и его единомышленники, предпочитали не идти по пути выявления и изучения объективных интересов различных слоев населения, как их формировали и определяли реальные ус-

ловия тогдашней жизни страны, а избрали другой путь: внедряя всеми доступными способами и средствами в массовое сознание набор определенных политических стереотипов, определяемых прежде всего интересами набравшей силу во всех областях жизни так называемой «партноменклатуры», затем, уже опираясь на эти стереотипы, выдавать их за проявление подлинных национально-государственных интересов общества и действовать соответствующим образом, в том числе и в области внешней политики.

Между тем, довольно скоро выявившиеся противоречивость и функциональная несовместимость главных принципов советской внешней политики — мирного сосуществования и пролетарского интернационализма — нередко ставили Советское государство и его руководство в весьма щекотливое положение. Например, заключив в апреле 1922 г. известный Рапальский договор с Германией и объявив его крупным успехом советской дипломатии, советское руководство, в лице Политбюро ЦК РКП(б), ничего лучше не придумало, как воспользоваться тем сложным положением, в котором оказалась Германия после ввода в январе 1923 г. французских и бельгийских войск с целью заставить немцев платить репарации. Уже в августе 1923 г. было принято специальное решение Политбюро о создании «комиссии по международному положению», в которую вошли первые лица партийного руководства, и которой вменялось в обязанность не более и не менее как «практическая подготовка революции в Германии»³. Вся эта «революционная затея» закончилась полным крахом. Какой же вывод сделало московско-коминтерновское руководство? Только один: необходимо как можно активнее «большевизировать» все зарубежные компартии, дабы придать им те «революционные свойства», которыми обладали российские большевики перед Октябрем 1917 г.

И в последующие годы, отмеченный «дуализм» был характерен для международной деятельности СССР, что вело к периодическому обострению его отношений с той или иной капиталистической страной, а иногда и к разрыву дипломатических отношений, как это случилось с Англией в 1927 г.

В 30-е гг. ситуация оставалась в немалой степени аналогичной. Хотя нельзя не отметить, что в первой половине десятилетия И.Сталин и его окружение еще допускали известную долю «самостоятельности» НКВД при выработке рекомендаций руководству страны по тем или иным внешнеполитическим вопросам. Например, выступая 28 декабря 1933 г. на IV сессии ЦИК СССР, председатель Совнаркома В.М.Молотов, акцентировал внимание участников сессии на «опасности войны», которая грозит СССР со стороны «всего капиталистического окружения». С иных позиций выступил возглавивший с лета 1930 г. НКВД М.М.Литвинов. По его мнению, в этот период следовало различать 3 группы стран: 1) немногие страны, которые либо уже заменили дипломатию военными операциями, либо собираются это сделать в недалеком будущем; 2) государства, имеющие противоречия с другими странами, но которые (противоречия) пока еще не достигли такой остроты, чтобы решать их военным путем; 3) наконец, третьи страны — и их немало — которые на ближайших отрезок времени заинтересованы в сохранении мира и готовы направлять свою политику в защиту этого мира.

Исходя из наличия третьей группы стран, НКВД СССР осенью 1933 г. разработал и предложил советскому руководству план борьбы за коллективную безопасность в Европе, который и был утвержден Политбюро ЦК 19 декабря 1933 г.

Однако, во второй половине 30-х гг. ситуация и в международном и во внутривнутриполитическом плане стала уже сточаться, что накладывало свой отпечаток и на методы ведения внешнеполитических дел СССР.

В 1995 г. в Москве опубликован сборник документов «Сталинское политбюро в 30-е годы», а в 1996 г. вышла в свет монография О.В.Хлевнюка «Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы». Как явствует из этих публикаций, по мере укрепления и закрепления единовластия И.Сталина и его сторонников в партии и государстве, «руководящая и направляющая роль» Политбюро и ЦК невероятно возросла, а Советы (включая и их высшие органы), чем дальше, тем больше превращались в декоративные образования, которым надлежало принимать лишь те решения, которые им спускали высшие партийные инстанции. И если скажем, в 20-е и в начале 30-х гг., на заседаниях ЦИК еще можно было обнаружить какое-то различие в мнениях по некоторым вопросам внешней политики, (но разумеется, строго в рамках общих доктринально-концептуальных партийных установок), то уже со второй половины 30-х гг. ни о чем подобном не могло быть и речи. Более того, весной 1937 г. по инициативе Сталина, были созданы две узкие руководящие комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), одной из которых (в составе И.Сталина, В.Молотова, К.Ворошилова, Л.Кагановича, Н.Ежова), надлежало заниматься вопросами внешней политики. Таким образом, были ограничены даже права Политбюро, в пользу узкой группы его членов, состоявшей из Сталина и его ближайших единомышленников, находившихся к тому же в полной зависимости от него.

Что касается позиции В.Молотова, сменившего в мае 1939 г. М.Литвинова на посту наркоминдела СССР, то по наблюдениям некоторых исследователей, хотя всецело преданный Сталину, Молотов в отношениях с ним, временами позволял себе проявления упрямства и несговорчивости, особо заметные на фоне подобострастия других членов Политбюро, именно с Молотовым, Сталин перед войной и в годы второй мировой войны, выработывал решения по всем принципиальным внешнеполитическим проблемам страны.

За последние годы появился ряд работ, в которых приведен ряд интересных и конкретных материалов, иллюстрирующих, во что же оборачивалась на практике внешнеполитическая деятельность Советского Союза в 30-е гг., формируемая и направляемая описанными выше методами и способами⁴. Отсылая интересующихся к указанным примерам, в заключение отметим следующее. Проблемы формирования и функционирования государственно-политического механизма выработки и принятия главных внешнеполитических решений СССР в 20-е, 30-е гг., по-прежнему являются одними из актуальных для наших дальнейших исторических исследований. Но не менее, а еще более актуальной, предстает, на наш взгляд, тесно связанная с ней проблема «цены» (в прямом и переносном смысле слова) внешней политики, осуществлявшейся на вышеописанной основе, «цены» и для советского общества, и для государства в целом, и для других стран и народов. Представляется что проблема реальной «цены» за ту или иную внешнеполитическую акцию (с учетом уроков, вытекающих из анализа исторического прошлого), не менее злободневна и для современной России, а не только с точки зрения необходимости дальнейших исследований в области разных этапов ее предшествующей истории.

---

¹ См., напр.: Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917-1991. М., 1993; СССР и холодная война. М., 1995; Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945-1985 гг.) Новое прочтение. М., 1995; Сталин и холодная война. М., 1999.

² Эта проблема основательно проанализирована: *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. 1917-1923 гг. М., 1995.

³ Подробнее об этом см.: *Бабиченко Л.Г.* Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. // Новая и новейшая история. 1994. 2.

⁴ См.: *Куликова Г.Б.* Механизм принятия внешнеполитических решений в СССР в 30-е гг. // XX век: власть и внешняя политика России. М., 1998.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.Б.Жиромская:

Когда принцип мирного существования определен теоретически? Не на эмпирическом уровне, а в теории?

Л.Н.Нежинский:

Такой точной даты нет. Фактически о мирном сожительстве Советской страны с другими государствами (потом этот термин поменяли на слово «сосуществование») Чичерин первым сказал в июле 1920 г. Ленин начал говорить о мирном сосуществовании с осени 1919 г. впервые в письме к американским рабочим, где он заявил, что мы предлагаем с теми кругами ваших промышленников и бизнесменов, которые готовы к этому, начать реально сотрудничать. Мы готовы торговать, предоставить концессии. Все это означало бы, что мы предлагаем мирное сосуществование. Более четко эта концепция была сформулирована на X съезде РКП(б) в 1921 г. Когда объявили переход к новой экономической политике, было принято специальное решение о том, что настала пора, когда мы должны обеспечить мирное сосуществование и сотрудничество Советской России со странами с другим социально-экономическим строем в области экономики и политических отношений. Весна 1921 г. — рубеж, когда можно четко говорить о том, что этот принцип был в основном сформулирован.

Тогда Ленин говорил, что главное воздействие на мировую революцию мы должны теперь оказывать прежде всего нашими экономическими действиями, и если мы покажем, что у нас производительность труда не ниже, а даже выше, чем в ведущих капстранах, вот это и будет главным нашим воздействием на мировой революционный процесс. Через два месяца в Москве состоялся III Конгресс Коминтерна, смысл решения которого был таким: мощный штурм низвержения капитализма в самых развитых странах не получился, поэтому пора пере-

ходить от штурма к длительной терпеливой осаде капиталистического строя как такового, в том числе в развитых капиталистических странах.

В.Ф.Зима:

Как относился Троцкий к министерству иностранных дел? Отрицательно? А как он относился к Коминтерну?

Л.Н.Нежинский:

Тут все надо различать. Во-первых, не министерство, а наркомат. Само слово «министерство» тогда вызывало необычайное раздражение. Новая власть считала это пережитком строя, который свергнут.

К наркомату иностранных дел он относился не отрицательно, а немножечко не то, что высокомерно (это слово не подходит), а равнодушно. Но какого-то отрицательного отношения у него не было. Я думаю, что это вызвано его глубоко скрытыми личными амбициями.

Он был вторым лицом в государстве. После революции вывешивали везде два портрета — Ленина и Троцкого. Было два главных вождя революции в России и в мировой революции, как их тогда объявляли. А под его ведомство дают наркомат иностранных дел, где бывшие чиновники, которые там еще остались, его на дух не принимают. Ведь почти две недели шло прямое противостояние бывшего аппарата министерства иностранных дел. И Троцкий приезжал туда с красноармейцами. А они говорили: «Мы не боимся ваших красноармейцев, моряков. Мы не можем пойти сотрудничать на тех условиях, на которых вы нам предлагаете. Мы считаем, что, во-первых, что касается войны, нельзя вести сепаратно переговоры с немцами. Во-вторых, если мир заключать, то не на тех условиях, которые вы предлагаете в своем Декрете о мире». В конце концов тогда не выдержали и дней через десять окружили здание министерства. Арестовали наиболее деятельных, ведущих активистов министерства иностранных дел — человек 15-20, а остальные просто

больше не явились на работу. Неделю или две после этого наркомат просто пустовал.

Тогда-то и призвали этих двух лиц, о которых я говорил, и они начали активно искать для работы, кого только можно, чтобы создать заново аппарат. Согласились сотрудничать с новой властью только 3-4 бывших служащих министерства. А остальные — нет. Так что Троцкий не относился к этому отрицательно, но скорее считал, что он деятель более крупного масштаба.

Вот поэтому, кстати, к Коминтерну он относился сугубо позитивно, ему импонировали, были понятны действия в мировом масштабе. И, кстати, именно он подписывал распоряжения и бумажки по поводу бриллиантов и драгоценностей, которые были изъяты у состоятельных людей России, чтобы немедленно их передавать через организации Коминтерна за рубеж в знак поддержки революционного движения.

У меня сложилось впечатление (может быть, я ошибаюсь), что когда его освободили от этой должности, но он остался членом Бюро, ведущим человеком в государстве, в партии, он был этому даже рад, хотя вскоре, как мы знаем, его назначили председателем Военного Совета, перевели на другую работу. Видимо, его иностранные дела не то, чтобы не устраивали, но казались мелковатыми.

Н.Ю.Кулешова:

Скажите, пожалуйста, во время событий осенью 1923 г. в Германии вставал вопрос о военном вмешательстве со стороны РККА? Какими были позиции Сталина и Троцкого?

Л.Н.Нежинский:

Что касается вопроса о непосредственном военном вмешательстве, хотя дело к этому вроде бы шло — в случае чего мы не остановимся и перед военным вмешательством, но тут мы занимали более или менее осторожную позицию, хотя по всей стране проходили митинги, моби-

лизационные настроения, в армейских частях на митингах говорили: готовьтесь! Если надо, мы выступим в поддержку Германии и т.д.

Насчет позиции Троцкого я не готов вам ответить, для этого надо просто поднять документы. В тех документах, которые изучил Бабиченко, там фамилия Троцкого никак не фигурирует. В основном действовали Зиновьев, Сталин и назначенная Политбюро четверка, включая и советского полпреда в Германии Н.Крестинского. Там было еще одно обстоятельство. В это время были не самые лучшие, мягко скажем, отношения с Польшей, так как еще не прошел осадок от войны 1920 г. с Польшей, от Рижского договора с Польшей, по которому она немало получила. То есть фактически была перекрыта вся западная граница СССР. Ведь тогда в Европе вся граница была с Польшей прежде всего, вплоть до Прибалтийских республик, а дальше шла Румыния, и все.

А.С.Сенявский:

В докладе показано как шло нарастание партийного влияния на внешнюю политику Советского государства, но до того, как основные политические решения стали приниматься узкой группой членов Политбюро, был ли период, когда наркомат имел возможность сам выступать с крупными политическими инициативами?

Л.Н.Нежинский:

Да, был такой период; где-то, начиная с 1921 г. В вашем вопросе я различаю две стороны.

Одно дело — внешнеполитические инициативы, а другое дело инициативы в области международной деятельности. Это гораздо шире.

Что касается внешнеполитических инициатив, то это были 20-е гг., время, когда Чичерин возглавлял наркомат иностранных дел, примерно с 1921 до 1927 г. Это очень легко просматривается в знаменитой серии документов «Внешняя политика СССР в 1927 году».

Потом, при Литвинове, это шло спорадически. Сплошной линии не было, но бывали моменты, когда по крупным проблемам с инициативами выступал Наркомат. Даже Сталин к этому неоднократно прислушивался и не отвергал их. И хотя в партийных верхах рассматривались довольно подробно главные решения наркомата, но все-таки наркомат выступал с такими инициативами.

Вот декабрь 1933 г. Новая ситуация в Европе. С одной стороны, Гитлер пришел к власти и начал себя вести довольно агрессивно. Это насторожило. С другой стороны, очень насторожилась и Франция. Тогда Литвинов предложил французам: «Давайте подумаем вместе. Вы видите, что делается в Германии».

Париж откликнулся на это. На основании этого и родилось знаменитое решение о борьбе за коллективную безопасность. Это была инициатива на 90% наркомата иностранных дел.

Далее. Есть документы, где Литвинов очень осторожно ставил вопрос о том, что делается на Востоке и на Западе. Он призывал: «Да, мы не можем принять гитлеровский режим. Надо быть с ним осторожнее. Нас не очень здесь поддерживает Англия, Франция. Но не надо забывать, насколько настораживающая ситуация на Дальнем Востоке». Если учесть, что в сентябре 1931 г. японцы начали занимать Маньчжурию, заняли ее в течение двух-трех месяцев, и тем самым японская военщина вышла непосредственно на границы с СССР. Создали государство Маньчжоу-Го, марионеточное государство, полностью подчиненное Японии. Там граница с СССР примерно с полторы тысячи километров. Вот тут Литвинов играл большую роль, говорил об очень осторожной политике, чтобы мы не оказались между двух огней и не попали в необходимость вести борьбу и в Европе, и на Дальнем Востоке. Поэтому он это все рассчитывал, аналитические записки составлял и т.д.

Более того, до 1935-1937 гг. он устраивал то, что вызывало очень большое раздражение на Старой площа-

ди, — он устраивал семинары типа круглых столов советских послов в ведущих капиталистических странах. На них приезжали наши ведущие представители в этих странах — Коллонтай, наши представители из Лондона, Парижа, Берлина. Результатом таких совещаний были аналитические записки и их направляли в ЦК.

И Сталин к этим запискам на первых порах прислушивался. Рубеж — это март 1939 г., XVIII съезд ВКП(б) с его решениями, с его выступлениями. А потом вскоре и май 1939 г., фактически демонстративное снятие Литвинова с поста наркома иностранных дел, на что немедленно отреагировал Берлин, поняв, что это знак — «давайте с вами будем сближаться». До этого Литвинов был категорически против близких отношений, против сближения с Германией, при том, что он довольно критически относился и к позиции других стран, в частности, Франции.

Так что были такие периоды, такие акции в 20-е и 30-е гг. Фактически это было до 1937-1938 гг., потому что каток репрессий не обошел и аппарата иностранных дел, и это очень болезненно сказалось на всей работе наркомата. Как Литвинов ни сопротивлялся, репрессировали фактически всех, посадили его 7 или 8 заместителей, большинство начальников отделов. Среди послов 95% были репрессированы, а в некоторых представительствах были арестованы 90-95% сотрудников, они были высланы в Советский Союз и пропали... Так что до 1937 г. Литвинов сопротивлялся, а дальше он хоть и сопротивлялся, но был уже осторожнее с подготовкой аналитических материалов, рекомендаций, потому что прекрасно понимал, что это может обернуться и против тех людей, которые готовили эти рекомендации.

Г.Б.Куликова:

Доклад очень интересен. Он широко затрагивает проблему и позволяет рассмотреть ее не в статистике, а в динамике на протяжении всех 20-30-х гг. Я остановлюсь

на конце 30-х гг., потому что именно тогда в отношении внешней политики особенно ясно прослеживается давление самого высокого звена, а точнее — Сталина и его ближайшего окружения на решение всех вопросов, связанных с внешней политикой и с внешнеполитическими акциями. Достаточно привести лишь один конкретный пример, но он очень показателен.

В августе 1939 г. был заключен Договор о ненападении между СССР и Германией. Этот договор, согласно Конституции, должен был быть ратифицирован Верховным Советом СССР. И ровно через неделю собралась внеочередная сессия Верховного Совета СССР. Сначала она рассмотрела вопрос о сельскохозяйственном налоге, затем — о всеобщей воинской обязанности. Наконец, только третьим пунктом, который рассматривался на Сессии, был Договор, заключенный между СССР и Германией. На Сессии с докладом выступил Молотов. Согласно традиции, доклад этот был встречен бурными аплодисментами, со вставанием зала, здравицами в честь Сталина, Молотова и т.д. Было сказано, что этот Договор устранил угрозу войны между Германией и Советским Союзом, что он стал поворотным пунктом в истории всей Европы, да и не только Европы. Очень любопытно: устранил угрозу войны между Германией и Советским Союзом! Дальше слово взял секретарь Московского городского Комитета ВКП(б) Шербаков, повторивший основные тезисы доклада Молотова. Он предложил депутатам ратифицировать этот договор без обсуждения «ввиду исчерпывающей ясности и последовательности внешней политики СССР». Было принято такое лаконичное решение:

1. Одобрить внешнюю политику СССР.
2. Ратифицировать Договор.

Я думаю, что комментарии здесь излишни. Практически не только на этой Сессии, но и 2 декабря, где стояли вопросы внешней политики, все было совершенно одинаково, так как депутатами никаких критических замечаний высказано не было. Практически Конституция

1936 г., где определились prerogative ведения внешней политики СССР, на самом деле не играла никакой роли.

Попробуем задать еще один вопрос. А мог ли Верховный Совет первого созыва в конце 30-х гг. вообще решить хоть какие-то вопросы. Сразу возникает ответ, нет, он, конечно, не мог этого сделать. Прежде всего потому, что в Верховном совете менее одной пятой депутатов имели образование высшее и незаконченное высшее. Все остальные имели образование или среднее, или большей частью имели образование ниже среднего, начальное и домашнее.

Дальше. Совершенно естественно — подавляющее большинство и в Совете Союза, и в Совете Национальностей это были члены Коммунистической партии, т.е. люди, которые неуклонно следовали генеральной линии политики партии.

Далее. В первом созыве Верховного Совета были созданы комиссии по иностранным делам. В Совете Союза комиссия по иностранным делам возглавлялась Ждановым. В Совете национальностей комиссия возглавлялась Шверником. В них входили крупные партийные функционеры: Хрушев, Мануильский, Косарев (вожак комсомола), Мехлис. И очень активно в комиссии Совета Союза и выступал неоднократно, и работал Лаврентий Павлович Берия. Это одна часть проблемы.

Вторая часть проблемы.

В конце 30-х гг. наркомат иностранных дел и все подразделения, которые занимались внешней политикой, были подвергнуты страшнейшим репрессиям. Но результатом этих репрессий было не только то, что погибли, были арестованы или находились в лагерях и тюрьмах сотни людей, но и то, что на смену им приходили новые люди, люди, которые имели гораздо меньшее образование, чем те, которые работали до того.

В докладе неоднократно упоминалось имя Максима Максимовича Литвинова. Мне попадались очень интересные материалы, которые связаны были с его освобождением от работы.

3 мая 1939 г. на Кузнецкий мост, где тогда было здание наркомата иностранных дел, прибыли Берия, Молотов, Маленков с поручением Сталина — сместить наркомата. Здание было оцеплено войсками НКВД. На следующий день, 4 мая, в полдень в наркомат вновь пришли Молотов и Берия, а затем Деканозов. Собрали сотрудников наркомата в зале и Молотов сообщил, что в наркомате велась из рук вон плохо кадровая политика, и вот теперь он наведет в наркомате надлежащий кадровый порядок.

Интересно еще одно. Вот когда вместо Литвинова к руководству наркоматом пришел Молотов, то очень многие зарубежные деятели не могли не дать оценку этого назначения. В том числе любопытную оценку дал германский поверенный в делах в Москве Типпельскирх. Он говорил о том, что Молотов не еврей, он считается близким другом и ближайшим соратником Сталина. Его назначение несомненно гарантирует, что внешняя политика будет проводиться в строгом соответствии с идеями Сталина.

Вот это «строгое соответствие с идеями Сталина» просматривается у Типпельскирха очень четко, и это была не только его позиция.

Таким образом, на протяжении 30-х гг. очень усиливаются закрытость внешней политики и ее формально декларированная открытость по отношению к населению, по отношению к гражданам Советского Союза, что в конечном итоге, и приводило к многим просчетам во внешнеполитической сфере.

Мне представляется, что поставленная проблема чрезвычайно интересна для изучения, мы будем еще неоднократно к ней возвращаться в разных аспектах, не только в отношении внешней политики, но и вообще проблема механизмов принятия тех или иных политических решений — это проблема одна из тех, которые, в общем-то, отвечают на вопрос: а что у нас было, какой режим, какая система и к чему все в конце концов пришло.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1930-е ГОДЫ*

Известно, что 1930-е гг. — один из самых непростых периодов в демографическом развитии России. Отзвуки демографических событий тех лет, несмотря на то, что пережила Россия впоследствии и переживает в настоящее время, ощущаются до сих пор и продолжают оказывать влияние на современную демографическую ситуацию, хотя и неправомерно было бы все негативные моменты современного демографического состояния списывать на так называемые «исторические корни», искать только в них источник зла. Однако и не принимать их во внимание не стоит, тем более, что специфика протекания демографических процессов в 30-е гг. имеет много общего с тем, что происходит сегодня. Между тем демографическая ситуация тогда и сейчас должны были бы принципиально отличаться друг от друга. Дело в том, что демографический переход к новому, современному типу воспроизводства населения за последние несколько десятков лет совершился и в России, аналогично западным странам и США. Можно с уверенностью сказать, что к 1990-м гг. современный тип воспроизводства не только сложился, но и закрепился. Поэтому сходства в демографическом развитии с 30-ми гг. не должно было бы быть, а оно проявляется и проявляется в самых негативных моментах. Все это делает особенно актуальным изучение избранной нами темы.

Прежде всего обращает на себя внимание убыль населения в 1930-х гг., неоправданная в условиях мирного времени. Перепись 1937 г. зафиксировала этот демографический факт по сравнению с 1926 г. (в сопоставимых границах) в Саратовской области, где население сократи-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 15 апреля 1999 г.

лось на 23%, в Курской области – на 14,3%, в Республике немцев Поволжья – на 14,4%, в Куйбышевской области – на 8%¹ и т.д.

Начало 1930-х гг. отмечено «демографической катастрофой», связанной с голодом 1932-1933 гг., которая оказала глубокое негативное влияние на последующие годы, вызвав деформацию возрастно-половой пирамиды и нарушив демографические процессы.

Но как ни тяжелы были последствия голода, охватившего многие районы России, не только они воздействовали на демографическое развитие ее населения на протяжении всего десятилетия. Давали себя знать и такие драматические события как массовые переселения раскулаченных, нараставший год от года шквал репрессий, сверхсмертность в местах заключения, вынужденные миграции населения и прочие факторы экзогенного порядка.

Потери населения начала 30-х гг. привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей. Однако пока еще до конца география голода не выяснена, свою лепту в выявление масштабов этой трагедии предстоит внести региональным исследованиям, что позволит максимально приблизиться к истине в исчислении людских жертв.

Однако, если начало 30-х гг. пользуется вниманием исследователей, то демографическая ситуация в последовавшие затем годы этого десятилетия остается в тени. На характеристике демографических процессов мы и остановимся, сделав попытку проследить год за годом их развитие от 1930 к 1939 г.

В нашем распоряжении данные текущего учета населения. Правда, за 1932-1933 гг., когда в районах голода не успевали фиксировать все факты смерти в силу разных причин, в частности гибели самих работников органов учета, его сведения страдают неполнотой. По ним невозможно судить о точном числе умерших, но факт огромной убыли населения они фиксируют. Один из членов правительственной комиссии по проверке работы органов учета в 1932-1933 гг. С.Каплун (сотрудник Цен-

трального управления народнохозяйственного учета) писал в 1935 г. в своем отчете: «Считаю необходимым указать, что несмотря на бесспорные дефекты первичного учета смертей и рождений в сельсоветах..., эти записи, при всей их указанной выше неполноте, бесспорно своевременно и достаточно чутко отражали основные процессы, происходившие в движении населения»².

Уже в 1934 г. текущий учет населения и в сельской местности и в городах, был достаточно полным, охватывая 95% всего населения РСФСР, а в 1935 г. — 98%³. После передачи во второй половине 1935 г. органов текущего учета в ведение НКВД процент этот уже не снижался.

Таким образом, основные тенденции демографического развития населения этот источник позволяет осветить на протяжении всего десятилетия. Кроме того его данные сопоставлены со сведениями конъюнктурных обзоров, которые производились ежегодно органами санитарно-медицинской статистики.

Одним из основных показателей демографического развития населения является величина его естественного прироста, представляющая собой разность между числом родившихся и умерших за определенный промежуток времени (как правило за год). Проследим динамику этого показателя (см. табл.1).

Как видно из данных, приведенных в таблице, уже в 1930 г. по сравнению со второй половиной 1920-х гг., когда демографическая ситуация была достаточно благоприятной, произошло заметное снижение темпов естественного прироста. Даже если мы для сравнения возьмем конец 20-х гг., то есть 1929 г., отмеченный уже повышением смертности, то и по сравнению с ним в 1930 г. произошло сокращение его величины на 0,3 млн. чел. Уменьшение естественного прироста населения продолжалось и в последующие годы, вплоть до 1933 г., когда его величина была отрицательной. Смертность в этом году превысила рождаемость: умерло на 215 тыс. чел. больше, чем родилось. Потери населения, безусловно были

Таблица 1

Демографический баланс в России в 1928-1939 гг.
(в тыс. чел.)*

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1928	4301,7	1852,8	2448,9
1929	4164,7	2111,1	2053,6
1930	3598,5	1887,1	1711,4
1931	3591,6	2031,6	1560,5
1932	3359,1	2051,1	1308,0
1933	2721,3	2927,1	-215,2
1934	2646,2	2004,4	641,9
1935	3365,5	1874,9	1490,6
1936	3676,3	2273,7	1402,7
1937	4243,2	2193,6	2049,6
1938	4159,8	2106,7	2053,1
1939	4154,7	2142,0	2012,7

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 27, 49.

большими, поскольку, как уже говорилось выше, учет смертей как среди постоянного населения, так и прежде всего среди беженцев был неполным, особенно в сельской местности. Даже по неполным данным текущего учета в 1933 г. умерло около 3-х млн. чел.

В 1934 г. в связи с тем, что смертность несколько понизилась, величина естественного прироста стала положительной, но его уровень был невысок. Объяснялось это понижением рождаемости, поскольку все еще продолжали сказываться последствия голода. В результате коэффициент прироста составил всего 0,7. Это был наименьший прирост населения за все 1930-е гг.

Начиная с 1935 г. величина естественного прироста увеличивается. Его коэффициент в этом году составил 1,6, то есть был в 2,5 раза выше, чем в 1934 г. При этом в городах этот показатель был в 3 раза выше, чем в деревне⁴. Прирост населения произошел за счет повышения рождаемости как среди городских жителей, так и среди

сельских⁵. Однако и смертность медленно продолжала повышаться.

Уже в следующем, 1936 г., показатель смертности резко возрос. В этом году умерло людей больше, чем в 1934 г. Смертность, особенно детская и младенческая, повысилась и в городах, и в сельской местности⁶. В итоге после увеличения в 1935 г. коэффициент прироста населения довольно заметно понизился (до 1,3), хотя и остался величиной положительный за счет повышения рождаемости.

1937 и 1938 гг. отмечены относительно высокой рождаемостью, которая начала повышаться в связи с запрещением абортотворения еще в 1936 г. Однако ни за один год из этих трех лет ее показатель не поднялся до уровня 1928 г. Причем уже в 1938 г. он начал снижаться, поскольку меры такого административного вмешательства в демографическое поведение людей действуют, как правило, очень ограниченный срок. Хотя смертность продолжала оставаться высокой, все же она начала снижаться. В этой ситуации коэффициент естественного прироста поднялся до 1,9; в городе он был выше, чем в деревне. В 1938 г. естественный прирост был несколько выше, чем в 1937. Лишь в 1938 г. он поднялся до уровня уже не столь благополучного 1929 г.

Уже в 1939 г. вновь возобладала тенденция к понижению коэффициента естественного прироста. Рождаемость в этом году продолжала понижаться, одновременно происходило повышение смертности, в основном детской. Это касалось и городского, и сельского населения⁷.

Показатель естественного прироста мужского населения ниже, чем женского⁸. В частности отрицательным в 1933 г. он был только у мужчин. У женщин он хотя и не был велик, но все же являлся положительной величиной. Кроме того ни разу показатель естественного прироста у мужчин за все 30-е гг. не вышел хотя бы на уровень конца 20-х гг.

Таким образом, на всем протяжении десятилетия 30-х гг. естественный прирост населения не был стабильным, колебания его показателя были резкими, скачкообразными, а повышение неустойчивым.

Наблюдая динамику показателей естественного прироста населения следует учитывать, что российское общество было в те годы молодым по своему возрастному составу с преобладанием традиционного способа воспроизводства населения, отличающегося высокой рождаемостью. Безусловно, на сокращение естественного прироста населения оказывал влияние, особенно в городах, происходивший тогда процесс урбанизации в связи с индустриализацией страны. Однако демографический переход к рациональному способу воспроизводства с его малодетностью и пониженной рождаемостью проявлялся в 30-е гг. еще слабо, непоследовательно и не повсеместно. После понижения в голодные годы рождаемость стремится к подъему, кроме того ее рост, хотя и кратковременно, стимулировался запрещением абортов.

Следовательно, не сокращение рождаемости являлось причиной падения темпов естественного прироста населения, поскольку российское общество в принципе в то время характеризовалось традиционно высокой рождаемостью, несмотря на все ее колебания. Этой основной причиной, как мы увидим далее, являлась смертность населения. Именно смертность в эти годы определила и отрицательный прирост населения в 1933 г., и отрицательный демографический баланс, который существовал в течение ряда лет в некоторых областях России, и низкие темпы прироста населения на значительных территориях страны, и в конечном итоге пониженную по сравнению с прогнозами численность ее населения⁹.

Проследим динамику смертности населения РСФСР в 30-е гг.

Показатели смертности повышаются уже в 1929 г., в 1930-м он несколько снижается, но с 1931 г. он вновь начинает повышаться и достигает самой высокой точки в 1933 г. В 1929 г. смертность по отношению к 1928 г. выросла на 14%. В 1931 г. по отношению к тому же 1928 г. — на 10%, в 1933 г. — на 58%. Затем уровень ее понижается до 8% в 1934 г. относительно 1928 г. В

1935 г. снижение смертности продолжается, а в 1936 г. наблюдается скачкообразный подъем ее показателя. Этот год по показателю смертности уступает лишь 1933 г. по отношению к 1928 г. – 23% (см. табл.1).

В 1937-1938 гг. уровень смертности, хотя и несколько понижается, но остается высоким. В 1939 г. показатель смертности вновь начинает расти.

Мужская смертность значительно опережает женскую¹⁰.

В городах с 1931 г. показатель смертности резко возрастает, ярко выражен его рост и начиная с 1936 г. Смертность на селе, оставаясь высокой все эти годы, таких резких скачков по показателям не испытывает, кроме 1933 г. Это связано, видимо, с тем, что в отличие от города во второй половине 30-х гг. село было меньше затронуто детскими эпидемиями¹¹.

Особый разговор о детской младенческой смертности в 30-е гг.

Таблица 2

**Младенческая смертность в СССР и РСФСР в 1933-1939 гг.
(в тыс. чел.)***

Годы	СССР		РСФСР	
	Число умерших	Уд. вес в общ. смерт.	Число умерших до 1 г.	Уд. вес в общ. смерт.
1933	718,7	14,4	602,9	20,5
1934	537,5	20,4	454,1	22,9
1935	706,1	27,5	576,7	28,9
1936	938,1	31,5	747,4	32,9
1937	1031,3	34,4	762,1	34,8
1938	1023,3	34,6	757,4	35,4
1939	1053,6	35,4	781,0	36,5

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. Ш. Л. 23-23 об.; Д. 116. Л. 115-117; Д. 135. Л. 51, 54, 62, 64, 70-70 об.; Кириллова Д.А. Рождаемость, смертность и прирост населения СССР (1933-1939 гг.). Чебоксары, 1994. С. 40.

Из данных табл. 2 виден, во-первых, высокий уровень смертности на протяжении всего семилетия именно мла-

денческой. Во-вторых, в РСФСР этот уровень выше, чем в целом по Союзу. Это объясняется частично высокими потерями населения в Казахстане во время голода начала 30-х гг. (он тогда входил в пределы РСФСР) на Северном Кавказе и в Поволжье. В СССР в целом показатель младенческой смертности включал в себя высокие показатели смертности во время голода на Украине, но они были смягчены более благополучной ситуацией в этом плане в республиках Средней Азии, Закавказья.

После очень короткого и неустойчивого понижения в 1934 и 1935 гг. младенческая смертность резко возрастает в СССР в 1936 г. по сравнению с 1934 г. в 1,3 раза, а в РСФСР – в 1,7 раза. В 1937 г. младенческая смертность продолжает возрастать и сохраняется и в 1938, и в 1939 гг. на высоком уровне.

В-третьих, и в СССР, и в РСФСР растет удельный вес младенческой смертности в общем числе смертей. Следует заметить, этот показатель растет и в 1934, и в 1935 гг. На первый взгляд это противоречит понижению в эти годы абсолютных показателей смертности младенцев. Однако последние говорят не столько о нормализации демографической ситуации, сколько о понижении рождаемости. В последующие годы рождаемость повышается, но растет и число младенческих смертей, и на фоне увеличения показателя общей смертности населения повышается удельный вес среди всех умерших детей младенческого возраста.

Ситуация с младенческой смертностью была такой острой, что беспокоила статистиков. В Госплане и ЦУНХУ составлялись помесечные графики по этому показателю и выявлялись особо опасные месяцы. Исследование причин роста младенческой смертности приводит к выводу, что последствия голода имели долгосрочный характер. Об этом свидетельствует увеличение смертности младенцев от пороков внутриутробного развития и врожденной слабости детей. Они погибали, не успев поя-

виться на свет, от диспепсии и истощения, что было связано с неокрепшим организмом от недавнего голодания и истощения самой матери. К этому еще добавилось, особенно в городах, влияние занятости женщин тяжелой работой на предприятиях, в том числе с вредным производством, Оказывала влияние в негативном плане и изменившаяся в худшую сторону со строительством промышленных объектов в городах экологическая ситуация. Помесячное изучение младенческой смертности в эти годы показывает, что пик ее приходился на летние месяцы, когда неблагоустроенность городского хозяйства, отсутствие канализации, скученность, теснота, антисанитария способствовали еще и распространению кишечных инфекций. Весной, как правило, младенцы погибали от заболеваний органов дыхания (бронхиты, пневмония)¹².

В результате всего этого возраст «дожития» младенцев был низким. Самым тяжелым оказывался 1 день жизни, но опасная ситуация продолжалась до 10 дня жизни. Именно в этот период погибала основная масса младенцев. Спад детской смертности начинался лишь после 6 мес. существования ребенка¹³.

В деревне повышению детской смертности, в том числе младенческой часто способствовало отсутствие или недостаточность медицинского обслуживания. Между тем было выяснено, что самые ослабленные дети рождались в деревне весной из-за истощения от недоедания и витаминного голодания матери в последние месяцы беременности и в первые месяцы кормления. Это явление было и в прежние времена характерно для деревни, это отмечали еще земские статистики, но в середине 30-х гг. оно было усилено последствиями голода, перенесенного населением в 1932-1933 гг.¹⁴

О том же свидетельствуют и факты мертворождений. В 1933 г. в РСФСР родилось 8,9 тыс. мертвых детей, в т.ч. 5,8 тыс. мальчиков. Большая часть их пришлась на городскую местность, лишь 1/3 — на сельскую. В 1934 г. мертворождений было несколько меньше, поскольку уменьши-

лась рождаемость. Но и при этой пониженной рождаемости мертворождений было 7,1 тыс., при этом увеличились мертворождения в сельской местности. В 1936 г. мертворожденных стало во много раз больше, чем в предыдущие годы (29,7 тыс.), из них 17,3 тыс. мальчиков. Причем и в городе и в селе количество мертворождений было одинаковым. Как правило, больше всего мертворождений приходится на октябрь, ноябрь и декабрь. В 1934 г. к этим месяцам присоединился еще и август¹⁵.

Статистика позволяет судить за отдельные годы о возрасте, поле и социальном статусе умерших. Важно, что сохранились сведения за 1933 г. В самостоятельном населении мужчины, умершие в этом году, имели возраст от 16 до 29 лет, насчитывали почти 20%, от 30 до 49 лет — 30%, то есть половина умерших приходилась на самые молодые трудоспособные возраста. При этом у рабочих смертность была выше, чем у служащих. Причем у служащих самая высокая смертность приходилась на возраст от 30 до 49 лет. У крестьян заметно выше, чем у рабочих и служащих в возрастной группе от 10 до 18 лет¹⁶.

Женщины в возрасте от 16 до 29 лет составляли среди умерших этого пола 17%, а от 30 до 49 лет — 30%¹⁷, то есть та же высокая смертность наблюдалась в молодых возрастах, что и у мужчин. В социальном плане картина та же, что и у мужчин: у рабочих смертность выше, чем у служащих, у крестьян больше всего от смертей страдает возрастная группа от 10 до 18 лет.

Для того, чтобы объяснить сложившуюся демографическую ситуацию, необходимо обратиться к анализу причин смерти.

Наиболее распространенной причиной смерти является болезнь органов дыхания и у детей, и у взрослых: туберкулез, крупозная пневмония, бронхопневмония, пневмония и бронхит. Эта причина смерти дает 26,4% всех смертей. Вторая причина смерти — острозаразные, инфекционные заболевания, особенно распространенные среди детей. У взрослых в 30-е гг. — это оспа, сыпняк, возврат-

ная горячка. Остроинфекционные заболевания унесли 12,8% всех умерших детей: при этом погибли от кори — 4,6%, от дизентерии — 2,7%, от дифтерии — 1,2%, от скарлатины — 1,1%. Третья группа причин смерти — это последствия голодного истощения: у детей от 0 до 2-х лет — диарея, диспепсия, от которых погибало 9% детей. Среди других причин смерти у взрослых и детей были распространены — болезнь сердца, желудочно-кишечные энтериты, раковые заболевания. Последняя причина еще не была массовой, от нее погибало тогда 3% всех умерших¹⁸.

Особую группу причин смерти составлял травматизм, который усилился с развитием индустриализации. Только в городах Европейской России от травматизма погибало 3,5% всех умерших. От старческой дряхлости погибало всего 4,5% умерших. Самоубийств, убийств, смерти от алкоголизма было мало. Во всей Европейской России было всего 1690 случаев самоубийств, причем 698 приходилось из них на Москву¹⁹.

Таковы общестатистические данные о причинах смерти в 30-е гг. Однако в разные периоды 30-х гг. эти причины играли разную роль. В голодные годы начала 30-х гг. большую роль играли причины смерти от истощения, которое усугубляло и увеличивало смерть от туберкулеза и др. болезней. Заметим здесь, что причины смерти в этот период фиксировались далеко не полно. Во второй половине 30-х гг., начиная с 1935 г. имели место вспышки инфекционных детских заболеваний: 1935 г. — коклюш и скарлатина; 1936 г. — скарлатина, дифтерит, корь; 1937 г. — корь. В 1936 и 1937 гг. от кори погибло от 45 до 60% умерших в эти годы детей, от скарлатины — 20%, от дифтерии — 16–20%. Смертность от кори выросла в эти годы на 1/3 по сравнению с началом 30-х гг. В секретном донесении ЦУНХУ в правительство в 1937 г. заболевание детей корью рассматривалось как «фактическая эпидемия», охватившая в основном города²⁰.

Особого внимания требует изучение статистики смерти новорожденных и детей до 1 года жизни. В архивах сохранилась секретная записка, подписанная начальником отдела населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР В.Хотимским, датированная августом 1936 г. В ней были обобщены результаты работы сотрудников отдела по изучению детской смертности и ее причин в 1934-1935 гг. Из этой записки следует, что в 1934 г. подавляющее число смертных случаев детей в возрасте до 1 года концентрируется по следующей группе причин (в %% к общему числу всех смертных случаев):

	Болезни новорожденных, врожденная слабость	Бронхит, бронхопневмония	Детские остр. желуд.-кишечн. забол.	Итого
СССР				
(Евр. часть)	23,2	17,3	30,3	70,8
СССР	21,3	15,2	36,8	73,3
РСФСР	21,6	18,3	32,5	72,4

Около трех четвертей всех смертных случаев в возрасте до 1 года приходится на три перечисленные выше группы, которые и определяют уровень и динамику детской смертности. «Следует сделать оговорку, что вследствие неточности в регистрации причин смерти от болезней новорожденных и врожденной слабости, удельный вес этой группы в общей смертности детей в возрасте до 1 года значительно выше», — отмечается в записке.

По этим данным еще видны следы голодомора 1932-1933 гг. Истощение организма наблюдалось как у новорожденных, так и у беременных женщин, следствием чего была высокая смертность младенцев от врожденной слабости. Но вместе с тем необходимо отметить, что среди желудочно-кишечных заболеваний отмечаются частые случаи диареи и диспепсии, связанные также с ослаблением организма и ребенка и матери вследствие голодания. Распространенные, обычно, причины смерти от за-

болеваний дыхательных органов в данном случае отступают на второй план. Показательно, что именно на территории Европейской части РСФСР зафиксирован высокий процент смертей от врожденной слабости младенцев. Именно в этой части страны были расположены такие очаги голода, как Северный Кавказ и Поволжье, кроме того именно в этот регион устремлялся поток беженцев с Украины в 1932-1933 гг.

При анализе причин смерти, отмеченных в Записке, обращает на себя внимание комплекс данных о младенческой смертности в промышленных центрах страны.

**Коэффициенты детской смертности в возрасте до 1 года
в городах с населением свыше 50000 жителей
в 1934-35 гг. (на 1000 родившихся)**

	Годы	Врожденная слабость	Болезни дыхательн. органов (кроме крупозн.)	Острые желудочно-кишечные заболевания
РСФСР	1934	38,2	43,1	39,1
	1935	35,2	34,8	49,0
Европ. часть РСФСР	1934	26,2	23,7	28,7
	1935	22,4	26,2	34,1

Это сопоставление показывает, наряду с понижением смертности от врожденной слабости и болезней органов дыхания, повышение ее от желудочных заболеваний.

Все это говорит о том, что начали сказываться последствия форсированной индустриализации и ухудшение в связи с этим экологической ситуации в стране. Показательно, что эти данные собраны в городах с населением свыше 50 тыс. жителей, где строились новые и реконструировались старые промышленные объекты. Загрязнение окружающей среды вызывало рост заболеваний органов дыхания с летальным исходом.

В промышленные города стекались потоки рабочей силы, которая не обеспечивалась ни нормальными жилищными условиями, ни соответствующим медицинским обслуживанием. Часто жилье строилось (в основном это были бараки) в непосредственной близости к предприятиям с широкой зоной вредности. Коммунальное хозяйство старых городов, теперь разросшихся, находилось в кризисном состоянии. В новых городах строительство коммуникаций – водоснабжения, канализации – отставало от роста промышленных объектов и притока сюда рабочих рук. Скученность, антисанитария, недостаток отопительных, канализационных, водоснабжающих систем приводили к росту смертности населения, особенно младенцев от желудочно-кишечных заболеваний. Это одна из распространенных и устойчивых на протяжении всех 30-х гг. причина смертности младенцев. Что касается такой причины смертности, как врожденная слабость, то и она занимает заметное место среди прочих причин. В 1935 г. по сравнению с 1934 г. удельный вес ее несколько понизился, поскольку голодомор с его последствиями уходил в прошлое. Однако к концу 30-х гг. он вновь резко возрос и этот рост был связан с причинами экологического порядка. Наряду с этим все большую роль начали играть среди причин смерти пороки внутриутробного развития.

Символично, что максимально высокие причины детской смертности, – как отмечено в Записке, – приходятся на такие промышленные города с населением свыше 100 тыс. жителей, как Кемерово – 283,2; Новосибирск – 264,6; Барнаул – 253,8; свыше 200% имели такие города, как Челябинск, Сталинск, Саратов, Казань, Куйбышев, Уфа, Оренбург и др. Высокие коэффициенты детской смертности были отмечены в Свердловской, Челябинской обл., в Западно-Сибирском крае²¹.

В Записке подчеркивалось, что наша страна в результате занимала по уровню детской смертности одно из са-

мых первых мест в Европе, далеко опережая по этому печальному показателю Германию, Францию, Англию, Италию²².

Детская смертность дала высокие показатели в 1939 г., особенно в РСФСР, в таких ее областях, как Рязанская, Пензенская, Куйбышевская, Тамбовская, Воронежская, Ростовская, Алтайский край. Во всех этих районах детская смертность на 30% превышала показатели 1938 г. В 1938 г. в России умирал, не дожив до 1 года, каждый пятый новорожденный, а в 1939 г. — каждый четвертый²³.

Заметным явлением среди причин смертности взрослого населения в 30-е гг. стал травматизм. И этот момент относился главным образом к городам и был следствием ухудшения экологии в связи с вводом в действие промышленных предприятий, часто с зоной вредности, а также низкой квалификации рабочей силы и недостаточностью охраны ее труда на предприятиях. Если в 1935 г. на 1000 работников промышленности приходилось 75 случаев тяжелых травм со смертельным исходом, то в 1936 г. таких случаев было уже 90. На Челябинском тракторном заводе, Саратовском заводе комбайнов, Люберецком заводе сельскохозяйственных машин травматизм вырос ко второй половине 30-х гг. в 1,5-2 раза²⁴. Увеличилось и число умерших от раковых заболеваний, особенно в Москве и Ленинграде.

Повышение детской смертности привело к тому, что в 1936 г. в ряде районов — Ярославской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Ленинградской, Московской было зафиксировано превышение смертности над рождаемостью. Так, в Горьковской области на 16,6 тыс. рождений — 23,5 тыс. смертей; в Свердловской области — на 14,4 тыс. рождений — 19,2 тыс. смертей; в Ленинградской области на 14,6 тыс. рождений — 16,3 тыс. смертей²⁵ и т.д.

Одной из причин повышения смертности в 30-е гг. стали аборты. Известно, что в целях повышения рождаемости в стране была предпринята со стороны правитель-

ства попытка насильственной ее стимуляции: начиная с 1936 г. специальным постановлением СНК СССР было запрещено искусственное прерывание беременности (аборт). Это грубое вмешательство в личную жизнь граждан имело самые негативные последствия еще и потому, что в стране не были распространены противозачаточные средства. В этих условиях получили распространение так называемые «подпольные аборты», которые приводили нередко к смертности женщин. Судя по статистическим данным, эта трагедия в основном коснулась славянских народов, особенно городских жителей. Неславянские народы руководствовались прежде всего религиозными, национальными традициями или прибегали к средствам привычной для них народной медицины. Поэтому резкого повышения женской смертности среди них не произошло.

Что касается повышения рождаемости, то эта варварская мера не дала ожидаемых результатов. Подъем рождаемости был очень коротким, затем ее показатели несколько понизились. Учет смертности женщин от абортов за 1935-1937 гг. велся в ЦУНХУ. Приведем здесь эти данные. В 1935 г. в крупных городах России смертность от абортов была, как правило, невелика. Так, в Москве зафиксировано было всего 35 случаев за год, в Новосибирске — 12, Сталинграде — 10, Смоленске — 5, Туле — 4 и т.д. Выделялся лишь Ленинград, где было таких случаев зарегистрировано 108. Связано это было, видимо, с тем, что там проводилась перед принятием закона «обкатка» его в отдельных районах и городах. Там в связи с этим были затруднены аборты уже в 1935 г. В 1936 г. картина начинает меняться. Смертность приобретает устойчивую тенденцию к возрастанию. В Москве только за 4 месяца 1936 г. умерло 45 женщин от абортов, а в Ленинграде — 50. В других же городах смертность от абортов возросла настолько резко, что обратила на себя внимание. Так, например, в Туле в августе 1936 г. умерло женщин вдвое больше, чем за весь 1935 г. В Новосибирске за август-

ноябрь умерло от абортот почти столько же, что за весь 1935 г. Такая же ситуация наблюдалась в Томске, Смоленске и других городах. Однако это было лишь начало трагедии. Смертность нарастала с головокружительной быстротой. За первое полугодие 1937 г. в Москве умерло женщин от абортот в 2,5 раза больше, чем в 1935 г., в Ленинграде — в 1,5 раза, в Куйбышеве и Новосибирске — в 2,5 раза, в Смоленске — в 2 раза, в Туле — в 6,5 раза. Уровень смертности от абортот оставался по сравнению с 1935 г. и в последующие годы высоким (см. табл.3).

Таблица 3

**Число женщин, умерших от абортот
и последствий абортот***

Города	Число умерших в августе-ноябре 1936 г. в % к 1935 г. (весь год)
Тула	200
Ворошиловград	200
Макеевка	175
Запорожье	125
Краснодар	87,5
Москва	84,5
Куйбышев	83,3
Новосибирск	83,3
Смоленск	80,0
Ростов/нДону	66,7
Томск	66,7
Сталинград	50,0
Оренбург	50,0
Ленинград	46,3

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 132. Л. 16.

Кроме летального исхода аборт был страшен в «подпольном» исполнении и тем, что калечил женщин, порой лишал их способности к деторождению, то есть имел прямо противоположный ожидаемому результат — снижал рождаемость. К тому же такой аборт часто способствовал нарушению правильного внутриутробного развития последующих детей.

Употребление забеременевшими женщинами распространяемых подпольно непатентованных средств для избавления от плода, прибегание для этого к разным варварским методам часто приводили не к прерыванию беременности, а к рождению умственно неполноценных детей или хронически больных младенцев с пониженным запасом жизненных сил.

Вся эта ситуация усугублялась угрозой уголовной ответственности, страх перед которой заставлял женщин избегать медицинской помощи, что и приводило к повышению смертности.

По самым приблизительным подсчетам в 1930-е гг. избыточная смертность населения составила около 3,7 млн. чел.: сверхсмертность в основных пораженных голодом 1932-1933 гг. районах РСФСР (без Казахстана) — 1,5 млн.; в местах заключения — 1 млн.; избыточная смертность, особенно младенческая и детская, середины и второй половины 30-х гг. — 1,2 млн.

Таким образом, 1930-е гг. отмечены крайне негативными тенденциями в демографическом развитии населения России, поскольку определялись большими людскими потерями на протяжении всего десятилетия. Снижение смертности было кратковременным и неустойчивым. Отсюда и тенденции к нормализации демографических процессов были нестабильными. Демографическая ситуация в течение всех 30-х гг. характеризовалась глубоким затяжным кризисом, пик которого — «демографическая катастрофа» — приходился на голодные 1932-1933 гг. Кризис этот развивался не в военное время, а в мирных условиях и вызван был коренной ломкой и социально-экономических, и политических структур. При этом понесенные населением потери в 30-е гг. по числу жертв сопоставимы с потерями за первую мировую и гражданскую войны вместе взятые.

---

¹ *Жиромская В.Б.* Перепись 1937 и 1939 гг. как источник по демографической и социально-экономической истории России и

- СССР // Труды XI Всемирного конгресса по экономической истории. Милан, 1994. С. 272 (на фр. яз.).
- 2 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 166.
  - 3 *Кириллова Д.А.* Рождаемость, смертность и прирост населения СССР в 1933-1939 гг. Чебоксары, 1994. С. 15-16.
  - 4 См.: Там же. С. 114-136.
  - 5 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 28.
  - 6 Там же.
  - 7 Там же. Л. 49.
  - 8 Там же. Л. 27.
  - 9 Там же. Л. 21-22.
  - 10 Там же. Л. 27.
  - 11 Там же. Л. 28.
  - 12 Там же. Д. 26. Л. 4-4 об., 8-8 об.; Д. 58. Л. 24-24 об.
  - 13 Там же. Д. 109. Л. 47-47 об., 51-51 об.
  - 14 Там же. Д. 16. Л. 90.
  - 15 Там же. Д. 19. Л. 75; Д. 52. Л. 19-21; Д. 110. Л. 3-5.
  - 16 Там же. Д. 16. Л. 65-65 об.
  - 17 Там же.
  - 18 Там же. Д. 19. Л. 4-6; Д. 26. Л. 4, 8, 25-27.
  - 19 Там же. Л. 25-27.
  - 20 Там же. Д. 109. Л. 32-35; Д. 107. Л. 141-143.
  - 21 Там же. Л. 214-220.
  - 22 Там же. Л. 219-220.
  - 23 Там же. Д. 256. Л. 115-116.
  - 24 Там же. Д. 82. Л. 1-3.
  - 25 Там же. Д. 109. Л. 33-39.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Л.Н.Нежинский:

У меня два вопроса. Судя по докладу, это очень глубокая разработка, которую вы ведете, исследуя эту крайне важную и непростую тему, связанную с историей нашего Отечества в 30-е гг. Не приходилось ли Вам встречать работы, которые в таком ракурсе пытались анализировать проблемы народонаселения хотя бы крупных европейских стран – Великобритании, Франции, Германии, Италии в 30-е гг. или в межвоенный период в целом, или вы здесь выступаете фактически пионером, исследуя и ставя эти вопросы применительно к советскому обществу?

В.Б.Жиromская:

Вы имеете в виду работы, которые исследовали бы состояние советского общества или их собственного?

Л.Н.Нежинский:

И советского, и их собственного, потому что это крайне интересно. В отношении нашей страны Вы нарисовали очень впечатляющую картину. Были ли в других странах такого рода исследования? Проводили ли они исследования по нашему обществу или это было недоступно в силу отсутствия необходимых источников, занимались ли они изучением поставленных проблем по своим странам? Были ли у них такие известные Вам исследования или это оставалось в стороне?

В.Б.Жиromская:

Что касается исторической демографии, то за рубежом — это такая разветвленная и такая старая уже наука, что работ, которые посвящены состоянию воспроизводства населения, демографическим процессам за разные века, и в том числе за XX в., очень много. Очень много этим занимались в Англии, во Франции, в Соединенных Штатах. И это сыграло положительную роль, потому что удалось стимулировать и фактически усилить «бэби-бум», который был после войны в ряде стран, например, в США.

Л.Н.Нежинский:

А в межвоенное десятилетие?

В.Б.Жиromская:

Межвоенное десятилетие тоже, конечно, исследовалось. В Германии, конечно, ситуация была очень сложной и в том, что касается смертности, где-то с нашей сопоставимой. Но в Германии, как и во Франции, Англии и США (в США позднее) демографический переход к этому времени, если и не полностью завершился, то был уже близок к этому, то есть у них была малодетная се-

мья, низкая рождаемость и очень низкая смертность, и хотя там были в некоторые годы срывы с понижением смертности, в принципе низкая смертность в этих странах фиксировалась уже давно, наверное, с середины XIX в. Конечно, были там периоды войн, во Франции — периоды революций, но повышение смертности ограничивалось несколькими годами. Таких, как у нас, проблем со смертностью уже, как правило, не было. Там давно была устойчиво низкая смертность и пониженная рождаемость, которая во Франции привела к тому, что в течение многих лет там был вообще отрицательный прирост населения. Результаты этого явления изучаются. Там было по этому поводу опасение: боялись вымирания французской нации. Сейчас во Франции рождаемость повысилась, но трудно сказать за счет каких народностей.

Л.Н.Нежинский:

Да, там еще и эмиграция велика.

В.Б.Жиромская:

Да, и эмиграция большая, в частности алжирцев очень много. У них высокая рождаемость, а считается население в целом, ведется общая статистика. Во Франции кризис с рождаемостью начался еще в 30-е гг.: очень низкая рождаемость при высокой брачности и длительном существовании брачных пар. В Англии рождаемость была несколько выше. Но это тоже страна со стареющим обществом. Это одно из следствий демографического перехода. Для западных стран характерно господство эндогенных, т.е. внутренних причин смертности: люди умирали от болезней сердца, органов кровообращения и прочих такого рода заболеваний. Во всяком случае, не эпидемии и не туберкулез были ведущими причинами. Именно эти причины у нас преобладали в 30-е гг., они не характерны в то время для развитых стран, они были распространены там в средние века.

Что касается демографического перехода, то он в России развивался позднее, чем на Западе. Я говорила, что у нас случился перерыв в его развитии. Был момент в конце XIX в. и в начале XX в., когда Россия начала идти за другими странами, которые уже углубились в процесс демографического перехода. У нас начался было переход, но прервался. У них тоже были перерывы, связанные с войнами, но довольно быстро компенсировались. А у нас этого не произошло. Глубинно были нарушены демографические процессы, которые продолжали нарушаться в течение многих и многих лет.

Что же касается исследований по нашей стране за рубежом, то там есть работы Адамца в соавторстве с Захаровым (Захаров, правда, наш ученый, но много публиковался во Франции, на французском языке). Кроме того этими вопросами занимался Максудов, но в основном — потерями голодных лет. Вообще жертвы голода 1932-1933 гг. изучались активно. На этом я не стала останавливаться, оценок потерь очень много. Сами же демографические процессы на протяжении всех 30-х гг. кроме Адамца, Захарова и группы НИИ Комитета по статистике никто не рассматривал, но и у них это сделано довольно отрывочно, поскольку статистические материалы очень неполны. Кое-что нам удалось получить буквально в последнее время.

А.К.Соколов:

Валентина Борисовна, все, кто работает по предвоенным годам, встречаются с такими проблемами: отсутствие систематических данных, динамических рядов по этому периоду по вполне понятным причинам, поскольку все материалы были тогда закрыты и приходится вести большую работу по выявлению и восстановлению этих динамических рядов, то есть по рождаемости, смертности, естественному приросту за все 30-е гг.

В результате вашей продолжительной работы удалось вам восстановить эти динамические ряды за 30-е гг.? Я имею в виду рождаемость, смертность, естественный прирост, средний размер семьи.

В.Б.Жиромская:

Работа по изучению демографических процессов и восстановлению динамических рядов (а восстанавливать их действительно очень трудно) еще далеко не закончена. Моя работа – это, наверное, один из этапов осмысления этих процессов.

В принципе динамические ряды существуют, они рассчитывались еще тогда, в 30-е гг., и есть в закрытой статистике. К ним сделана масса поправок. У меня тоже есть свои поправки.

Вы, наверное, работу Кирилловой знаете. Там произведен близкий к делу, как мне кажется, расчет этих динамических рядов. У меня с ним, в общем-то, небольшие расхождения, несущественные.

Что касается НИИ Комитета по статистике, то там недавно сделали динамические ряды с поправками по регрессивной модели. Эти ряды вызвали у меня некоторые сомнения своей излишней точностью. Я вообще считаю, что с точностью до одного человека и даже до одной тысячи человек число рожденных и умерших восстановить невозможно. Это не численность населения в переписях, где можно очень близко подойти к истине. А здесь важна тенденция. Вот тенденции-то у всех совпадают, тенденции и подъемов, и потерь, и провалов. Вопрос о численности. Например, НИИ считает, что в 30-е гг. был огромный недоучет смертей. А раз недоучет смертей, то и рождений. Они вообще считают, что у нас тогда было чисто аграрное общество, что никаких даже признаков демографического перехода у нас до Великой Отечественной войны не имелось. Поэтому снижение рождаемости они объясняют только мертворождениями и недоучетами рождений, считают, что реального снижения рождаемости в это время не было, снижалась только так называемая эффективная рождаемость.

Я с этим не согласна, поскольку, конечно, были и недоучет, и снижение рождаемости. Не надо здесь увле-

каться идеями перехода к малодетности, которые тогда были мало распространены. Но женщина была вовлечена в производство; во время коллективизации разрушались семьи; люди находились в «бегах», спасаясь от репрессий. Конечно, рождаемость в этих условиях понижалась.

А.К.Соколов:

То есть факт, что 12 млн. в этот период перешли в города, это вообще не учитывается сотрудниками НИИ Комитета по статистике?

В.Б.Жиромская:

Да. Я думаю, что это мало учитывается. Люди не только в города перешли. Иногда они покидали районы своего обитания, попадали в тяжелые условия. Поэтому я считаю, что тут было и реальное снижение рождаемости, и снижение эффективной рождаемости. Тут все слилось.

Вопрос из зала:

Вы выделяете в своей работе механизм учета? Трансформировался ли он?

В.Б.Жиромская:

Выделяю. В общих чертах изменения механизма статистического учета у меня просматривается. Естественно, это невозможно сделать досконально, потому что именно тогда он претерпел огромные изменения: 1935 г. — ко- ренная ломка система учета, когда передали все НКВД.

Г.А.Куманев:

В докладе приведено много цифр, в том числе немало печальных цифр для развития нашего общества.

Насколько они являются приближенными к истине? Какую долю составляют Ваши личные подсчеты с использованием ЭВМ или еще каких-то современных способов и какую долю составляют данные закрытых архивов и официальной статистики?

У нас иногда бывает фетишизация тех данных, которые находятся или находились в недоступных для иссле-

дователя хранилищах или фондах. А ведь там тоже не все цифры, если они были секретными или закрытыми, отвечают истине.

Я приведу только один пример.

По итогам чистки в наших Вооруженных Силах Е.Щаденко, который возглавлял одно из управлений РККА, известный деятель периода гражданской войны, подготовил итоговый статистический документ о том, как прошли в армии чистки и репрессии. И он дал смехотворные данные, что всего было репрессировано, уволено из Вооруженных сил (уволено только!) — 15 тыс., и из них потом 9 тыс. реабилитировано. Можно ли верить этим данным?

Второй вопрос. Широко известны данные, приведенные Конквестом в его книге «Голод», о том, сколько у нас умерло во время страшного голода на Украине, на Юге в начале 30-х гг. Насколько ваши данные расходятся с этими данными или Вы их безоговорочно принимаете?

В.Б.Жиромская:

Я специально Украиной не занималась, больше — Россией и жертвами голода в России.

Г.А.Куманев:

Там были граждане не только Украины, а Северного Кавказа.

В.Б.Жиромская:

Что касается Северного Кавказа, то я с данными Конквеста, пожалуй, солидаризируюсь, а по Украине больше сведений дают исследования Перковского и Кульчицкого, особенно Кульчицкого. Я опираюсь на его данные.

Конквест писал на довольно ранней стадии изучения этих вопросов, когда оно только началось и было мало материалов. Мне кажется, что у Кульчицкого более сбалансированные оценки.

Ю.А.Поляков:

Я хотел бы поздравить Валентину Борисовну с хорошим докладом. Она давно и основательно занимается этой проблематикой, начав с первой половины 20-х гг., с городской переписи 1923 г., продолжая эту работу хронологически дальше и дальше, приближаясь к нашим дням (от наших дней отвлечься невозможно), и вот вы видите результаты ее работы. Она докладывает по этим сюжетам не первый раз, и всегда ее выступления вызывают большой интерес, большое внимание. Я не хочу касаться деталей некоторых вопросов, отвечу только на один вопрос относительно рождаемости на Западе и участия в этом эмигрантов.

Во Франции в 1987 г. родилось 220 тыс. человек, из них 40 тыс. — это дети живущих во Франции алжирцев, тунисцев и прочих. Вы видите, какое соотношение. Конечно, французы над этим задумываются.

Несколько слов о демографических исследованиях у нас в Институте. Демографические исследования в любой аудитории вызывают огромный интерес: всегда задают вопросы, спорят. В какой-то мере демография стала инструментом политической борьбы.

Я не раз писал о том, что 9/10 демографических сведений, которые сообщаются в нашей печати, не имеют научных подтверждений. Поэтому очень важна работа сотрудников научных институтов. Сейчас Академия наук создала специальную комиссию по борьбе с лженаукой, и поставленные проблемы входят туда, — наша работа имеет большое значение. Маленькая группа из трех человек (В.Б.Жиромская, О.М.Вербицкая, Н.А.Араловец) подготовили первый и второй тома трехтомника «История населения России в XX в.». Они в ближайшее время увидят свет.

Эти проблемы сложны. Переписи проходят раз в 10 лет. Очередная перепись должна была быть в 1999 г. Отказались, денег нет. Перепись 1926 г. долго служила основным источником, а 30-е гг. были сложными. В.Б.Жиромская активно

взялась за эту сложную проблематику, потому что мы издали перепись и 1937-го, и 1939-го года, и Валентина Борисовна, в частности, провела большую работу по установлению степени достоверности этих материалов.

Материалы переписей приобрели мировую известность. Проводились по этому поводу международные конференции.

Кроме того, мы взяли проблему «Экология и демография». Влияние этого на население, на его рост, на численность. Это гигантская проблема. Мы хотим взять исторические аспекты с древнейших времен. Нам дают очень много материала по современности, но мы должны показать это взаимоотношение человека и природы исторически: как люди жили раньше, чем питались, как повлияло создание ирригационных систем, скученность в городах, эпидемии и т.д.

Л.Н.Нежинский:

С этим связана очень важная проблема допустимого предела развития науки.

Ю.А.Поляков:

Я хочу поставить только две проблемы, которые очень важны для исследования XX в. вообще и для демографии, в частности: соотношение в исследованиях материалов по России и Советскому Союзу.

Когда исследования ведутся применительно к советскому периоду, а это как-никак три четверти века, то здесь происходит большая путаница. Должны ли мы брать всю страну или выделять искусственно Российскую Федерацию?

Когда мы берем всю страну, мы допускаем ошибку. А когда искусственно выделяем Россию, то это тоже неправильно. До революции существовала Российская империя. Мы же не выделяем оттуда русские губернии, — мы берем Россию в целом. А почему применительно ко времени существования Советского Союза мы должны вы-

делять Российскую Федерацию? А мы должны ее выделять, мы должны показывать развитие областей, входивших в Российскую Федерацию, но обязательно на общем фоне. Иначе мы дойдем до глупости и уже доходим до глупости — когда мы говорим о войне, то не только научные сотрудники, публицисты, но и некоторые исторически не слишком подкованные руководители, выделяют Россию. Но воевал-то Советский Союз, а не только Российская Федерация. Как можно отделять Российскую Федерацию от всех других республик?

Применительно к 30-м гг., к послевоенному десятилетию нужно иметь в виду, что все это происходило на фоне существования единого государства. Демографические процессы тоже шли общие: люди переезжали в Казахстан, из Казахстана (меньше) в Центр и т.д. Миграции происходили на общем пространстве Советского Союза. Без этого обойтись нельзя.

Я рекомендую всем, кто занимается этими проблемами, эту сторону всегда иметь в виду.

И вторая проблема, очень сложная, она связана и с географией, поскольку география и демография находятся рядом: наш Центр называется Центром по изучению территорий и населений, и сложность работы наших научных сотрудников, которые этим занимаются, связана с тем, что все время менялись границы. Так, до революции существовали губернии, наместничество, а после революции началось создание национальных республик. Ведь Татарская республика создана на территории пяти губерний! И здесь имеет место большое количество ошибок, потому что берутся несопоставимые данные, несопоставимые территории. Например, часто сравнивается территория России дореволюционной и Советского Союза (мне приходилось об этом писать). Но ведь территория Советского Союза по сравнению с Россией на 800 тыс. кв. км, а население — на 30-32 млн. меньше. И тем не менее часто это сравнивают и говорят: вот сколько Со-

ветский Союз потерял. И потом тоже проводилось районирование, укрупнение, разукрупнение, и очень часто историки, а это культура исторического труда, что всегда надо иметь в виду, — к таким вопросам относятся с пренебрежением и сравнивают какую-нибудь Ивановскую губернию с Ивановской областью, хотя все это менялось много раз. А сравнивают это с легкостью, что приводит к серьезным ошибкам.

Я еще раз хочу привлечь ваше внимание к этим проблемам. Очень хорошо, что Ученый совет не обходит нас вниманием, поскольку Институт российской истории в этих вопросах, и выпустив переписи, и выдвигая и разрабатывая очень важные интересные проблемы, и готовя коллективные труды и монографии, идет по этой проблематике, не в последних рядах.

Ф.И.Новик:

Мне очень понравился доклад Валентины Борисовны, как и ее предыдущие выступления на Ученом совете, тоже посвященные проблеме демографии. Каждый раз она вносит новые очень существенные нюансы в наше понимание демографических процессов в нашей стране.

Здесь был затронут вопрос о том, как развивалась демографическая ситуация в западных странах. Я специально не занималась этим в отношении Германии, но однажды покойный академик Нарочницкий меня озадачил одной темой, работа по которой потом была опубликована, а именно — «Германия: прогресс в период мира и регресс в период войны». Мне пришлось тогда изучить не только экономические аспекты прогресса и регресса, но и демографические аспекты. В применении к 30-м гг. в Германии сложилась очень интересная ситуация. После прихода фашистов к власти, резко возросла рождаемость. Это было связано с политикой, что немецкая семья должна быть большой, немецкая женщина должна рожать много детей для фюрера, для власти; существовала определенная политика в отношении аборт. И рождаемость

перед войной резко повысилась. Кроме того, перед войной в Германию эмигрировали немцы, рожденные не в Германии, а жившие в других странах — так называемые «фольксдейче», причем из многих стран приезжали немцы, у которых семьи были больше, чем немецкие семьи, уже сложившиеся в Германии. Это тоже повысило число детей перед войной. И в то же время существует статистика, показывающая, как резко (на 50%) снизилась рождаемость в период войны.

Вернее, это даже не статистика учитывает, а это ученые рассчитывают — сокращение рождаемости оттого, что отцы ушли на войну, распались семьи во время войны. Но они рассчитывают не только на то, что перед войной было столько-то, в период войны — столько-то, но и насколько бы могло увеличиться население и родиться больше в период войны, если бы семьи не распались. Весьма любопытные данные. И, мне кажется, это интересно, этим занимались и наши демографы, которые писали о народонаселении в других странах.

С этой точки зрения Германия, конечно, очень интересная и показательная страна. Если этим заниматься специально, то там можно увидеть интересные процессы именно в период 30-х гг., о котором сегодня говорили применительно к Российской Федерации.

Г.А.Куманев:

Нельзя, конечно, фетишизировать некоторые статистические данные, которые были в секретных фондах, что делают некоторые наши исследователи. Я снова обращаюсь в порядке примера к документу, подписанному Щаденко. Там говорится о 15-ти тыс. только уволенных из Вооруженных сил, включая и репрессированных. Я хочу привести контр-документ. Когда была т.н. история с «антипартийной группировкой», то управляющий делами ЦК КПСС Малин вместе с маршалом Жуковым, который был тогда министром обороны, вскрыли сейфы Молотова, Маленкова, Кагановича. Что они там обнаружи-

ли? Они обнаружили там целый ряд интересных данных относительно репрессий и вот эти данные: с 27 февраля только 1937 г. по 12 декабря 1938 г. с санкции Сталина, Молотова и Кагановича было расстреляно 36896 военнослужащих. И это верхушка, это высший срез.

Как же можно данным Щаденко верить? Хотя там — печать, и Сталиным одобрен этот документ, и прочее. Я думаю, не был ли этот документ все-таки каким-то социальным заказом.

Вы приводили иной раз интереснейшие данные о росте смертности и о снижении рождаемости, но не говорили во всех случаях, почему это происходило. Объяснить, конечно, тоже бывает сложно — слишком много косвенных факторов.

Л.Н.Нежинский:

Позвольте мне подвести некоторые итоги.

Первое. Мы заслушали очень интересный доклад, затрагивающий не одну какую-то сторону жизни и русского, и советского общества, а целый ряд магистральных сторон истории нашего Отечества в труднейшие межвоенные годы. И это дает основания поблагодарить докладчика и пожелать и дальше столь же интенсивно разрабатывать эту тематику.

Сама фактура доклада, судя по реакции зала, и по тому, что конкретно там было сказано, к особому веселью не располагает. Но вместе с тем мне кажется, что этот доклад подтверждает один очень важный вывод, который в нашей науке уже был сделан, но который мы имеем право и дальше расширять, обосновывать и доводить до как можно более широких слоев научной общественности и общественности других стран, а именно без демографических исследований нельзя всесторонне рассматривать исторический процесс.

То исследование, которое проводят наши уважаемые коллеги, в том числе Валентина Борисовна Жиромская, помогает нам понять, как формировался вклад в Победу

в годы Великой Отечественной войны. Большую роль сыграли особенности демографических процессов в 20-е гг., которые довольно сильно отличались от тенденций и дальнейшей эволюции народонаселения в 30-е гг. И не случайно то, что именно люди, рожденные в 20-е гг. и до того, но особенно в 20-е (до 1927 г.) внесли основной вклад в дело достижения Победы в Великой Отечественной войне.

Это еще раз подтверждает то, как демография тесно переплетается с общегосударственными проблемами и тенденциями в нашей стране.

В.Б.Жиромская:

Действительно, годы с 1924 по 1927 были очень благоприятными в демографическом отношении.

Л.Н.Нежинский:

Рожденные в эти годы люди составляли костяк нашей Армии. На них же выпали и наибольшие жертвы.

Вы исследуете, разрабатываете, сложнейшие проблемы, которые помогают нам понять многие аспекты нашей истории. Отсюда важный вывод: как важно учитывать уроки истории, как важно их знать!

Мы можем поблагодарить докладчика и пожелать и дальше разрабатывать эту очень важную сторону, это очень важное направление истории наших народов, нашего отечества в XX столетии.

В.Б.Жиромская:

Я хочу поблагодарить всех и сказать, что все-таки у нас архивные разработки — это основной материал, потому что мы не можем основываться на том, что было опубликовано когда-то в открытой печати. Приходится анализировать, сопоставлять факты при изучении архивного материала, устанавливать их подлинность и таким образом добиваться приближения к истине.

ЧЕЛОВЕК В ПОВСЕДНЕВНОСТИ* **(Исторические аспекты)**

Каждый, кто знаком с современной мировой исторической литературой, хорошо знает, как велико количество книг и статей о самых различных сторонах человеческого бытия, повседневной жизни человека. Эти стороны порой незаметны, привычны и потому заслонены политической борьбой, войнами, революциями, социальными сдвигами, научно-техническими открытиями. Парламентские выборы, правительственные кризисы, династические коллапсы, конечно, важны, они бросаются в глаза, они на поверхности исторического процесса. Но между тем людей волнуют свои проблемы — вечные, постоянные. Новая техника, естественно, затрагивает человеческое бытие, вносит в него существенные перемены. Но, как и столетия назад, людей больше всего затрагивают проблемы жизни и смерти, и, соответственно, голода и сытости, здоровья и болезней, жилища; любви и ревности и, соответственно, секса, семейных отношений; взаимоотношения поколений.

Кто будет спорить о том, что формы бытия бесконечно различны в разных регионах? Кто будет спорить, что образ жизни человека менялся с каждым веком? Менялись одежда, пища, способы передвижения, жилье. Менялась и человеческая ментальность.

Только за XX столетие радио, телевидение, самолет, автомобиль внешне сделали бытие абсолютно не похожим на жизнь римлянина эпохи Цезаря, грека эпохи Перикла, человека пушкинской поры и толстовской эпохи. Но если мы станем читать философские, драматические, исторические сочинения великих эллинов, деятелей Возрождения, мы без труда увидим, что они были обуреваемы

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 24 июня 1999 г.

мы теми же страстями, что и современный человек. Только проявлялись они в других формах. Люди обладали теми же достоинствами и пороками, что и ныне. Гордость, доброта, любовь, зависть, ревность, корыстолюбие, честолюбие, жестокость существовали всегда. Поэтому история по существу — это повседневная жизнь человека в ее историческом развитии, проявление стабильных, постоянных, неизменных свойств и качеств в соответствии с (географическими и временными условиями, рождением и закреплением новых форм жилья, питания, перемещения, работы, досуга. Старые, традиционные формы человеческих отношений устойчивы, живучи. Они уходят, отживают медленно, неоднократно возникая из, казалось бы, навсегда ушедшего прошлого.

Новые формы динамичны, они напористо вторгаются в сегодняшний век. Поэтому история призвана фиксировать происходившую и на поверхности, и, главным образом, в глубинах народных масс борьбу и сочетание старого в новом и нового в старом.

История — не политика, опрокинутая в прошлое, хотя исторические памятники всегда имеют политическую подсветку. Но, думаю, можно сказать, что история — это прежде всего повседневная жизнь, опрокинутая в прошлое. Кто-то называет историю повседневности мини историей. Но изучение этих проблем вовсе не означает, что мы измеряем спичкой глубину реки. Нет, это одно из русел, которые, сливаясь, образуют мощный поток исторического процесса. Это и есть настоящая история. Речь идет, конечно, не о противопоставлении одного другому. Нет, все эти русла, переплетаясь, порой причудливо, составляют сложную, противоречивую, полную зигзагов, но единую в своем многообразии и многообразную в своем единстве историю человечества.

История повседневности — сумма миллиардов судеб людей, живущих в далеком и близком минувшем, имеющих как общие глобальные черты, так и специфические,

региональные, национальные, наконец, индивидуальные. Задача — обрисовать их образ жизни в историческом разрезе, выявляя общее и особенное, неизменное, сохраняющееся столетиями, и новое, ежедневно рождаемое буднями.

Я начал с упоминания о мировой исторической науке не случайно. Хочу привести примеры, показывающие, какое внимание уделяется этой проблематике за рубежом.

Собственно говоря, описание истории уже в древнейшие времена всегда охватывало самые различные стороны человеческого бытия. Достаточно сослаться на греческих и римских историков. В исторической литературе более позднего времени мы находим великолепные — достоверные, красочные и живые — описания жизни и быта древнего Рима, древней Греции, европейского и русского средневековья. Всегда это читалось и читается с огромным интересом (хотя есть в этой литературе социальная односторонность и описательность).

К XX в. появились такие стороны человеческого бытия, о которых, естественно, раньше и не слыхивали, а в современности они заняли ведущее место. Сама жизнь потребовала, чтобы уровень и масштаб научной разработки новой проблематики были адекватны масштабу произошедших в XX в. перемен.

На всемирном конгрессе историков в 1995 г. в Монреале было три так называемых больших, т.е. пленарных темы. Одна из них связана с гендерной историей. Тогда этот термин был в России мало известен. Теперь он входит в научный и даже общественно-политический обиход. На конгрессе было заслушано 30 докладов — и методология гендерной истории, и самые разнообразные конкретно-исторические темы. Например: «Участие женщин в контрабанде в Средиземноморье в XIX в.»; «Семья, секс и власть»; «Трудолюбивая жена или хорошая мать?» (на материалах Финляндии XIX в. — Ю.П.); «Семейная идеология при модернизации Японии» и т.д.¹

Затем освещались так называемые специальные (полупленарные) темы. Прошли заседания, посвященные «пожилому возрасту». Слушалось 9 докладов типа «Пожилой возраст в древности», «Пожилой возраст в средние века» и т.п.

На заседании «Детство в истории» было прочитано 11 докладов типа «Дети и родители. Дания 1800-1914», «Традиционные элементы в воспитании мальчиков в Китае» и т.д.² Наконец, работала Комиссия по исторической демографии, участники которой заслушали более 100 докладов («Родство и домашнее хозяйство», «Выживание подростков в средневековой Швеции», «Три великих убийцы — эпидемии, голод, войны», «Секс, грех и внезапная смерть (об эпидемии холеры в Мексике в 1833 г.)»³.

На следующий XIX международный конгресс, который состоится в 2000 г. в Осло, предварительная программа предусматривает в том числе доклады по проблемам:

Семейная демография. Сравнительный анализ по Азии и Европе. История гомосексуализма и лесбиянства. Семья, замужество и права собственности. История самоубийств.

Таким образом, международные конгрессы, отражающие основные направления развития мировой исторической науки, показывают широкое распространение проблем семьи, возраста, взаимоотношения полов, домашнего хозяйства и т.п. И еще примеры. В «Международном журнале социальных наук» опубликована статья Дана Эдгара и Хелен Глезер «Семья и интимность. Семейная карьера и реконструкция личной жизни». О содержании статьи дают представление названия ее разделов: «Понятие близости», «Моделирование семейной жизни», «Добрачная близость», «Дети и отношения близости в семье», «Романтическая любовь и семейная жизнь»⁴. Библиография к статье насчитывает 180 названий. Среди них: «Социальная история семейной жизни»; «Развод и возобновление брака в средние века»; «Стаж

семейной жизни»; «Любовь в Америке»; «Место дедушек и бабушек в американской семье»; «Родительское вмешательство и романтическая любовь. Эффект Ромео и Джульетты»; «Детство в социальном контексте»; «Региональные особенности разводов в США»; «50 лет семейной демографии»; «Труд и семья от рабства до наших дней»; «Повседневная жизнь (с точки зрения супружеских отношений)»; «Историческая проблема семейной зарплаты (компания Форда и пятидолларовый день)»; «Альтернативная история любви и замужества»; «Демографические изменения и семейная политика во Франции со Второй мировой войны»; «Браки и разводы в XX в.»; «Семья, секс и брак в Англии в 1500-1800 гг.». Главный вывод, который напрашивается из этого перечня, — огромное внимание, огромный интерес к проблемам повседневности, прежде всего семьи и секса.

Конечно, в российской и советской историографии есть немало работ о быте, семье, досуге. Бытовой проблематикой довольно активно занимались до революции. Обратимся хотя бы к И.Е.Забелину с его исследованиями о домашнем быте русских царей и цариц (в XVI и XVII столетиях). Блестящие страницы о жизни и быте россиян мы находим у В.О.Ключевского. Печатались материалы земской статистики, данные обследований, статьи и книги о сельском населении и фабрично-заводских рабочих.

Не имея возможности углубляться в историю вопроса, все же напомним, что в советской историографии были осуществлены новые подходы к этим сюжетам. Выходили книги по истории фабрик и заводов, где много внимания уделялось быту рабочих, условиям их труда. Опубликована масса данных о питании, жилье, медобслуживании и т.д. Много ценных сведений мы находим в краеведческих работах.

Ю.И.Кирьянов исследовал жизненный уровень рабочих России в конце XIX — начале XX в.⁵ В.Е.Полетаев проводил историко-социологические исследования. Под редак-

цией Е.И.Пивовара в 90-х гг. вышел сборник «Советский рабочий: духовная сфера и быт»⁶. Среди 17 его статей есть, к примеру, такая: «Жизнь и быт рабочих Москвы. 1926-1932». Своеобразные подходы к разработке этой проблематики у А.К.Соколова. М.С.Зинич и Е.С.Сенявская писали о буднях и менталитете людей военных лет. Н.А.Араловец и О.М.Вербицкая изучают историю семьи в XX в.

Немало сделали в изучении условий жизни и труда советские аграрники, исследуя, в частности, индивидуальные крестьянские бюджеты. Удачную попытку связать исследование своеобразия русского крестьянского хозяйства с общеисторическим процессом предпринял Л.В.Милов⁷. Внимание общественности привлек сборник «Частная жизнь. Человек в кругу семьи», вышедший в 1996 г.⁸

В 60-80-е гг. в советской историографии получило широкое распространение изучение советского образа жизни. В 90-е гг. нашлись невежественные критиканы, оттачивавшие свое убогое остроумие на высмеивании понятия «советский образ жизни». Действительно, в статьях и книгах 60-80-х гг. было много апологетического, формального. Но невозможно отрицать, что за три четверти века в советском обществе сложились черты, присущие только нашему обществу, существенно отличающиеся от традиционных — и старороссийских и западных. В будни и в праздники в производственных коллективах, в домашнем быту, в здравоохранении, досуге, системе образования и т.д. складывались новые формы образа жизни. Было в этих новых чертах много негативного, порожденного уравнильностью, бедностью, небывалой идеологической и административной ролью государства. Вместе с тем появилось немало и позитивных черт, обусловленных стремлением укрепить коллективизм, повысить образовательный и культурный уровень населения, включить его в общественную жизнь.

В этих сложных процессах надо спокойно и объективно разбираться, делая их предметом научного иссле-

дования. Представляется полезным использовать научные труды о советском образе жизни, поскольку они содержат достоверные факты, интересные выводы и наблюдения о повседневной жизни рабочих, крестьян, интеллигенции. Надо учитывать, что в бесчисленном множестве книг общеисторического плана — по истории городов, революций, социалистического строительства, войны есть огромное количество упоминаний о питании, жилье, одежде, семейных отношениях и т.д. Но в нынешней литературе эти сюжеты имеют фрагментарный и уж, конечно, не определяющий, а третьестепенный характер.

Нельзя сказать, что эта проблематика совсем беспризорная, бесхозная, позабытая. Но развитие мировой науки и внутренняя логика поступательного движения российской науки требуют, чтобы она разрабатывалась не от случая к случаю, не фрагментарно, а систематически, фронтально. Иными словами, настало время, когда необходимо всерьез и масштабно заняться изучением различных сторон человеческого бытия.

Поскольку возникли такие явления повседневной жизни человека, о которых раньше и не слыхивали, ясно, что уровень и масштаб научной разработки этой проблематики не адекватны произошедшим в XX в. переменам. Речь идет не о новом направлении в исторической науке, а об отражении возросшего интереса к старой, но непрерывно обновляющейся проблематике. Мы долго твердили о том, что человек — творец истории. Он и в самом деле ее творец. Мы утверждали, что он и главный объект исторического исследования. Он действительно главный объект исторических штудий. Значит, надо изучать не только его производственную, политическую деятельность, не только культурные и научные достижения, а его, человека, как такового, его жизнь, какой она была и какой стала.

Проблематика «Человек в повседневности» ближе всего к тому направлению, которое именуют социальной историей⁹. Отличие прежде всего в большей «зазем-

ленности», большей конкретности, детализированности.

Этнография или этнология как историческая дисциплина изучает вопросы питания, обустройства жилищ, особенности национальной одежды, украшений, орнаментов. Но специфические задачи и методики этнологии совершенно недостаточны для познания многогранности человеческого бытия. Я не умаляю значения этнологии. Напротив, хочу подчеркнуть, что именно в тематике повседневности заложены наибольшие возможности для сотрудничества всех исторических дисциплин, здесь обширная пограничная область с этнологией, историей культуры, демографией.

Именно здесь необходим выход на широкий междисциплинарный уровень. Дело в том, что проблемы истории человеческого бытия бесчисленны и многообразны, как неизмеримы и многообразны проявления самой жизни. Изучение истории человеческого бытия возможно и по отдельным его аспектам, и обобщенно, комплексно.

В этой сфере должны быть задействованы не только гуманитарные науки, но и естественные — фундаментальные и прикладные. Особенность исторической науки известна: то, что сегодня является предметом, далеким от истории, входит в ведение специалистов, завтра уходит в прошлое и становится компетенцией истории. Так, проблемы жилищного строительства сегодня заботят администраторов и строителей. Завтра их станут изучать историки, они будут неотъемлемой частью общей картины человеческого бытия. То же, скажем, относится к системе здравоохранения, системе общественного питания и питания вообще и далее, практически до бесконечности, ибо невозможно объять все стороны человеческого бытия. Оно по существу не имеет проблемно-тематических границ, беспредельно, безгранично. Каждый день расширяет наши представления, знания о человеке и его жизнедеятельности. Прогресс человечества непрерывно меняет формы жизнедеятельности, формы тру-

да, передвижения и досуга. Так, появление и массовое распространение телевидения существенно изменило человеческий досуг, и изучать людской быт второй половины XX в. без освещения роли и места голубого экрана невозможно. Я не говорю уже о появлении многообразной телевизионной индустрии — производстве телевизоров, создании инженерно-технической службы и, конечно, обеспечении самих телевизионных программ.

Таким образом, изучение истории человеческого бытия не просто предполагает, но и требует междисциплинарного подхода, подразумевает использование материалов самых разных наук. Но, конечно, главная роль принадлежит общественным наукам, истории в первую очередь, правоведению, литературоведению, психологии, социологии, демографии.

Что касается историков, то здесь ближе всего к этой проблематике стоят этнологи, археологи, историко-демографы.

Основные аспекты истории повседневности чрезвычайно тесно взаимодействуют, порой переплетаясь в одном комплексе. Вопросы питания, к примеру, связаны с состоянием сельского хозяйства, деятельностью пищевой промышленности, с торговлей, импортом пищевых продуктов, медициной, ибо для миллионов людей требуется диетическое питание, а неправильное или недостаточное питание приводит человека к порогу больниц. Вопросы питания имеют и социальную сторону, ибо потребление пищи в количественном и качественном отношении зависит от материального положения граждан. На протяжении столетий можно проследить то, как определенные слои населения испытывали систематическое недоедание, не говоря уже о вспышках массового голода.

Необъятность проблематики и наличие явных и неявных взаимосвязей делают весьма трудной задачу вычленения основных направлений. Но все же небесполезно типологизировать эту проблематику, хотя выделение на-

правлений неизбежно будет условным и относительным.

Первое направление — историко-демографическое. Оно в принципе традиционно. Но, прежде всего, необходимы его активизация и расширение масштабов общей деятельности. А главное возможен и желателен выход за пределы привычных рамок. Нет надобности объяснять, что проблемы рождаемости, смертности обречены на то, чтобы стоять на первом месте. Все-таки, как ни крути, главное для человека — это родиться и пройти свой жизненный путь, а потому продолжительность этого пути — проблема, не лишенная интереса для самого человека и для науки.

Этот традиционный историко-демографический набор полезно расширить за счет проблем заболеваний и соответственно медицинского обслуживания, его стоимости, качества, доступности; проблем жилья и соответственно жилищного строительства, стоимости, качества жилья и т.д. Спор о границах исторической демографии идет давно — понимать ли ее узко, как считают «чистые» демографы, или расширительно, с большим учетом социальных факторов, как полагает большинство историков. В таком контексте изучение состояния медицины, жилищного фонда представляется необходимым, ибо иначе нельзя понять, почему столь различны в разных странах и на разных исторических этапах продолжительность жизни, причины роста или снижения смертности.

Разве неинтересно и бесполезно для науки исследовать, как, к примеру, в нашей стране в XX в. люди жили в коммуналках, как стояли десятилетиями в очереди, а потом получали бесплатное жилье, как появилась система покупки кооперативных квартир, и граждане со средней зарплатой называли себя «раздетые камнем», как затем появились комфортабельные квартиры типа «Золотой ключ», при том, однако, условии, что стоимость одного квадратного метра жилья в них значительно превышает годовую (!) зарплату научного сотрудника?

Здесь также наглядно прослеживается трудность типологизации, ибо медицину, жилье, как и работу, можно с теми же основаниями отнести к направлению, изучающему жизненные условия.

К исторической демографии формально примыкают проблемы брака, семьи, любви, сексуальной жизни т.д. Формально потому, что за последние годы эта проблема выросла по существу в самостоятельное научное направление, возникшее на сопредельных полях истории, демографии, социологии, психологии, юриспруденции. Как уже отмечалось, на Западе это направление получило широкое развитие. Резонно выделить его и в нашей типологии в качестве второго направления.

Каждое общество — невообразимое переплетение связующих нитей, традиционных, устойчивых и вновь образующихся. Семья — низовая ячейка. Но если говорят, что человек — это целый мир, то семья — тем более. Но она редко существует изолированно. Родственники, более или менее близкие, порой, как гигантская грибница, охватывают сотни единиц, а иногда ограничиваются только родителями и детьми. Семью дополняют различного рода землячества, содружества выпускников школ, университетов, компании сослуживцев, клубы по профессиям, интересам, кружки художественной самодеятельности, соседни по подъезду и даче.

Интимные отношения, браки, разводы, взаимоотношения поколений — моральные, материальные; воспитание детей и т.д. и т.п. — все это может и должно, как мы видим из приводившихся примеров западной науки, служить предметом исследований.

В качестве третьего направления можно выделить еще одну необъятную группу проблем, которая обобщенно может быть названа «жизненные условия». Сюда можно включить и жилье, о котором уже говорилось; бюджет семейный — по различным социальным, профессиональным, возрастным группам; зарплату и дополнительные

заработки; питание и одежду¹⁰. Взять хотя бы синдром дефицита, который в СССР и России процветал десятилетиями. Сколько сюжетов вокруг этого накручено. Стало знаменитым наблюдение иностранцев, что в России 1960-1980-х гг. дефицит своеобразен: полки магазинов пусты, а домашние холодильники полны. Историки отметят и спецбуфеты, и продажу с черного хода, и попытки нормирования. А в 90-е гг. возник синдром изобилия при нехватке денег. Полки магазинов полны, а домашние холодильники пусты.

К жизненным условиям можно отнести и транспорт. Коммуникационные вопросы в жизни человека играют очень большую роль – и в городе, и в деревне. Колоссальный рост количества личных автомобилей, время и деньги, затраченные на метро, трамвай, автобус, троллейбус, такси. Медицинское обслуживание, примыкающее, как упоминалось, к демографии, нельзя оторвать и от жизненных условий. Важно показать и развитие сети больниц, амбулаторий, поликлиник, профилакториев, плюсы и минусы их бесплатности, доступности. Проблема медикаментов – то дефицит, то невообразимые изобилие и дороговизна. Интересно, между прочим, показать и самоотверженность, опытность земских врачей и крайнюю недостаточность врачебного обслуживания в старой России, когда порой на целый уезд был один фельдшер, который писал в своих заключениях смехотворные фразы вроде: «Умер от ноги», «Умер от жара в пятке».

Нельзя забывать о сфере услуг – ремонте обуви и одежды, радиоприемников, телевизоров и другой вошедшей в быт аппаратуры, стирке белья.

Сюжетов так много, что лишь их перечисление займет многие страницы. Для подтверждения беру, как говорится, «на вскидку» проблему, касающуюся и касающуюся десятков миллионов людей, – как осуществлялась и осуществляется будничная взаимопомощь крестьян. В обобщающих, сводных трудах мы находим, как правило, лишь

фрагментарные упоминания о ККОВах (крестьянских комитетах общественной взаимопомощи) в 1921-1931 гг. и кассах общественной взаимопомощи. А ведь есть материалы, позволяющие выйти на такие узловые проблемы, как крестьянский менталитет, социально-экономическое положение крестьянства¹¹.

Наконец, четвертым направлением является проблема досуга. Здесь, как и по всем другим направлениям, мы наталкиваемся на множество сюжетов, начиная с физкультуры и спорта, которые не только вовлекали в свою орбиту миллионы участников, но заполняли досуг массы зрителей соревнований, порождая «синдром болельщика», и кончая дворовыми любителями игры в домино.

Досуг включает различные формы культурного отдыха — посещение театров, концертов, кино, выставок и проч. Голубой экран во многом изменил наши представления о том, как различные возрастные, социальные, образовательные группы людей проводят свое свободное время, насколько «телевизионная мания» влияет на их ментальность.

Сколько здесь интереснейших и важнейших для исследования тем! Обратимся к истории художественной самодеятельности — когда она зародилась, какие формы принимала? — от уходящих в глубокую древность деревенских посиделок, гуляний с песнями, танцами, играми до драматических, хоровых, музыкальных кружков и великолепных ансамблей, возникших в советское время при поддержке государства и профсоюзов.

А разве не является важным тематическим пластом изучение того, какое место в жизни человека занимают дружеские встречи-вечеринки, пикники, попойки, застолья, чаепития, домашнее музицирование, новое понятие «тусовка»? Изучая формы досуга, мы выходим на проблему гигантской важности — алкоголизм. Ее исследование поможет разобраться в том, почему пьянство занимало и занимает такое большое место в жизни россиян, превращаясь в реальную угрозу здоровью нации.

А занимаясь вопросами досуга детей и подростков, знакомясь с тем, какую роль играет в их жизни улица (понимаемая в широком смысле и конкретике — подъезды, подворотни, темные закоулки), мы выходим на проблему преступности, ее зарождения — от мелкого хулиганства до грабежа и разбоя. Не здесь ли берет начало еще одна угроза нации — наркомания?

Огромное значение имеет освещение рекреационной жизни, системы отдыха. Это неперемнная и важная часть человеческого бытия. Любопытно, например, проследить, как зародился в конце XIX — начале XX в. и стал массовым выезд горожан в пригородные места, как развернулось строительство дач, как сложилась практика летнего отдыха в крестьянских избах, в близких и дальних деревнях. После Отечественной войны все шире стало развлекаться «огородничество на 6-ти сотках», сочетаемое с летним отпуском. Постепенно развивался пеший, автомобильный, байдарочный туризм, появилось понятие (отнюдь не оскорбительное) отдыха «диким способом». У морей, озер и рек в летние месяцы вырастали палатки сотен тысяч, а может быть, и миллионов «дикарей». Наконец, особого внимания заслуживает рост в середине XX в. числа пионерлагерей, домов отдыха, санаториев, уровень их доступности.

С досугом связана (хотя и относительно) «праздничная проблема» — рассмотрение того, как отмечались государственные, религиозные, народные праздники, как в разное время трансформировалось их проведение. В советские годы религиозные праздники отходили на задний план. Приходили новые, революционные. Непросто осветить процесс бытовой и психологический — переход от старого к новому. Я вспоминаю, что в конце 20-х гг. у нас в семье отмечались только религиозные праздники — Рождество, Пасха и масленица. В начале 30-х гг. религиозные праздники еще отмечались, но в быт входили и советские. А к концу 30-х гг. религиозные увяли совсем.

Отмечали прежде всего 1 мая, 7 ноября, 23 февраля. 8 марта. Масленица, правда, оставалась всегда. Блины оказались неподвластными революционной морали.

С 90-х гг. своеобразно слились празднования Рождества и встреча Нового года. Возросло значение 8 марта, принявшего аполитичный, приятный для всех характер. 1 мая вместе с днем Победы составили особую праздничную декаду. Вопрос о том, как прививаются, входят в жизнь новые праздники, новые традиции, как происходит привыкание к постоянно менявшимся в XX в. названиям улиц, площадей, городов, представляет, несомненно, специфический интерес для науки. Ведь это своего рода часть макроизменений общественного сознания, народной ментальности, наглядное свидетельство удивительного своеобразия жизни российского общества в XX в.

Перечисление тем и проблем можно продолжить, ибо эта проблематика по существу безгранична, как сама жизнь. Она полихромна и полифонична.

Соответственно и источники изучения повседневности практически безграничны. Типология их выглядит примерно так. Во-первых, целесообразно использовать специальную (не историческую) литературу. Уже говорилось, что все отрасли современной жизни с годами переходят в компетенцию истории. Поэтому историческим источником являются данные о жилищном строительстве, медицинском обслуживании — состоянии больниц, поликлиник, заболеваниях (в частности, об эпидемиях), о достатке или недостатке медикаментов и т.д. Сюда же относится и такая специальная литература, как ведомственные отчеты (больниц, отделов здравоохранения), справки о ценах на лекарства, системе распределения медикаментов. Все сказанное относится, разумеется, не только к медицине и жилью.

Во-вторых, в распоряжении ученого имеются материалы смежных дисциплин — экономики, юриспруденции и др. Огромные массивы данных, которыми распо-

лагает статистика, открывают перед исследователем неисчерпаемые возможности для освещения самых различных сторон человеческого бытия. Статистика, как писали И.Ильф и Е.Петров, знает все. Да. Источниковые ресурсы статистики огромны, в том числе она содержит данные о браках и разводах, о семейных бюджетах, стоимости питания, жилья, одежды, обуви.

В-третьих, исключительное значение имеют воспоминания. Я имею в виду не только и не столько мемуары выдающихся деятелей о выдающихся политических, военных, культурных и прочих событиях. В данном случае важнее воспоминания рядовых граждан о быте, жилищных условиях, питании, словом, о жизни в будни и праздники, о ценах, ремонте квартир, служебных отношениях и т.д. Наибольший интерес, разумеется, привлекают условия жизни и быта во времена, когда происходят крупные события — в годы войн, революций. Но и в обычное, «мирное» время жизнь в ее бесчисленных проявлениях интересна для истории.

Много таких материалов опубликовано, огромное количество их хранится в центральных и местных архивах. В 1997 г. журнал «Дружба народов» опубликовал записи Натальи Евгеньевны Соколовой (Семпер) «Портреты и пейзажи. Частные воспоминания о XX веке». Я не слышал, что люди обратили внимание на эту публикацию, с интересом ее читали. Пример вроде частный. Умерла старая женщина-художница, искусствовед. Ее архив сдали в рукописный отдел Литературного музея. Им заинтересовались, отнесли в журнал. Там оценили, опубликовали в двух номерах¹² — редкий случай, ибо обычно так публикуются только большие романы. В этой публикации дается как бы взгляд изнутри, содержатся детали о коммунальках, об их обитателях, о том, как москвичи снимали дачи и многом, многом другом.

В-четвертых, следует сказать о массовой печати, в том числе областных, районных газетах, о многотиражках.

Это зеркало нашей жизни, хотя порой и кривое. Российская печать XX в. содержит столько разной по форме информации — хроникальных сообщений, кратких заметок, репортажей, критических корреспонденции, тематических статей, вплоть до судебных отчетов, — что наши дела и дни предстанут в весьма широком спектре.

В-пятых, хочу подчеркнуть значение художественной литературы. Именно для той проблематики, о которой идет речь, этот источник особо важен. Художественная литература — источник особого рода. Нигде так подробно не пишется о человеке, его чувствах, о человеческих отношениях, любви и ненависти, о быте и т.д. Но надо видеть и понимать, что бытие не только быт. Надо видеть и понимать, что художник имеет право на вымысел и фантазию, на гиперболу. Художественные произведения, повествующие о современной жизни, со временем превращаются в исторический источник, содержат ценные наблюдения и сведения о человеческой психологии, людских взаимоотношениях и настроениях. Конечно, надо учитывать специфику художественного произведения, помнить, что неизбежен субъективный подход автора. Без этого подхода, без авторского «я», авторского взгляда нет художественного произведения. Историк всегда должен об этом помнить. Надо видеть разницу между авторским вымыслом и прошедшей через призму авторского восприятия реальностью. Особенно полезны документальные повести, рассказы, очерки. Даже сатира отражает жизнь. Вспомним И.Ильфа и Е.Петрова. Быт второй половины 20-х — начала 30-х гг. предстает перед нами в сатирическом, гиперболизированном виде, но исторически правдиво. А у В.Маяковского черточки быта времен Гражданской войны, нэпа показаны поэтически образно, но опять-таки исторически достоверно. Практически в подавляющем большинстве художественных произведений отражена — в той или иной форме, той или иной степени — жизнь людей того времени, которому посвя-

щено это произведение. Задача ученого разбираться в этих описаниях.

В-шестых, хочу выделить значение социологических обследований. Последние десятилетия принесли гигантский объем социологических обследований. Они охватывают в деталях все стороны жизни, включая самые интимные, сокровенные. Сегодня это принадлежит социологии. В материалах обследований — труд, досуг, цены на бензин и пиво, мысли и суждения, рабочие, крестьяне, ученые, артисты, бомжи и проститутки. Сегодняшние социологические обследования, все эти бесчисленные анкеты с умными и не очень вопросами и ответами с годами становятся ценнейшим историческим источником.

В-седьмых, нельзя забыть о письмах, дневниках. Их ценность в качестве исторического источника давно доказана и показана. В этом плане следует положительно оценить деятельность Б.С.Илизарова в плане создания «Народного архива»¹³. Большую работу ведет руководимый А.К.Соколовым Центр новейшей истории политологии ИРИ РАН.

Хотелось бы предостеречь от суждений о легкости работы по этим направлениям. Здесь, как и во всем, должна биться живая, творческая мысль, сочетаемая со скрупулезной собирательской и аналитической работой. Огромная сложность — увидеть большое в малом, доказать типичность тех явлений, о которых идет речь в мемуарах, дневниках, письмах, показать общее и особенное. Мы допустим грубую ошибку, выбирая отдельные, случайные факты и примеры и выдавая их за массовое явление. Надо сочетать — это задача прежде всего исторической демографии — сводные, обобщенные сведения, которыми обладает статистика, с конкретными, живыми свидетельствами современников. Существует опасность ухода в мелкотемье, утери концептуального подхода видения исторического процесса в целом, появления возможности за деревьями не увидеть леса, ухода в описательность, опасность преувеличения частных. Изу-

чение того, как происходили катаклизмы, рушились и создавались империи, вспыхивали войны, революции, не противостоит изучению того, как жили и чувствовали себя люди в условиях этих исторических переломов. Многомерность истории в том и состоит, что исторический процесс складывается из многих потоков. История повседневности — один из них. Но если и называть его мини-историей, то не надо мини-историю к тому же минимизировать и разводить глубокую философию на мелком месте. Мы можем увлечься и опустить науку до уровня дамского рукоделия, изучать историю общественных уборных и организацию чистки штиблет на улицах. Во всем нужна мера.

Естественно, что и сам человек, его деяния, поступки, уровень сознания не могут быть забыты или обойдены. История изучает человека в конкретной исторической обстановке. Чтобы понять исторические события и явления, надо решить двуединую задачу — показать и человека, и обстановку.

Изучая историю человека в повседневности, мы действительно в полной мере делаем человека главным действующим лицом, ставим его в центр исторического процесса. Но при этом трудности нашего бытия, в частности, а может быть, прежде всего, вызваны тем, что человеческая природа далека от совершенства. Прародительница Ева, даже ничего не зная о пользе витаминов, не смогла удержаться от соблазна сорвать яблоко. Я далек от идеи первородного греха и исконной порочности человека. Но еще четверть века назад мне удалось опубликовать соображения о том, что тысячелетия борьбы человека за выживание, существования в условиях социального неравенства, насилия, угнетения выработали в нем (и это закрепились генетически) эгоизм, зависть и множество других негативных черт. Поэтому не надо идеализировать человека.

Мы думали, что решениями партии и правительства сумеем перевоспитать человека, за короткий срок превратить его в активное, высокосознательное существо,

думающее прежде всего об интересах общества, а лишь потом о своем благе. Но эта задача не решена ни в одном государстве, ни при одном режиме. Процесс перевоспитания человека оказывается длительным, сложным.

Не надо, конечно, в научных трудах специально выпячивать человеческие недостатки и пороки. Наука (и прежде всего историческая) призвана показывать человека таким, каким он был и остается — сложным, противоречивым, с трудолюбием и ленью, добротой и жестокостью, скупостью и щедростью и — главное — столкновение и переплетение этих свойств в повседневности, на работе, во время досуга, во взаимоотношении полов и поколений, в меняющихся исторических условиях.

---

¹ 18th International Congress of Historical Sciences. Final programme. 1995. P. 18-20.

² Ibid. S. 31, 32.

³ 18th International Congress of Historical Sciences. Programme Supplement. Montreal, 1995. P. 55-64.

⁴ Международный журнал социальных наук. М., 1996.

⁵ *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России. Конец XIX — начало XX в. М., 1979.

⁶ Советский рабочий: духовная сфера и быт. М., 1998.

⁷ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

⁸ Частная жизнь. Человек в кругу семьи / Под ред. Ю.Л.Бессмертного. М., 1996.

⁹ Об изучении социальной истории, расширении ее проблематики см.: *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 1. М., 1998; *он же.* Предисловие // Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1998.

¹⁰ Особого рассмотрения заслуживают проблемы адаптации переселенцев. Ведь миграционные потоки всегда в России были значительны. Изучение того, как обживались новоселы, как налаживался их быт, как шло обустройство и освоение новых земель на севере и востоке, имеет несомненно серьезное научное значение.

¹¹ Многочисленные материалы и специальную литературу проанализировал и обобщил В.С.Григорьев в интересной монографии «Взаимодействие политики и народных традиций (социально-политическая роль органов крестьянской взаимопомощи в России. 1921-1941». (Чебоксары, 1997).

- ¹² Семпер (Соколова) Н. Портреты и пейзажи // Дружба народов. 1997. 2, 3.
- ¹³ Илизаров Б.С. Центр документации «Народный архив». Справочник по фондам. М., 1998.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Ю.П.Шарапов:

В «Общей газете» опубликован интересный материал о том, что на Западе готовятся к появлению шестимиллиардного жителя Земли, но Россия остается в стороне от этого процесса. В данном материале, в частности, говорится о сегодняшней российской повседневности, например, о том, что смертность в нашей стране по-прежнему превышает рождаемость. На Ваш взгляд, почему?

Ю.А.Поляков:

Это старая и давняя дискуссия — почему у нас снижается рождаемость. Почему увеличивается смертность — это более или менее понятно. Здесь мы находимся на одном из первых мест в мире. Это стыдно, это позорно для нас, это характеризует наше общество, наше государство не с лучшей стороны.

Что касается общей тенденции к увеличению или к уменьшению населения, то здесь существуют разные взгляды. Ряд демографов и на Западе, и у нас (например, активно отстаивает эту линию А.Г.Вишневский) считают, что это демографический переход и что все цивилизованные страны этот этап прошли, причем богатые страны. Всем известно, что в бедных странах — например, в странах Африки — напротив, наблюдается бурный рост населения. Или, если взять Китай, который быстро растет вообще, в том числе отличается и быстрым ростом населения, сейчас и в Китае, и во Вьетнаме принимаются

очень строгие меры, направленные на снижение рождаемости, в то время как в богатых цивилизованных странах – таких как Англия, Франция, – рождаемость отстает.

Т.е. одна из теорий гласит о том, что неизбежен демографический переход, что многодетные семьи становятся архаизмом, пережитком, и однодетная, в лучшем случае двухдетная семья становится правилом. Все это историческая неизбежность и закономерность.

Есть и другая точка зрения, которая сводится к тому, что в тяжелых условиях, в каких находится наше общество, рождаемость снижается именно из-за неуверенности в будущем и из-за материальных сложностей.

Я думаю, что большее значение для нашей страны (ведь демографическая ситуация в разных странах различная) имеют сегодняшние трудности, сегодняшняя обстановка, невыплата зарплаты, снижение жизненного уровня, неуверенность в будущем. Хотя, рассуждая теоретически и сравнивая различные периоды нашей российской истории (я сейчас не имею в виду наш Восток, Среднюю Азию, а основные российские регионы), здесь можно подметить определенные закономерности, не обязательно связанные с современной ситуацией.

Значит, есть две тенденции, о значении которых идет спор, но большую роль, на мой взгляд, имеет сегодняшняя неблагоприятная экономическая материальная ситуация.

Ю.И.Кирьянов:

Какие вы видите пути возрождения, оживления тематики, которая бесспорно заслуживает внимания?

Ю.А.Поляков:

Центр, которым я руковожу эту тематику собираются развивать, в частности, проблемы семьи у нас изучают Н.А.Араловец, О.М.Вербицкая, В.Б.Жиромская. Но все остальное зависит от нас самих, в той степени, в какой научные сотрудники нашего института заинтересуются этой тематикой и сочтут ее заслуживающей внимания. Я думаю, что Дирекция будет поддерживать эти тенденции.

В институте всеобщей истории созданы специальные структуры. Может быть целесообразно так сделать и у нас.

И.Е.Зеленин:

Как вы относитесь к термину, очень популярному в свое время — «человеческий фактор»? Как он вписывается в вашу тематику «Человечество и повседневность»?

Ю.А.Поляков:

У нас всегда есть крайности: появится какой-то термин, в особенности если он опущен «сверху» — за него сразу же хватаются, под него верстаются планы и т.д. Вредного в этом ничего нет. Да, человеческий фактор существует. Все мы — люди, мы действуем, мы пишем и т.д. От нас зависит и судьба государства, судьба науки. Это значение человеческого фактора. И спор по этому вопросу — о вредности или полезности человеческого фактора и о том, как его понимать, — это спор терминологический, не более того.

Б.С.Илизаров:

Мне показалось, что один вопрос в докладе немного обойден. Поскольку мы имеем дело с новым объектом, возникает проблема и нового метода. Достаточно ли тех методов, которые есть у нас, для того чтобы изучать повседневность человека, и не отравились ли мы марксистско-ленинской терминологией до такой степени, что забыли о проблеме метода как такового?

Ю.А.Поляков:

Компьютеризация, которая стала реальностью в нашей научной действительности, вносит принципиальное изменение в методики. Чрезвычайно трудно доказать типичность того или иного факта, в особенности когда появились массовые источники. Что типично, что нет? Новые методики и доказательства с использованием компьютеров могут это показать.

Мы говорим, например, о биографиях людей, наших кадров. В архиве есть 600 тыс. личных дел государственных, партийных, профсоюзных, хозяйственных кадров. Их невозможно обработать ручным способом, но можно использовать, заложив в банк данных. Это новая методика. Мы на протяжении многих лет пытались создать банк данных для «книги памяти». У нас ничего не получалось до тех пор, пока А.И.Чугунов, руководивший тогда ВНИИДАДом, не ввел в дело компьютеры. Он получил деньги от фонда Мира, купил компьютеры, нанял студентов и пенсионеров и сумел обработать довольно много данных. На этой основе удалось создать банк памяти о погибших во время Великой Отечественной войны. Сейчас можно было бы обработать многие тысячи дел, хранящихся в центральных российских архивах. Это была бы новая методика.

Таким образом, новые методики возможны и необходимы. И главным в методике я вижу использование компьютеров.

С.В.Журавлев:

То, что вы сегодня говорили об истории эмоций, о микроистории, о истории повседневности, изучать с точки зрения компьютерных методов очень сложно.

Тем не менее, существует методика,работанная другими дисциплинами, и вы правильно говорили, что история повседневности сама по себе междисциплинарна. И методики, значит, должны быть междисциплинарными.

В этом смысле как вы относитесь к методике,работанной другими дисциплинами, в частности, исторической антропологией?

Второй вопрос. Имеет ли смысл разграничить сферы повседневного и неповседневного и существует ли российская или советская специфика в этом вопросе?

Ю.А.Поляков:

Эти методики использовать нужно, но делать это спокойно, не увлекаясь иногда не слишком научно обоснованными положениями.

Второй вопрос — о разграничении субъектов повседневности и неповседневности, если «повседневность» понимать буквально, то это то, что происходит каждый день. Но так это понимать было бы неправильно. «Повседневное» — это то типичное, что проявлялось на протяжении относительно длительного времени применительно к определенному периоду. Например, можно исследовать коммуналку как явление 20-30-40-х гг., дожившее и до наших дней.

В.П.Данилов:

Я придаю докладу Ю.А.Полякова исключительное значение. В том кризисе методологии, в общем кризисе исторической науки, в котором мы сейчас пребываем, вопросы, поставленные в докладе, имеют принципиально важное значение, и я целиком солидарен и с постановкой и решением проблемы о соотношении таких относительно новых направлений исторических исследований, каким является изучение повседневности. Здесь можно было бы к перечню уже названных работ представителей советской историографии добавить еще ряд работ. Это работа Романова по истории древнейшего периода Руси, исследования истории селений, районов, таких, например, как пушкинская «История села Горюхина».

Уровень мог быть различным, но само направление было всегда. Здесь важно, чтобы развитие этих направлений, которые получили на Западе название микроистории, и здесь я солидарен с докладчиком, не приняли бы самодовлеющего значения, определяющего общий характер развития исторической науки.

Поскольку мы находимся в начале серьезной исследовательской постановки этих направлений в историографии, для нас важно понять их важность и взаимосвязь с общей макроисторией. Микроистория призвана углубить понимание общего исторического процесса, т.е. макроистории.

Приведу два-три примера актуальности исследования повседневности для понимания проблем российской истории. Вопрос о специфике русского исторического процесса. С 1990-1991 гг. — это одна из самых ходовых идеологических проблем. Здесь мы встречаемся прежде всего с интерпретацией особенностей этого процесса в связи с особенностями русского православия.

Можно назвать имена западных историков, опубликовавших работы в 1990-1992 гг., работы российских историков и социологов, которые выступают в этом ключе. К ним относятся очень интересные, серьезные работы, например, книжка Касвиновой. Хотя и в ней попытка специфику русского исторического процесса, русской ментальности вывести из особенностей русской религиозности не сможет получить ответа без исследования повседневности.

Второй пример. В литературе мы находим достаточно утверждений о том, что русской ментальности присуще преклонение перед верховной властью, перед «властелином», «государем» или перед тем лицом, который собирает в своих руках всю власть. Это довольно распространенное утверждение в современной социологической, политологической, и, к сожалению, в исторической литературе. Я считаю это идеологическим построением, но думаю, что исследования повседневности в состоянии будут показать, что такие авторы минувших времен, как, допустим, Л.Н.Толстой, да и многие другие, были правы, когда говорили, что русской натуре, русскому характеру свойственно противостояние власти, нежелание участвовать во власти, у них совсем другое отношение к власти, особенно к власти верховной, по сравнению с тем, что приписывается им в современной политико-социологической литературе.

С. О. Шмидт:

Я хотел бы поблагодарить докладчика и Ученый совет за саму постановку такого долгожданного по тематике доклада.

Сейчас создалось несколько странное положение. В Институте всеобщей истории наблюдается достаточное соответствие интересам современной науки, во всяком случае относительно к периоду средневековья и раннего нового времени, а в нашем институте это публично проявляется недостаточно.

Я говорю «публично», потому что невозможно, когда выкристаллизовываются во всем мире интересы историков, проводится все больше общих конгрессов, когда выработывается новая методика, этим не заниматься. И этим занимаются, особенно по отношению к советскому периоду.

Это происходит преимущественно потому, что мы до сих пор не избавились от историографических шор, которые особенно четко выразились в безнадежно устаревших «Очерках истории исторической науки», выпущенных нашим институтом, когда, во-первых, все сводилось преимущественно к исторической концепции, а не к методике изучения, не к определявшим частностям, во-вторых, к нескольким именам. Но они же определяют только вершины достижений исторической науки. Это всегда два, три, пять имен на протяжении одного поколения. Все было идеологизировано и не отмечалось то каждодневное, что происходит в науке, в том числе заслуги краеведения. Не замечали главного. Карамзин сводился к государственной школе. Между тем, первый том Карамзина, формулировавший задачи историка, это попытка, удивительная по тому времени, — описать быт народа до пришествия Рюрика на основании источников, которые были. Потом он остановился, потому что у него не было источников — ни этнографии, ни археологии, ни истории народностей допетровских времен. Только в

30-е гг. XIX в., когда было обращено внимание на народность, появились государственные статистические комитеты, анкеты Географического общества, Ученая архивная комиссия.

В середине XIX в. у нас уже было два равноценных мощных историка. Один занимался преимущественно государственной историей с обращением внимания на географический фактор (Соловьев), а другой — историей быта (Забелин), и Ключевский, который был чаще всего эклектиком, начал свою научную карьеру со сказаний иностранцев о России, т.е. пытался как раз описать каждодневную жизнь.

Докладчик не упомянул слово «краеведение». А краеведение и было той самой микроисторией, которая существовала, по крайней мере начиная с географических экспедиций XVIII в., была основой деятельности Статистического комитета и ученых архивных комиссий.

Мы забыли о тех исторических заготовках, которые существовали вплоть до 20-х гг. XX в. Мы ссылаемся на действительно гениального Броделя и по формулировкам, и по умению изобразить, но ведь в 20-е гг., золотое время краеведения, разрабатывались вопросы, анкеты, повседневно внедрялось это в политическую историю. Самый крупный историк той поры Богословский пишет совершенно по-иному историю Петра — каждодневная жизнь Петра и вокруг него. Последняя книга Платонова, изданная за его счет в 1927 г. (сейчас ее переиздают с моим послесловием), «Пушкинский уголок» — краеведческое описание района Псковской области, где было Михайловское. М.Н.Тихомиров начинал с города Дмитрова. В 1929 г. произошел разгром краеведения и историки, которые начинали с краеведения, — Бахрушин, Черепнин и другие, в свои работы не включали эти труды.

Вот ранняя работа моего предшественника по Археографической комиссии В.И.Шумко. 20-е гг. «Анкета изучения жизни подмосковных селений московскими

школьниками», то есть приобщение к началам краеведения. Наша задача — найти историографические традиции. Очень многое сделано, но не имеет наименований и недостаточно учтено. Если в области исторической демографии, усилиями Ю.А.Полякова, прежде всего, краеведческие традиции восполняются, то в изучении народного быта — крестьянского, интеллигентского, городского — это не сделано. Книжка «Краеведение. Документальный памятник», которая издана мной в 1992 г., есть попытка обобщения того многого, что сделано (работа Филимонова, множество диссертаций). Вот здесь и приходится сказать, что наш Институт не вполне выполняет свои функции. Я — председатель Союза краеведов России. Недавно мы провели очередную конференцию. Без наших указаний (у нас на это нет денег), с мест привозили тома омских, вятских, кемеровских, сыктывкарских изданий. На местах начинается массовое изучение местных особенностей, то есть та самая микроистория.

Наш Институт должен воспользоваться этим для того, чтобы это научное начало (возможны связи с Институтами всеобщей истории и этнологии) все более развивалось. Может быть, стоит подумать о совместной конференции с Институтом всеобщей истории, чтобы обсудить эти проблемы на примере наших отечественных методов, потому что и по феодализму, и по советскому периоду можно многое сказать, и когда мы это сделаем, мы будем выглядеть совсем не так плохо. Нам нужно рассмотреть два важнейших фактора нашей отечественной истории, отличающейся от европейской истории. Во-первых, мы огромная страна с разными географическими условиями, и повседневность районов рыбной ловли и охоты не такая, как повседневность земледельца или конника. Второе — мы с самого начала были многонациональны и многоконфессиональны. Это бытовое взаимодействие тоже имело огромное значение. Вероятно, особенность нашей отечественной истории и в том, что в повседневно-

сти были часты смешанные браки и перенятие обычаев других народов.

Спасибо докладчику, что он вдохновил людей, занимающихся разными периодами истории, на возможное общение и взаимопроникновение методики исследований.

Б.С.Илизаров:

Во-первых, я хотел бы присоединиться к общей оценке доклада, он очень своевременен, интересен и достаточно обширен: по существу, были затронуты основные проблемы, которые касаются этой тематики.

Я бы хотел обратить внимание на два сюжета. Когда обсуждаются проблемы истории, политики, истории государства — это одно, истории, повседневности — это другое. Данной проблеме у нас уделялось и уделяется до сих пор очень мало внимания. В этом отношении западные историки продвинулись дальше и интереснее, особенно французская школа. Тем не менее эти сюжеты в той или иной форме у нас затрагивались.

Проблему можно рассмотреть еще и по-другому. Мы считаем повседневностью историю кого? Крестьянства, рабочего класса, интеллигенции. Речь идет об обобщенном понимании понятий.

Вопрос, видимо, в том, что такое конкретный человек, история конкретного человека. Если мы опрокинем эту проблему в прошлое, то перед нами вырастет огромная, совершенно невероятная картина, потому что тогда выяснится, что стоявшие за нами поколения, это уже по существу огромный космос, и каждая индивидуальная история — это огромный космос тоже.

Фактически сейчас мы выходим на уровень того, чтобы хотя бы приблизиться к пониманию того, что надо изучать отдельного конкретного человека.

Здесь и возникает проблема нового метода. Я руководжу Народным архивом, поэтому знаю, какие документы приходят к нам. Недавно у нас вышел Путеводитель. Приведу лишь один пример.

Например, в архиве есть дневник самого обыкновенного, ничем не примечательного человека, который с 1930 г. до своей смерти в 1998 г. ежедневно вел этот дневник. Он пришел из деревни, был рабочим, в 30-е гг. был стукачом, потом раскаялся. Он писал о том, какие цены, какие люди его окружают, то есть о конкретной ежедневной жизни. Дневник совершенно уникальный документ во всех отношениях – это просто жизнь одного человека за 30-40 лет, записи отдельного, уникального, неповторимого человека – о том, как он включается в атмосферу тех лет, как живет в этой атмосфере, как он влияет и как на него влияет эта атмосфера. Таких дневников много.

Это совершенно новая проблема, связанная с феноменологией человека.

А.К.Соколов:

Необычайно актуальна данная тема доклада – изучение человека в повседневности. Недавно я переводил статью главы германской школы «История повседневности» А.Лютке. Действительно, формируется целое программное направление, которое ставит во главу угла изучение истории повседневности. Я не являюсь сторонником обособленного изучения истории повседневности.

Здесь не раз обращалось внимание на то, что малой историей занимались и сейчас занимаются много, но она считалась действительно малой, а в большой истории, в макроистории решались большие и важные вопросы. Но когда мы начинаем смотреть на различные аспекты человеческой жизни в истории, то поле нашего исследования необычайно расширяется. Для западного человека это немаловажный вопрос.

Я считаю, что это вопрос актуализации исследований. Те вопросы, которые задает общество, которые стоят перед ним, и диктуют обращение историков к той или иной проблематике, в том числе и повседневной (взять хотя бы проблему налогов, которая в течение длительного времени не была актуальной).

Вопрос насчет разграничения повседневного и неповседневного. Этот вопрос очень важен и я принадлежу к тому направлению, которое не разграничивает эти сферы.

Нам как представителям социальной истории нужно немножко изменить угол зрения на то, что мы изучаем. Традиционно наши исследования, как сейчас модно говорить, исследовательская парадигма построены на изучении государства, властных институтов и т.д. Под это построено и все наше источниковедение. Давайте изменим немного угол зрения и поставим в центр внимания общество. Тогда многие сюжеты, в том числе и связанные с повседневностью, лягут на свое место, в том числе и человек по отношению к государству и власти.

Проблема, как изучать человека и историю для нас очень актуальна. Одна из первых задач — это переосмысление всех тех комплексов источников, которые мы изучаем, в свете их значения для социальной истории и истории повседневности. Вторая задача — это выявление, обозначение этих комплексов и определение путей их исследования.

Человека в истории очень непросто изучать. Когда мы обращаем внимание на изучение человека в истории, мы сразу должны понять, что речь идет о массовых процессах и явлениях. Здесь применимы все методы, в том числе и самые новейшие технологии, хотя на этот счет ведутся в настоящее время бурные дискуссии, в том числе и с точки зрения исторической герменевтики, современного языка и т.д. Когда создавался Центр новейшей истории и политологии, мы обозначили как основное направление его работы социальную историю. Мы вошли в тесный контакт со специалистами всеобщей истории, добились того, что альманах «Социальная история» (в ближайшее время выходит его второй выпуск), будет теперь выходить и под эгидой нашего Института, и всех сотрудников Института мы приглашаем участвовать в этом альманахе, в его будущих выпусках.

Ю.А.Поляков:

Я благодарю всех коллег за то, что они поддержали основные положения доклада и высказали новые интересные соображения.

А.В.Игнатьев:

Предлагаю утвердить проект решения Ученого совета, связанный с докладом Ю.А.Полякова.

Ученый совет признает актуальность и научную значимость проблемы, обозначенной в докладе академика Ю.А.Полякова «Человек в повседневности. Исторические аспекты», что обусловлено логикой развития мировой и отечественной науки. Ученый совет Института российской истории считает, что это направление должно стать одним из основных в дальнейшей работе Института.

Ученый совет рекомендует:

1. Всем центрам и группам Института учесть это обстоятельство при планировании дальнейшей работы.

2. Группе истории населения России (В.Б.Жиромская) включить в план своей работы создание сборника «Человек в повседневности. Исторические аспекты» и провести на эту тему научную конференцию или «круглый стол».

3. Научному совету по исторической демографии и исторической географии (Ю.А.Поляков) усилить координацию с соответствующими структурами Института этнологии и антропологии, Института психологии, Института всеобщей истории и МГУ, с местными научными учреждениями.

4. Просить академика Ю.А.Полякова опубликовать доклад в научных журналах*.

---

* Журнальный вариант статьи Ю.А.Полякова опубликован в журнале «Отечественная история» (2000. 3. С. 125-132).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>В.В.Трепавлов.</i> Ногайская Орда в истории России.....	5
<i>Н.А.Соболева.</i> Печать 1497 г. — историко-художественный памятник Московской Руси	30
<i>И.М.Пушкарева.</i> Перспективы изучения рабочего движения в России в свете новых концепций	68
<i>Ю.И.Кирьянов.</i> Правые партии в России в 1905-1917 годах	110
<i>А.А.Иголкин.</i> Отечественная нефтяная промышленность в первой трети XX века	139
<i>С.Н.Базанов.</i> Борьба за русскую армию в послеоктябрьский период	157
<i>С.В.Журавлев.</i> Иностранцы в советском обществе 1920-1930-х годов	186
<i>В.И.Котов.</i> Межнациональные отношения на Северном Кавказе в 20-30-е годы	210
<i>Л.Н.Нежинский.</i> Кто и как определял внешнюю политику Советского государства в 20-30-е годы XX века?	240
<i>В.Б.Жиромская.</i> Проблемы истории населения Российской Федерации в 1930-е годы	258
<i>Ю.А.Поляков.</i> Человек в повседневности. (Исторические аспекты)	290

Компьютерная верстка:
Васильева Н.В.

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
ЛР 020768 от 15.04.98.

Подписано в печать 14.05.02   Формат 60x84/16.   Заказ № 15
Тираж 300 экз. 20,25 п.л. 14,17 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19